

Я54
Х23

Министерство высшего образования УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ

Харьков — 1959

Министерство высшего образования УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА
КАФЕДРА ТРУДОВОГО, ЗЕМЕЛЬНОГО И КОЛХОЗНОГО ПРАВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ

Харьков — 1959

Печатается по постановлению Ученого Совета
Харьковского юридического института
от 16 декабря 1957 г.

Редакционная коллегия:

Доктор юридических наук,
профессор *С. И. Вильнянский*
(отв. редактор),

Доктор юридических наук,
профессор *М. В. Гордон*,

Доктор юридических наук
М. И. Бару,

Кандидат юридических наук,
доцент *В. Ф. Маслов*,

Кандидат юридических наук,
доцент *А. А. Пушкин*

Профессор С. И. ВИЛЬНЯНСКИЙ, доцент А. А. ПУШКИН

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Решения шестой и седьмой сессий Верховного Совета СССР четвертого созыва поставили перед советскими юристами большую задачу: направить свое внимание на дальнейшее совершенствование советского законодательства. Перед работниками советской науки гражданского права стоит не только вопрос об активном участии в составлении гражданских кодексов, но и не менее важный вопрос о подготовке законодательных актов, определяющих правовое положение государственных промышленных, строительных, торговых и других предприятий и об оформлении их договорных связей на основе проведенной в соответствии с решениями седьмой сессии Верховного Совета СССР реорганизации управления промышленностью и строительством в СССР.

Первый вопрос привлек большое внимание как научных, так и практических работников, вызвал оживленное обсуждение на страницах печати, на научных конференциях и на совещаниях. К кодификации советского гражданского права фактически уже приступили: разработан проект Основ гражданского законодательства, во многих союзных республиках уже подготовлены проекты гражданских и других кодексов.

Второй вопрос также настоятельно требует разрешения.

Между тем оба эти вопроса тесно связаны между собою. Кодификация советского гражданского права осталась бы незавершенной, если бы наряду с Основами гражданского законодательства и гражданскими кодексами союзных республик, не были разработаны Положения о государственных предприятиях и хозяйственных организациях, о договорных связях между предприятиями различных экономических районов, об ответственности за нарушение обязательств по кооперированным поставкам и другие положения в связи с органи-

защитой советов народного хозяйства в административных экономических районах.

Но эти вопросы требуют своего законодательного урегулирования за пределами Основ гражданского законодательства СССР и гражданских кодексов.

Нельзя согласиться с мнением, что с появлением Основ гражданского законодательства СССР исключается возможность издания общесоюзных актов, регулирующих отдельные виды имущественных отношений в СССР.

Необходимо иметь в виду, что пересмотру подверглась не вся статья 14 Конституции СССР. Согласно статье 14 Конституции СССР в ее нынешней редакции, регулирование гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с внешней торговлей (п. «в»), управлением транспортом общесоюзного значения и связью (п. «н»), управлением банками и руководством денежной и кредитной системой (п.п. «м» и «о») сохраняется в ведении Союза ССР.

Основы гражданского законодательства должны служить базой для гражданских кодексов и других актов, издаваемых в союзных республиках. В Основы должны быть включены такие положения, которые подлежат затем более подробной разработке в законодательстве союзных республик.

В докладе на шестой сессии Верховного Совета СССР М. А. Гедвилас справедливо указывал на то, что в гражданском праве не могут по-разному решаться коренные вопросы пользования государственной собственностью, поскольку она, согласно Конституции СССР, является всенародной собственностью, а также не могут по-разному решаться вопросы, связанные с расчетными и кредитными отношениями между государственными и общественными организациями, вопросы перевозок железнодорожным, водным и воздушным транспортом¹.

По мнению С. Н. Братуся, во избежание дублирования норм в двух законодательных актах общесоюзного значения и для сохранения специфики Основ как законодательного акта, служащего предпосылкой для гражданско-правового регулирования имущественных отношений в порядке республиканского законодательства, лучше сохранить полное регулирование этих отношений за специальными общесоюзными актами².

Едва ли можно согласиться с Б. С. Антимоновым и К. А. Граве, что в настоящее время в области гражданского

¹ Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия). Стенографический отчет, 1957 г., стр. 457—458.

² С. Братусь. О соотношении Основ гражданского законодательства Союза ССР и гражданских кодексов союзных республик, «Советская юстиция», 1957 г., № 3, стр. 12.

законодательства за Союзом ССР сохранено право издавать только его Основы¹. Правда, указанные авторы говорят об общесоюзном законодательстве по наследственному праву, но даже если стать на их точку зрения, то это не означает, что Основы будут исчерпывать все общесоюзное гражданское законодательство. За Союзом ССР Конституция сохраняет право издания общесоюзных специальных актов, полностью регулирующих имущественные отношения по отдельным указанным выше вопросам.

Нельзя согласиться также и с Д. А. Керимовым, что в форме Основ должен кодифицироваться такой общесоюзный законодательный материал, который представляет собою «законченный» законодательный акт с подробной регламентацией отношений, им регулируемых, и что издание Основ исключает конкретизацию его положений законодательством союзных республик.

Такое утверждение противоречит решениям XX съезда КПСС и последовавшим затем актам о расширении прав союзных республик, а также значению и смыслу Закона от 11 февраля 1957 г. Предлагаемое Д. А. Керимовым издание, кроме «Основ», еще и «Основных начал» как акта, который должен быть положен в основу законодательства союзных республик, конкретизирующего общие принципы Основных начал, также не соответствует Закону от 11 февраля 1957 г.²

Основы гражданского законодательства СССР должны содержать в себе положения, подлежащие более полной разработке в гражданских кодексах союзных республик. Но общесоюзные Основы нужно рассматривать не как директиву для составления гражданских кодексов, а как Закон, который вступит в силу после его опубликования, начиная с указанной в нем даты.

Очевидно, что после издания Основ через некоторое время будут приняты гражданские кодексы в союзных республиках. Поэтому возникает вопрос о применении ныне действующих гражданских кодексов в промежуток времени между вступлением в силу общесоюзных Основ и будущих гражданских кодексов. Затем возникнет еще один вопрос: о соотношении между Основами и прежде изданными общесоюзными законодательными актами, которые не будут соответствовать новым положениям этого общесоюзного закона.

Поэтому в Основы следовало бы включить вводные или заключительные постановления, которые содержали бы,

¹ Б. Антимонов и К. Граве. К разработке Основ гражданского законодательства СССР (вопросы наследственного права). «Советская юстиция», 1957 г., № 5, стр. 36.

² Д. А. Керимов. Понятие и формы кодификации, «Вопросы кодификации советского права», вып. 1, Ленинград, 1957 г., стр. 10.

например, такие статьи. В первой статье следовало бы указать, с какого времени Основы вступают в силу. Во второй статье следовало бы указать, что до принятия новых кодексов союзных республик сохраняют свою силу действующие гражданские кодексы, поскольку содержание их не противоречит Основам. И, наконец, в третьей статье следовало бы указать, что все прежде изданные общесоюзные акты сохраняют свою силу, поскольку содержащиеся в них положения не противоречат новому Закону. Полезно было бы снабдить Основы перечнем тех общесоюзных законов, которые утратили силу в связи с изданием Основ.

Между будущими гражданскими кодексами союзных республик будут известные расхождения, вызываемые национальными, историческими, бытовыми и другими местными условиями. Поэтому возникает вопрос о применении различных по содержанию законов союзных республик. Этот вопрос может быть разрешен посредством включения в Основы гражданского законодательства СССР правил, изложенных в постановлении 32-го Пленума Верховного Суда СССР, с соответствующими поправками и дополнениями.

Однако целесообразно, чтобы эти расхождения вызывались действительными потребностями, а не случайными причинами. Поэтому необходимо, чтобы Юридическая комиссия при Совете Министров СССР взяла на себя координацию, обмен опытом между союзными республиками, чтобы была обеспечена известная договоренность между ними, такая согласованность кодексов, которая облегчила бы в будущем их применение, устранила бы неоправдываемый местными потребностями разнобой. Вот почему следовало бы организовать при Юридической комиссии совещание для обмена мнениями и согласования вопросов, вызывающих спор.

Депутат Н. И. Муххвелишвили говорил на шестой сессии Верховного Совета СССР о том, что при разработке кодексов союзных республик «понадобится самое тесное сотрудничество всех союзных республик, ибо если каждая республика будет руководствоваться лишь общесоюзными основами, не консультируясь с другими союзными республиками, может получиться недопустимое несоответствие»¹.

Реорганизация управления промышленностью и строительством, проведенная на основе решений февральского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и седьмой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва потребует, конечно, и издания гражданско-правовых норм, относящихся к правовому положению государственных промышленных и строительных пред-

¹ Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия). Стенографический отчет, 1957 г., стр. 516.

приятый, определения правосубъектности хозяйственных организаций и предприятий, разрешения вопроса о сохранении трестов и их правах и т. д. Но эта реформа потребует пересмотра Положения о трестах 1927 г. и других общесоюзных актов. Внесение всех этих правовых норм в гражданские кодексы или в Основы гражданского законодательства нецелесообразно и задержало бы их издание.

В гражданских кодексах должна найти себе место только четкая характеристика юридического лица. Конкретное определение видов государственных предприятий и других хозяйственных организаций, их структуры и взаимоотношений, требующее подробного урегулирования, не может найти себе места в гражданских кодексах. Поэтому в Основах гражданского законодательства не следует давать хотя бы общей характеристики трестов, комбинатов и других видов хозяйственных организаций или предприятий.

* *
*

Закон от 10 мая 1957 г. характеризует советы народного хозяйства, образуемые по экономическим административным районам, как основную организационную форму государственного управления промышленностью и строительством. В соответствии с этим совершенно по иному ставится и вопрос об укреплении хозрасчетной деятельности предприятий, подчиненных совнархозам, и о правовом оформлении их деятельности. Главным звеном, которое нуждается в самостоятельной правовой форме, является производственное предприятие — фабрика, завод. Вместе с тем управление предприятиями возложено на отраслевые управления совнархозов. Передача производственных предприятий, трестов, комбинатов в ведение совнархозов и создание в составе их отраслевых управлений не сопровождалось изменением законодательства о государственных юридических лицах. Поэтому в полной мере сохраняет свое значение и в настоящее время указание Постановления Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г.¹ о необходимости издания нового Положения о государственном предприятии и тресте, которое должно будет внести четкость и ясность в правовое положение как производственных предприятий, так и вышестоящих организаций.

Приближение управления к производственным предприятиям должно сопровождаться устранением в некоторых отраслях промышленности излишних звеньев — трестов, объедине-

¹ Постановление Совета Министров СССР «О расширении прав директоров предприятий». Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР по вопросам промышленности и строительства, Госполитиздат, 1956 г., стр. 98.

ний. Целесообразность установления при переходе к руководству по экономическим районам трехзвенной системы управления предприятиями вызывает большие сомнения¹.

Поэтому правильно говорил министр финансов СССР, депутат А. Г. Зверев в докладе о государственном бюджете СССР на 1958 год на сессии Верховного Совета СССР 19 декабря 1957 года о более решительном принятии мер к ликвидации некоторых трестов и других звеньев управления, в которых отпала необходимость в связи с приближением руководства к предприятиям². Но значит ли, что создание вместо министерств в центре совнархозов на местах совершенно снимает вопрос о промежуточном звене между органом управления (совнархозом) и промышленными предприятиями?

Осуществлять непосредственное руководство промышленными предприятиями по отраслям без специализированных органов в виде отраслевых управлений совнархозы не в состоянии, да перед ними и не ставится такая задача. При системе управления промышленностью через совнархозы «специализация не только не нарушается, а, наоборот, усиливается»³ и обеспечивается именно «путем создания специальных управлений»⁴. Поэтому функции и задачи министерств, как специализированных отраслевых органов, выполняют не совнархозы, как таковые, а созданные для этих целей особые органы — отраслевые управления. Этим, в частности, объясняется то, что Положения об отраслевых управлениях, утверждаемых совнархозом, определяют предмет их деятельности так же, как раньше он был определен для промышленных министерств. Так, например, Положение об управлении легкой промышленности Харьковского Совнархоза в определении характера функций и объема деятельности управления ничем не отличается от Положения о Министерстве легкой промышленности СССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР 25 июня 1949 г.⁵ Вот почему отраслевое управление является необходимым звеном в новой системе управления промышленными предприятиями и именно оно, а не совнархоз, заменило собой министерство.

Советы народного хозяйства, как отличные от министерств исполнительно-распорядительные органы, осуществляют руководство всеми подведомственными им предприятиями через отраслевые управления. Проведенная реорганизация управле-

¹ В. В. Лаптев. Правовые вопросы управления народным хозяйством, «Советское государство и право», 1957 г., № 5, стр. 23.

² См. «Правда» от 20 декабря 1957 г.

³ Н. С. Хрущев. О дальнейшем совершенствовании организации Управления промышленностью и строительством, Госполитиздат, 1957 г., стр. 31.

⁴ Н. С. Хрущев, там же.

⁵ СП СССР, 1949 г., № 13, ст. 94.

ния промышленностью показала, что на практике такие промежуточные звенья как тресты в некоторых случаях оказались излишними и они были ликвидированы. Примером этого, в частности, может служить ликвидация Украинского табачно-мажорочного треста и многих других трестов как упраздненных, так и сохранившихся промышленных министерств, предприятия которых сейчас непосредственно подчинены соответствующим отраслевым управлениям совнархозов. Работа эта еще не закончена и сейчас¹.

Подведомственные совнархозам промышленные предприятия, управляемые через отраслевые управления, можно рассматривать как предприятия, управляемые по двухзвенной системе: совнархоз — предприятие, поскольку отраслевое управление является структурной частью совнархоза². То, что результаты хозяйственной деятельности подчиненных отраслевому управлению предприятий показываются в настоящее время не только на их балансах, но и на сводном балансе управления в целом, еще не говорит об отождествлении результатов хозяйственно-финансовой деятельности управления с результатами финансово-хозяйственной деятельности подчиненных им предприятий. Скорее это говорит о другом, а именно: о дифференцированном подходе к оценке деятельности каждого предприятия и управления в целом. Обезличка деятельности производственного предприятия, имевшая место при старой системе управления, между прочим, также объяснялась не только тем, что продолжали существовать тресты и были созданы главные управления министерств. Это в большей степени зависело от того, что правовое положение современных трестов и входящих в их состав производственных предприятий не находило достаточно четкого отражения в действующем законодательстве о государственных юридических лицах. А что касается главных управлений министерств, то они, не будучи в своей деятельности материально связанными с хозрасчетом предприятий, не всегда правильно использовали предоставленные им широкие права по регулированию и перераспределению оборотных средств подведомственных им

¹ Как отмечал А. Г. Зверев, например, в составе совнархоза Чувашской АССР для руководства 17 предприятиями на базе треста «Чувашлес» намечалось создать управление лесной и деревообрабатывающей промышленностью. Это управление создано, а названный трест все еще не ликвидирован. См. «Правда» от 20 декабря 1957 г.

² Ц. А. Ямпольская, Некоторые вопросы структуры совнархозов, («Советское государство и право», 1959 г., № 7) считает, что отраслевые управления являются совершенно самостоятельными учреждениями и что систему управления — совнархоз — отраслевое управление — предприятие нужно считать не двухзвенной, а трехзвенной системой. Едва ли можно с этим согласиться. Трехзвенная система управления промышленностью имеет место тогда, когда между отраслевым управлением как структурной частью совнархоза и предприятием сохраняется трест.

предприятий. Следовательно, вопрос об укреплении самостоятельности предприятия должен решаться не в плане полной ликвидации всех промежуточных звеньев, а в плане нахождения как для предприятий, так и для их вышестоящих отраслевых управлений таких организационно-правовых форм, которые бы обеспечивали, с одной стороны, самостоятельность предприятий, и которые бы, с другой стороны — создавали заинтересованность вышестоящих отраслевых органов (в частности, отраслевых управлений совнархозов) в укреплении хозяйства подчиненных им предприятий.

Отраслевые управления совнархозов, как об этом говорят их Положения, на основе которых они действуют, являются не промышленными предприятиями, а органами, которые в пределах экономических административных районов осуществляют плановое, организационное, производственно-техническое и финансовое руководство находящимися в ведении совнархозов предприятиями.

В положениях об отраслевых управлениях прямо говорится, что они только руководят подведомственными совнархозам предприятиями либо непосредственно, либо через соответствующие территориальные органы управления — тресты, комбинаты и т. д.

Следствием такой правовой организации отраслевых управлений является то, что входящие в их состав производственные предприятия имущественно обособлены от последних, имеют собственные оборотные средства, состоят на самостоятельных балансах, в учреждениях Госбанка имеют свои расчетные счета, самостоятельно пользуются банковским кредитом, от своего имени заключают хозяйственные договоры и самостоятельно несут ответственность по ним.

В силу этих обстоятельств отраслевому управлению совнархоза нет необходимости выступать в имущественном обороте в качестве юридического лица.

Ни совнархоз, ни его отраслевые управления не выполняют оперативно-хозяйственных функций, не выступают в обороте как самостоятельные юридические лица. Поэтому Положение о Совете народного хозяйства, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР 24 сентября 1957 г., не наделяют ни совнархоз, ни входящие в его состав отраслевые управления хозяйственными функциями. Их «хозрасчет» состоит в том, что они финансируются за счет отчислений от себестоимости продукции подчиненных им предприятий (с 1 января 1959 г. такая система финансирования отраслевых управлений введена повсеместно), через бюджет¹. Отраслевые управления совнархоза,

¹ См. А. В. Венедиктов. О некоторых организационных проблемах промышленности. «Советское государство и право», 1958, № 5, стр. 59. Так же Ц. А. Ямпольская, цит. статья, стр. 45.

как и совнархоз в целом, являются органами государственного управления. Им предоставлено право издавать приказы, инструкции, касающиеся деятельности подчиненных им предприятий. Функциональные отделы совнархоза являются вспомогательным аппаратом совнархоза и не могут осуществлять непосредственное руководство предприятиями, минуя отраслевые управления.

О возможности признания прав юридического лица за отраслевыми управлениями совнархозов можно было бы говорить лишь в том случае, если бы последние, как и в свое время главные отраслевые управления промышленных наркоматов, в порядке централизованного руководства сбытом продукции предприятий и снабжением их необходимым сырьем, топливом, оборудованием и т. д. непосредственно осуществляли оперативные функции в области сбыта и снабжения. Но и тогда юридическая личность отраслевого управления совнархоза не снимала бы вопрос о самостоятельности производственного предприятия и признании его юридическим лицом, поскольку сбыто-снабженческая деятельность отраслевого управления выступала бы по отношению к оперативной деятельности производственного предприятия как внешняя, посредническая деятельность.

Но в системе совнархозов, как это было в свое время и в системе промышленных министерств, проведено четкое разграничение между сбыто-снабженческими функциями и функциями управления.

Хотя проведенная реорганизация управления промышленностью и строительством направлена на сокращение управленческого аппарата и упразднение излишних промежуточных звеньев, тем не менее фигура треста оказалась не только живучей в некоторых отраслях промышленности, но наблюдается даже образование новых трестов. Некоторые предприятия, не входившие ранее в состав трестов, объединены в тресты. Это объясняется необходимостью обеспечить дополнительное, специализированное руководство дифференцированными видами производства внутри определенной отрасли, охватываемой в целом отраслевым управлением.

Но тресты потеряли свое значение как предприятия. Они выполняют не оперативно-хозяйственные функции, а функции управления. Поэтому нет необходимости признавать их юридическими лицами. Средства трест получают путем отчислений подчиненных предприятий на содержание, как и отраслевые управления.

Правовое положение государственных промышленных предприятий и в настоящее время определяется Положением о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г.

В юридической литературе¹ еще задолго до реорганизации неоднократно указывалось на то, что это Положение, признающее юридическим лицом только трест, давно не соответствует реальной действительности, так как в имущественном обороте страны примерно с 30-х годов основное значение принадлежит производственным предприятиям. Насколько действующее законодательство о государственных юридических лицах отстало от практики хозяйственного строительства, можно судить уже по одному тому факту, что и сейчас даже такие крупные предприятия, как Харьковский тракторный завод им. С. Орджоникидзе, Харьковский турбогенераторный завод им. С. М. Кирова, Велозавод, завод «Серп и молот» для того, чтобы приобрести права по самостоятельному участию в договорных отношениях и т. д., должны искусственно признаваться трестами, так как согласно названному Положению от 1927 года только трестам принадлежат такие права. В соответствии с указанным законом перечисленные предприятия должны считаться трестами, состоящими из одной производственной единицы². Однако к ним название «трест» не привилось, а как предприятия подчинявшиеся только главку, в состав которого они не входили, они получили на практике особое название «автономных» предприятий. Это в свою очередь создало дополнительные затруднения, поскольку данным термином действующее законодательство официально не пользуется. Что же касается предприятий, входящих в состав трестов, то их правовое положение, как уже говорилось, является еще более неопределенным. Положением о трестах 1927 года они вообще не признаются юридическими лицами³. Но в тридцатых годах производственные единицы (фабрики, заводы), входившие в состав трестов, были переведены на полный хозяйственный расчет, и фактически стали выступать в обороте в качестве самостоятельных субъектов права (юридических лиц). Однако это не нашло своего официального отражения в законодательстве в форме прямого признания трестированных предприятий юридическими лицами. Официально юридическим лицом по-прежнему считается трест, хотя он, по существу превратился в административный орган.

---

¹ А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, 1948 год, стр. 786—790; С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, 1950 г., стр. 267—271, 277—280; И. Б. Новицкий, Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии, 1955 г., стр. 60—81; В. А. Дозорцев, Правовое положение промышленного предприятия, журнал «Советское государство и право», № 8, 1955 г., стр. 41—42.

² Ст. 6 Положения о трестах от 29 июня 1927 г.

³ Согласно ст. 33 названного Положения, все сделки, связанные с управлением предприятия, директор совершает от имени треста в силу доверенности, выдаваемой ему правлением треста.

Таким образом, в качестве предприятий, пользующихся правами юридического лица, давно уже выступают организации, отвечающие производственно-техническому понятию предприятия: фабрики, заводы, шахты и т. п. Однако предприятия, непосредственно подчинявшиеся министерствам (главкам), а теперь подчиненные отраслевым управлениям, отличаются рядом формально-правовых признаков от трестированных предприятий, поскольку последние не признаны законом юридическими лицами. Отличия заключаются в том, что первые предприятия имеют уставный фонд, в который включаются как основные, так и оборотные средства, действуют на основе устава, директора их как органы юридического лица представляют предприятия в гражданском обороте без особой на то доверенности. Трестированное же предприятие имеет «собственные» оборотные средства, но не имеет своего уставного фонда, действует не на основании устава, а положения, утвержденного управляющим трестом, выступает в гражданском обороте от своего имени, но по доверенности треста. Это порождает на практике ряд неясностей как при оформлении юридической личности государственных промышленных предприятий и определении их ответственности по своим обязательствам, так и при решении иных вопросов, возникающих в процессе нормальной хозяйственной деятельности предприятий.

Учитывая все это и исходя из директив июльского Пленума ЦК КПСС (1955 г.) об обеспечении большей самостоятельности и оперативности в управлении предприятиями, Совет Министров СССР еще до коренной реорганизации управления промышленностью своим постановлением от 9 августа 1955 г. признал необходимым разработать и представить на утверждение проект нового Положения о государственном предприятии и тресте.

В настоящее время пересмотр устаревшего законодательства о юридических лицах приобрел еще большее значение.

Прежде всего юридическими лицами должны быть признаны производственные предприятия как «автономные», так и трестированные, и притом, действующими на одинаковых правовых началах. Такое решение вопроса о юридической личности производственного предприятия подсказывает сама практика. Объединение бывших автономных предприятий в составе отраслевых управлений совнархозов сближает последние в организационно-структурном построении с трестированными предприятиями. Практически в жизни оказалась созданной единая форма управления производственными предприятиями — через отраслевые управления совнархозов. В ряде случаев на практике оказались устраненными и формально-правовые различия между бывшими автономными и трестиро-

ванными предприятиями. Так, например, в результате объединения всех швейных фабрик Харьковского экономического административного района, ранее непосредственно подчинявшихся разным министерствам (т. е. бывших автономных фабрик), в один трест «Текстильшвейпром» оказался созданным такой тип треста, который включает в свой состав производственные предприятия, характеризующиеся всеми признаками официально признанных юридических лиц.

Предпринятые в ходе реорганизации меры по объединению разрозненных производственных предприятий и по охвату их единым руководством и обусловили на практике создание таких трестов. Об изменении правового положения производственных предприятий, включенных в состав данных трестов, при этом, конечно, не могло быть и речи. Кроме того, указание на единство правовой формы для всех подчиненных совнархозам производственных предприятий содержится и в Положении о Совете народного хозяйства экономического административного района, в котором прямо говорится о том, что Совет народного хозяйства утверждает положения (или уставы) о подведомственных ему предприятиях¹. Следовательно, как предприятия, непосредственно входящие в состав отраслевых управлений, так и трестированные предприятия должны действовать на основе единых актов, одинаково утверждаемых совнархозом. Все это делает правовое положение трестированного предприятия таким же четким, устойчивым, как и правовое положение предприятия, входящего непосредственно в состав отраслевого управления.

Таким образом, государственным промышленным предприятием с правами юридического лица должно быть признано производственное предприятие (фабрика, завод и т. п.) организованное в виде самостоятельной хозяйственной единицы на основе устава и на началах полного хозрасчета, состоящее в ведении отраслевого управления или треста.

При этом, конечно, как и раньше, за основу, в соответствии с директивами XX съезда и февральского Пленума ЦК КПСС (1957 г.), должна быть взята двухзвенная система управления промышленностью: отраслевое управление совнархоза — предприятие. И только для тех отраслей промышленности, как например, для угольной, нефтяной, в силу существующих там особенностей², для некоторых других разносторонних отрас-

---

¹ Правильнее было бы, чтобы предприятия действовали на основании уставов...

² Нахождение в одном географическом районе большого числа предприятий, для руководства которыми возникает необходимость создания промежуточного планово-регулирующего органа. См. Экономика промышленности СССР (Учебник), Госполитиздат, 1956 г., стр. 59.

лей промышленности, когда в пределах одной отрасли требуется дополнительное специализированное руководство предприятием, может быть установлена трехзвенная система управления. Образование уставного фонда предприятия (наделение его основными и оборотными средствами) должно производиться непосредственно из общегосударственного фонда. В отношении трестированных предприятий следовало бы прямо сказать, что при учреждении треста совнархоз непосредственно согласовывает с финансовыми органами уставный фонд по каждому предприятию в отдельности.

Совершенно по-иному следует определить в законодательстве и правовое положение трестов. Трест в настоящее время является не производственно-промышленным предприятием, а хозяйственной организацией (хозорганом)¹, на который прежде всего возложена задача по организационному, техническому и плановому руководству подчиненными ему предприятиями².

Правовое положение трестов характеризуется теми же признаками, что и правовое положение отраслевых управлений совнархозов. Единственная особенность в правовом положении трестов, в отличие от отраслевых управлений, состоит в том, что тресты, как правило, организованы в качестве промежуточных звеньев между отраслевыми управлениями совнархозов и предприятиями и на них иногда помимо организационного, технического и планового руководства предприятиями также возлагается и осуществление функций по материально-техническому снабжению предприятий и сбыту продукции предприятий, при выполнении которых они либо непосредственно, либо через посредство специально созданных для этой цели хозрасчетных контор и отделов могут действовать и как юридические лица. Однако в последнем случае тресты действуют не как сложные предприятия (хозяйственные объединения), а как своеобразные сбыто-снабженческие органы. Вместе с тем следует иметь в виду, что и это своеобразие в своем правовом положении тресты в ходе окончательного завершения реорганизации управления промышленностью и строительством либо постепенно утрачивают, или оно сводится к несущественным признакам для организационной формы треста.

¹ См. С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, 1950 г., стр. 274—275; Постановление СТО от 23 июля 1931 г., № 317 (СЗ 1931 г., № 46, ст. 316); Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 июля 1936 г. (СЗ 1936 г., № 43, ст. 361).

² Осуществляемое трестами централизованное снабжение предприятий не колеблет юридической личности трестированных предприятий, так как последние не только участвуют в заключении договора, но являются самостоятельными единицами при исполнении такого договора. См. С. Н. Братусь, Л. А. Луниц, «Вопросы хозяйственного договора», 1954 г., стр. 99—153.

Вследствие того, например, что в составе каждого совнархоза созданы специальные управления по сбыту и снабжению, отпала необходимость возлагать осуществление сбыта и снабжения и на тресты. Значительная часть трестов, вошедшая в состав совнархозов, оказалась освобожденной от выполнения этих функций. Совнархозы, действующие в УССР, например, прямо обязаны были в месячный срок представить Госплану УССР и Министерству финансов УССР сведения о наличии снабженческих и сбытовых органов в отраслевых управлениях, трестах, комбинатах и предложения об упорядочении в целом сети сбыто-снабженческих организаций. Соответственно совнархозам было предложено пересмотреть организацию снабжения и сбыта в трестах, комбинатах, предприятиях и строительных организациях, максимально упростить ее и приспособить к новой системе организации снабжения и сбыта, сократить и удешевить существующий аппарат. Следовательно, основное назначение трестов стало состоять не в том, чтобы через посредство их осуществлять централизованный сбыт и снабжение и, конечно, не в том, чтобы они могли символизировать собою единое промышленное предприятие, как это предусматривается Положением о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г., а в том, чтобы через посредство организационной формы треста, как и отраслевого управления совнархоза, обеспечить дифференцированное специализированное руководство производственными предприятиями в той или иной отрасли промышленности.

«При реорганизации управления промышленностью,— подчеркивал Н. С. Хрущев в своем докладе на VII сессии Верховного Совета СССР,— предусматривается, что в каждом экономическом административном районе будет соблюдена специализация путем создания специальных управлений, трестов или отделов в совнархозах в зависимости от наличия предприятий тех или иных отраслей промышленности»¹.

В связи с этим нельзя не отметить и то, что в некоторых совнархозах созданы и такие тресты, которые и с точки зрения организационной структуры уравниваются с отраслевыми управлениями совнархозов. Так, например, еще согласно проекту Московского горкома КПСС в системе совнархоза г. Москвы намечалось создать 16 отраслевых управлений и 4 треста, подчиненных непосредственно совнархозу². В составе Харьковского совнархоза наряду с 11 отраслевыми управлениями создан и трест «Харьковэнерго». Такие тресты созданы также в Сверд-

¹ Н. С. Хрущев. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, Госполитиздат, 1957 г., стр. 31.

² См. Е. Фурцев а. Руководство народным хозяйством — на новую высшую ступень, «Правда», от 5 апреля 1957 г.

ловском, Челябинском, Армянском и в некоторых других совнархозах. Все названные тресты в отличие от обычных трестов подчиняются не отраслевым управлениям, а как и последние — непосредственно совнархозам. Они, как и отраслевые управления, рассматриваются в качестве структурных подразделений аппарата совнархоза. Данные тресты и фактически и формально действуют на одинаковых началах с отраслевыми управлениями совнархозов. Это еще раз свидетельствует о том, что эти тресты встали в один ряд с отраслевыми управлениями, что они призваны выполнять одни и те же функции, и поэтому по своему правовому положению даже формальными признаками не отличаются друг от друга. Если учесть при этом, что в составе некоторых из данных трестов находятся бывшие «автономные» предприятия, то и с этой стороны в правовом положении трестов и отраслевых управлений существует полное единство (тождество). Больше того, поскольку данные тресты действуют на параллельных началах с отраслевыми управлениями, то вообще все входящие в их состав производственные предприятия следует рассматривать как предприятия, управляемые по двухзвенной системе. Трестированное предприятие и фактически, и формально, и с точки зрения организационной структуры становится в один ряд с предприятиями, непосредственно входящими в состав отраслевых управлений совнархозов. Различие между трестами и отраслевыми управлениями в данном случае можно усмотреть лишь в том, что первые (тресты) объединяют в своем составе только производственные предприятия и притом расположенные, как правило, в одном городе (населенном пункте), в то время как вторые (отраслевые управления) могут объединять в своем составе наряду с отдельными производственными предприятиями и тресты в пределах всего экономического административного района.

Практика деятельности совнархозов и промышленных предприятий показывает, что новая система управления в современных условиях намного эффективней прежней системы и полностью обеспечивает выполнение задач, поставленных перед промышленностью.

В целях упрочения правового положения как отраслевых управлений, трестов, так и промышленных предприятий, необходимо реализовать содержащееся в постановлении Совета Министров СССР от 9 августа 1955 года указание об издании в ближайшее время нового Положения о государственном предприятии и тресте как общесоюзного акта с учетом, конечно, новых организационных форм управления промышленностью и строительством.

Широко развернувшаяся работа по кодификации гражданского права началась до XXI съезда КПСС.

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, начертавший величественную программу построения коммунистического общества, войдет в историю как съезд строителей коммунизма. Съезд поставил и перед советскими юристами задачи дальнейшего совершенствования нашего законодательства в направлении, обеспечивающем такие правовые формы развития общественных отношений в предстоящий — новый исторический период, которые максимально содействовали бы движению к коммунизму. В частности, эта задача стоит и перед тем отрядом советских юристов, которые работают над кодификацией гражданского права.

В настоящей статье затронуты только некоторые вопросы кодификации в области гражданского законодательства.

Очевидно, что дальнейшая кодификационная работа потребует пересмотра уже подготовленных или подготавливаемых проектов в свете решений внеочередного XXI съезда КПСС.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ВОЗМЕЗДНОСТИ И БЕЗВОЗМЕЗДНОСТИ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В советской цивилистической литературе понятия возмездности и безвозмездности и их значение в советском гражданском праве не подвергались исследованию, хотя эти понятия употребляются довольно часто. Выводы, которые из этого делаются, не всегда согласуются с принципиальными, исходными позициями советского гражданского права. В сущности этими понятиями оперируют в различных смыслах и им придается различное значение.

Содержание возмездности и безвозмездности остается не раскрытым. Ни в гражданских Кодексах союзных республик, ни в других нормативных актах, регулирующих имущественные отношения в социалистическом обществе, мы не найдем ни определений, ни признаков, характеризующих интересующие нас явления. Таким образом, решение вопроса представляется науке и судебной практике. Но как ни велико стремление представителей науки гражданского права к шлифовке отдельных определений, вопрос о возмездности и безвозмездности в советском гражданском праве почему-то обходится. Что касается судебной практики, то в многочисленных руководящих указаниях Пленума Верховного Суда СССР этому вопросу также не уделено сколько-нибудь внимания. В результате понятия возмездности и безвозмездности употребляются как само собой разумеющиеся без каких-либо пояснений. Чаще всего возмездность или безвозмездность связывается только с понятием сделки. Между тем, эти понятия имеют более широкую область применения, а потому подлежат исследованию не только в связи со сделками, а в связи с гражданскими правоотношениями вообще, в частности, в тех случаях, когда правоотношения возникают в силу закона или административного акта, и содержат в себе элементы возмездности или безвозмездности, например, при переходе имущества между со-

циалистическими организациями не на основании договоров, а в силу плановых актов, издаваемых компетентными государственными органами.

Возмездность или безвозмездность имеет большое значение для характеристики гражданских правоотношений, и подчас предопределяет решение весьма важных и сложных юридических вопросов. Вместе с тем эти понятия служат иногда единственным показателем для проведения демаркационной линии между смежными юридическими категориями как в гражданском, так и не в гражданском праве (например, имущественный наем — возмездное пользование, ссуда — безвозмездное пользование; реквизиция — возмездное принудительное отчуждение имущества, конфискация — безвозмездное принудительное отчуждение имущества и т. д.).

Возмездность и безвозмездность гражданских правоотношений, их соотношение между собою определяются условиями материальной жизни общества, экономической и классовой структурой общества, а не юридической природой этих понятий, не морально-этической оценкой их и не другими признаками надстроечного порядка.

Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. Поэтому меновой характер отношений и их возмездность определяются уже не частной собственностью на орудия и средства производства, а существующим еще разделением труда на основе социалистической собственности.

Возникшие еще на базе общинной собственности меновые отношения продолжают существовать и после ликвидации частной собственности, но на совершенно иной материальной основе.

Товарно-денежные отношения в социалистическом хозяйстве складываются между государственными хозяйственными организациями, которые действуют на хозяйственном расчете и выступают как не связанные с «казною» юридические лица, между кооперативными объединениями, которые являются самостоятельными субъектами кооперативно-колхозной собственности, между гражданами, получающими вознаграждение по труду, поскольку действует экономический закон социализма — распределения по труду. В конечном счете это все определяется существующим общественным разделением труда между промышленностью и сельским хозяйством, между отдельными отраслями промышленности, между отдельными производственными коллективами (заводы, фабрики, совхозы, артели и т. п.). Результаты деятельности отдельных хозяйственных субъектов могут быть реализованы поэтому в товарно-денежной форме, с помощью которой происходит со-

измерение отдельных видов конкретного труда и сведение их к абстрактному труду, т. е. на основе закона стоимости. Но если в условиях неорганизованного, анархического хозяйства действие этого закона проявляется слепо, как стихийная сила, то в условиях планового хозяйства действие закона стоимости осознано. Закон стоимости становится орудием учета и распределения в интересах дальнейшего роста производства, и прежде всего — производства средств производства, в интересах повышения производительности труда и увеличении материальных благ общества. Но регулятором производства и распределения является закон планомерного развития народного хозяйства¹. Если при капитализме закон стоимости «является регулятором распределения труда и средств производства между отраслями народного хозяйства, то при социализме распределение труда и средств производства осуществляется на основе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства в соответствии с требованиями основного экономического закона и с учетом действия закона стоимости»².

Товарно-денежные отношения в СССР неразрывно связаны с принципом материальной заинтересованности как предприятий, так и отдельных работников. Этот принцип является одним из коренных принципов социалистического хозяйствования³.

При посредстве товарно-денежной формы представляется возможным осуществлять контроль над мерою труда и мерою потребления. По отношению к отдельным участникам процесса производства это выражается в вознаграждении по количеству и качеству труда, а по отношению к социалистическим организациям, и в первую очередь — государственным предприятиям, — в установлении прямой зависимости между общественной стоимостью результатов деятельности и получаемыми средствами. Соответственно этому строится система управления социалистическим хозяйством, получающая свое законченное выражение в хозрасчете. Все это дает нам основание утверждать, что принцип вознаграждения по труду распространяется на предприятия в целом. Нельзя сказать, что этот вопрос единодушно решается в литературе. Так, например, в специальном исследовании вопроса об основном принципе социализма, на страницах философской литературы⁴, эта

¹ Подр. см. А. Румянцев «Об использовании экономических законов в интересах общества», журн. «Коммунист» № 2 1956 г.

² К. Островитянов. Товарное производство и закон стоимости при социализме. Журн. «Коммунист» № 13, 1957 г., стр. 96.

³ См. Н. С. Хрущев. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г. Госполитиздат, 1953, стр. 78.

⁴ П. Н. Федосеев. Основной принцип социализма, журнал «Вопросы философии», 1952, № 5.

сторона дела вовсе не подмечена. Утверждение о том, что основной принцип социализма служит могучим фактором социалистического производства — является само по себе правильным, но из этого не следует, что этот принцип, означающий контроль над мерою труда и мерою потребления, распространяется и на предприятия в целом. В юридической литературе мы имеем исключаящие друг друга по этому вопросу точки зрения. Так, А. Е. Пашерстник¹ упрекает авторов учебника гражданского права под редакцией М. М. Агаркова и Д. М. Генкина² в том, что они допускают персонификацию юридического лица и наделяют его свойствами физического лица. Это выражается, по мнению А. Е. Пашерстника, в том, что авторы учебника гражданского права распространяют принцип вознаграждения по труду на деятельность предприятия в целом. Но следует учесть, чего не заметил А. Е. Пашерстник, что и в основе вознаграждения по труду, и в основе установления соответствия между общественной стоимостью результатов деятельности предприятия в целом с получаемыми им средствами — лежит учет закона стоимости, без чего наши предприятия обойтись не могут, и в первую очередь, учет затрат рабочей силы в процессе производства. Это и дает, полагаем мы, основание говорить о распространении принципа вознаграждения по труду не только на отдельных участников процесса производства, но и на целые коллективы, на предприятия в целом.

В работе о значении договора в советском социалистическом гражданском праве Р. О. Халфина правильно подчеркивает ту мысль, что хозрасчет «представляет собою один из способов, посредством которых социалистическое государство поставило познанные им законы экономики на службу строительства социализма и коммунизма»³. Однако, и здесь нет речи о распространении основного принципа социализма на предприятия в целом и о связи его с хозяйственным расчетом. А в позднее изданной работе⁴ Р. О. Халфина прямо возражает против распространения принципа вознаграждения по труду на юридические лица. С ее утверждением нельзя согласиться. Ее же аргументация колеблет защищаемую ею позицию. Так, она полагает, что с точки зрения принципа вознаграждения по труду невозможно оправдать наделение предприятия оборот-

¹ А. Е. П а ш е р с т н и к. О понятии вознаграждений за труд рабочих и служащих, Сборник «Вопросы трудового права», изд. АН СССР, 1947, стр. 191.

² Гражданское право, 1944, т. 2, стр. 6.

³ См. сборник «Вопросы сов. гражд. и труд. права», изд. АН СССР, 1952 г., стр. 46.

⁴ Р. О. Х а л ф и н а. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве, изд. АН СССР, 1954 г., стр. 13.

ными средствами, поскольку предприятие еще не «трудилось» до момента наделения его оборотными средствами. Но это положение можно было бы распространить не только на оборотные, но и на основные средства. В том то и дело, что бытие предприятия не мыслится без основных и оборотных средств. Предприятие — это сложный комплекс переплетающихся правовых явлений. Предприятие обладает правосубъектностью, но предприятие и в Конституции СССР (ст. 6) и Гражданском Кодексе РСФСР (ст. 22) рассматривается как объект государственной социалистической собственности. Без основных и оборотных средств нет предприятия ни как субъекта права, ни как объекта государственной социалистической собственности. Всего этого не учитывает Р. О. Халфина. Совсем неубедительным является утверждение о том, что распространение на предприятия принципа вознаграждения по труду означало бы предоставление предприятию возможности использовать средства «как оно найдет нужным», не считаясь с плановым назначением и т. п. В том то и дело, что предприятие, являясь определенным звеном в системе социалистического хозяйства, найдет нужным действовать по плану, а не против плана. И отклонение от такой линии будет осуждаться действующим правом. Нам представляется правильным утверждение С. Н. Братуся: «Сфера распространения принципа вознаграждения по труду, являющегося основным принципом социалистического общества, не может быть ограничена только рамками потребительского распределения. Этот принцип распространяется и на социалистическое производство»¹.

Аналогичное высказывание мы находим и в экономической литературе «Совершенно неправильно понимают основной принцип социализма те экономисты,— пишет А. Ноткин,— которые видят его сущность лишь в методах распределения предметов потребления. Принцип распределения по труду является законом распределения предметов потребления в первой фазе коммунизма потому, что он связан со всей организацией социалистического труда и социалистической собственности в ее двух формах. В нем находят выражение единство социалистического производства и распределения»². Принцип распределения по труду стоит рядом и действует в том же направлении, что и принцип материальной заинтересованности, являющийся коренным принципом социалистического хозяйствования как для отдельных работников, так и для целых предприятий, организаций и т. п.³. Вот почему, думается нам, нет оснований

¹ Проф. Б р а т у с ь. Субъекты гражданского права, М., 1950, с. 111.

² А. И. Н о т к и н, Очерки теории социалистического воспроизводства, М., 1948, стр. 46.

³ См. В. М. О з е р о в. Роль советского права в осуществлении принципов материальной заинтересованности, журн. «Сов. гос. право» № 2, 1956 г.

ограничивать принцип распределения по труду лишь применительно к отдельным участникам общественного процесса производства. Распределение по труду представляет собою объективно действующий экономический закон, а законы юридические (в частности, гражданские) способствуют наиболее полному проявлению этого экономического закона. Совершенно определенно по этому вопросу высказывается В. Кнапп, который усматривает в хозрасчете предприятий «последовательное применение принципа вознаграждения по труду»¹.

Распространение принципа распределения по труду на социалистическое производство находит свое выражение в хозяйственном расчете промышленных и других предприятий, а внешнее, правовое опосредствование его чаще всего выражается в договорных отношениях предприятий и других хозяйственных организаций между собою с их системой материальных стимулов и санкций. Распределение по труду является одним из экономических законов социализма.

Советское право является одним из тех инструментов, с помощью которых оказывается волевое воздействие на общественные силы. Производственные отношения складываются помимо воли людей, но поскольку право составляет правила поведения людей, вступающих в производственные отношения, постольку оно оказывает свое воздействие на производственные отношения, а через них, т. е. посредственно, и на производство.

Советское право, в частности право гражданское, является той формой, с помощью которой объективные экономические законы получают еще больше возможностей для своего проявления. Так, законодательство, регулирующее договорные отношения, складывающиеся в процессе товарного обращения, способствует проявлению закона стоимости. Напротив, законодательство, регулирующее движение основных фондов, способствует ограничению действия закона стоимости в этой сфере, поскольку имеются существенные различия между средствами производства и предметами потребления. Отсюда в арсенале средств гражданского права мы находим такие, которые отличаются своеобразным признаком — возмездностью и другие, напротив, безвозмездностью. Эти признаки, характеризующие различные гражданско-правовые отношения, придают этим отношениям определенные свойства, закрепляемые в нормах действующего права. Однако, эти свойства — возмездность и безвозмездность, — санкционированные правом, коренным образом отличаются от одноименных свойств гражданских правоотношений в буржуазном обществе. Влияние момента возмездности или безвозмездности может проявиться

¹ В. К н а п п. Собственность в странах народной демократии. М., 1954, стр. 294.

с большей или меньшей силой. Поскольку возмездные правоотношения в социалистическом обществе возникают на основе социалистической собственности на орудия и средства производства или на основе производной от нее личной собственности, постольку влияние возмездности не может и не должно в советском праве сказываться с такой же силой, как в буржуазном праве. Задача заключается в том, чтобы показать действительное, а не преувеличенное значение элемента возмездности в советском гражданском праве. Вопрос этот имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Вот почему, исследуя проблему возмездности и безвозмездности, мы должны прежде всего свернуть с проторенной буржуазными цивилистами дорожки, подчеркнуть коренную и принципиальную противоположность исследуемой проблемы от одноименной проблемы в буржуазном гражданском праве. При исследовании вопроса о возмездности и безвозмездности мы должны исходить из действующих в социалистическом обществе объективных экономических законов. Только исходя из правильных методологических предпосылок, мы можем объяснить возмездный характер одних отношений и безвозмездный характер других. И возмездные и безвозмездные правоотношения являются различными элементами такой правовой формы, с помощью которой обеспечивается продвижение материальных благ во взаимоотношениях между различными субъектами гражданского оборота.

Либо на различных этапах развития, либо на определенном этапе, но в различных отправлениях общественной жизни, тот или иной элемент правовой формы, т. е. возмездность или безвозмездность, выступает на первый план, способствуя проявлению активной и воздействующей роли правовой части надстройки.

Яркой иллюстрацией того, как конкретная историческая обстановка, конкретные условия классовой борьбы могут определять степень возмездности отношений вплоть до превращения возмездности в свою противоположность — в безвозмездность — является декрет ВЦИК РСФСР от 11 июня (29 мая) 1918 г. «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями»¹. Известно, что изъятие хлеба у кулаков в тот период имело первостепенное значение для молодой советской республики. В связи с этим размер оплаты передаваемых деревенской бедноте простейших сельскохозяйственных орудий зависит от того, насколько успешно (к какому сроку) «хлебные излишки окажутся изъятими из рук кулаков и богатеев» (скидка с цены устанавливалась в 15, 25 и 50 %).

¹ СУ РСФСР, 1918 г., № 43, ст. 524.

А согласно § 10 этого декрета в распоряжение волостных Комитетов бедноты передаются сложные сельскохозяйственные орудия для организации общественной обработки полей и уборки урожая деревенской бедноты, причем за пользование такого рода орудиями плата не должна взиматься в местностях, где волостными и сельскими Комитетами бедноты будет оказываться энергичное содействие продовольственным органам в изъятии излишков из рук кулаков и богатеев. Декрет, таким образом, отражая экономическую и политическую обстановку того момента, устанавливал совершенно определенные материальные стимулы для решения важнейшей задачи. И это выражалось в снижении возмездности вплоть до установления безвозмездности при передаче в пользование сельскохозяйственных орудий.

В ряде нормативных актов, изданных в последнее время, безвозмездные отношения способствуют решению задач общегосударственного значения. Так в Постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием»¹ — предусмотрено, что «опытные макеты, лабораторные стенды, образцы машин и аппаратуры, изготовленные для выполнения хозяйственных научно-исследовательских работ за счет средств заказчика, по окончании этих работ подлежат безвозмездной передаче высшему учебному заведению для укомплектования лабораторий». 16 мая 1955 г. распоряжением Совета Министров СССР предоставлено право министерствам и ведомствам СССР и Союзных республик передавать безвозмездно общеобразовательным школам неиспользуемые в производстве, но годные для целей политехнического обучения станки, небольшие двигатели внутреннего сгорания, электромоторы, сельскохозяйственные машины, тракторы, автомашины, детали машин, инструменты, лабораторное и другое оборудование.

Постановлением Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий»² предоставлено право директорам передавать безвозмездно, с баланса на баланс, профсоюзным и другим общественным организациям культурно-бытовой и спортивный инвентарь.

Распространенная во взаимоотношениях между хозяйственными организациями возмездность тесно связана с товарно-денежным отношением. Поэтому она стала широко проникать в хозяйственную жизнь с введением новой экономической по-

¹ Сборник «Высшая школа», М., 1957 г., стр. 14.

² Постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР по вопросам промышленности и строительства, Госполитиздат, 1956, стр. 99.

литики. Принцип безвозмездности услуг, проведенный последовательно в законодательстве до перехода к новой экономической политике, затем сменился принципом возмездности взаимных услуг как во взаимоотношениях государственных хозяйственных организаций между собой, так и с гражданами.

Возмездные отношения в СССР, как и все общественные отношения при социализме,— это отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. То, что возмездные отношения в нашем обороте получают широкое распространение, свидетельствует лишь о том, что строить коммунизм можно «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»¹. В возмездных отношениях, как было замечено, проявляется один из коренных принципов социалистического хозяйствования — принцип материальной заинтересованности. Известно, что нарушение этого принципа причинило большой ущерб народному хозяйству. Партия и Правительство приняли ряд мер по восстановлению этого принципа, в частности, по установлению эквивалентности отношений при заготовке продуктов сельского хозяйства, особенно продуктов животноводства.

На основе принципа материальной заинтересованности происходит возмещение затрат живого и овеществленного труда во взаимоотношениях между участниками гражданского оборота.

Поскольку возмездность отношений в социалистическом обществе коренным образом отличается от возмездности при капитализме постольку исключается необходимость в особом подходе к безвозмездным отношениям, как это имеет место в буржуазном праве. Безвозмездные отношения не являются здесь аномалией.

Наше право не устанавливает никаких ограничений в возможности совершения безвозмездных сделок, если эти сделки не противоречат закону и плановым наметкам, равно как и не устанавливает особого подхода к ним. Обнаруживаемые нами в редких случаях особые нормы, относящиеся к безвозмездным сделкам (например, в отношении соблюдения формы сделок) не являются выражением особого подхода к ним. Соответствие сделки требованиям советского закона, плановым предначертаниям и правилам социалистического общества — вот критерий для оценки правомерности всякой сделки безотносительно к тому, является ли она возмездной

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 36.

или безвозмездной¹. Точно также наше право, в отличие от буржуазного, не определяет исковую силу безвозмездных правоотношений отлично от исковой силы возмездных правоотношений. Действующее право не дает нам никаких материалов для противоположного вывода и это предопределено в наших условиях, прежде всего, большей стабильностью гражданских правоотношений, чем в буржуазном обществе, и тем, что участники правоотношений у нас действительно свободны и равны. Иногда мы встречаемся в литературе с попыткой умалить значение исковой защиты безвозмездных сделок. Так, В. А. Рясенцев² считает, что применение ст. 120 ГК к договорам безвозмездного пользования может иметь место лишь в исключительных случаях. Только при наличии письменного соглашения сторон и затруднительного положения лица, желающего стать пользователем, в котором оно может отказаться вследствие отказа от предоставления вещей, полагает В. А. Рясенцев, эти вещи могут быть истребованы, либо взысканы убытки за их непредоставление. Подвергая совершенно справедливой критике эту позицию, Г. Н. Полянская приводит правильные соображения и указывает, что «в сделке по представлению в безвозмездное пользование государственного имущества момент безвозмездности вряд ли играет такую роль, чтобы признать передачу на основании подобного соглашения менее обязательной, чем передачу вещи по договору возмездному»³.

Исковая сила правоотношений должна определяться не в зависимости от возмездности или безвозмездности правоотношений, а в зависимости от того, насколько правоотношение не противоречит объективному праву. При обнаружении такого противоречия правоотношение будет лишено исковой защиты безотносительно к тому, является ли оно возмездным или безвозмездным.

Возмездность отношений в социалистическом обществе имеет, как было замечено, совершенно иную основу, исключаящую необходимость в особом подходе к безвозмездным отношениям. Безвозмездные отношения не являются здесь отклонением от нормы. Утверждение о том что «наш Кодекс отно-

¹ См. М. М. Агарков. Понятие сделки по советскому гражданскому праву, журн. «Сов. гос. и право», № 3—4, 1946 г. Д. М. Генкин. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону. «Ученые записки» ВЮОН, вып. V, 1947 г. В. А. Рясенцев. Вопросы недействительности сделок в судебной практике, ж. «Соц. законность», 1950 г., №№ 8 и 9, И. Б. Новицкий. Недействительные сделки, сборник «Вопросы советского гражданского права», Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве, М., 1954 г.

² В. Рясенцев. Договор безвозмездного пользования, журнал «Советская юстиция» № 19, за 1938 г.

³ Г. Н. Полянская. Отдельные виды обязательств, 1954 г., стр. 197.

сится вообще отрицательно к безвозмездным сделкам»¹ лишено всяких оснований. Если бы действительно такое отношение было, оно бы получило свое выражение в конкретных нормах подобно тому, как это находит свое выражение в конкретных нормах буржуазных кодификаций. Но таких норм в нашем действующем кодексе мы не находим и вряд ли мы их найдем в будущих гражданских кодексах. Не советское, а буржуазное право относится отрицательно к безвозмездным сделкам. В многочисленных предложениях к будущему гражданскому кодексу мы не обнаружили ни одного, в котором было бы выражено отрицательное отношение к безвозмездным сделкам. Именно буржуазное гражданское право целым рядом своих общих положений и конкретных норм устанавливает особое отношение к безвозмездным сделкам.

В результате планового руководства народным хозяйством и направления его к цели, предусмотренной планом, целый ряд весьма важных отношений, имеющих в условиях капитализма возмездный характер, приобретает в СССР безвозмездный характер. Так, например, земля передается государством отдельным колхозам в бессрочное и бесплатное пользование (ст. 8 Конституции СССР). Здания, сооружения, предприятия, т. е. объекты основного фонда, переходят от одного государственного органа к другому, в силу плановых актов, безвозмездно путем списания стоимости передаваемого имущества с баланса передающего органа на баланс принимающего органа. Закон запрещает отчуждать эти объекты возмездно². Но даже и в сфере обращения, где объекты переходят от одного органа к другому возмездно, в товарно-денежной форме, в результате регулирующей и планирующей деятельности государства, возмездность может отклоняться от эквивалентности, т. е. соизмеримости и равенства обмениваемых благ. Интересы развития всего народного хозяйства всегда доминируют над интересами отдельного предприятия.

Государство имеет возможность перераспределять материальные ресурсы между отдельными отраслями народного хозяйства и между отдельными предприятиями таким образом, чтобы обеспечить и в дальнейшем рост ведущих отраслей промышленности, в первую очередь тяжелой промышленности, рост накоплений для дальнейшего расширения воспроизводства социалистического хозяйства, для укрепления обороноспособности страны, для расширения технической базы сельского хозяйства и увеличения производства товаров широкого потребления.

¹ А. Г. Гойхбарг. Советское хозяйственное право, том I, стр. 209.

² Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 апреля 1935 г. (С. З. СССР 1935 г. № 28, ст. 221). Постановление СНК СССР от 15 февраля 1936 г. (С. З. СССР 1936 г., № 11, ст. 93).

В многочисленных случаях в гражданских и иных правоотношениях момент возмездности усиливается или ослабляется в результате сознательно проводимой государством хозяйственной политики, рассчитанной на достижение определенного, не только материально-правового эффекта. Так, например, договор жилищного найма является договором возмездным¹. Пользование жилой площадью компенсируется оплачиваемой ее съемщиком квартирной платой. Несмотря на то, что домовое, как и все коммунальное хозяйство, построено на началах хозрасчета, несмотря на то, что доходы хозяйства должны полностью покрывать расходы по ведению этого хозяйства, государство подробно нормирует размеры квартирной платы в зависимости от целого ряда признаков и, в частности, от размера получаемой съемщиком заработной платы. Квартирная плата дифференцирована, таким образом, в зависимости от имущественного положения съемщика, но она имеет свои пределы для всех съемщиков, дальше которых она повышаться не может. Охраняя заработок трудящегося, т. е. его индивидуальную долю в общественном фонде, полученную в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, государство лимитирует определенную часть этого заработка на расходы за пользование жильем.

Таким образом момент возмездности во многих случаях отклоняется от эквивалентности, но это отклонение не есть результат стихийно или слепо действующих сил, а является результатом регулирующей деятельности государства, направленной на охрану заработка трудящегося. Момент возмездности здесь, несомненно, ослаблен. В другом случае момент возмездности в жилищном правоотношении значительно усиливается для достижения другой цели. Известно, что нормирование потребления жилой площади, т. е. установление жилищно-санитарной нормы для каждого жильца вызвано тем, что, несмотря на грандиозное жилищное строительство, проводимое государством с целью полного разрешения жилищного вопроса в стране, жилищный фонд государства еще недостаточен для полного обеспечения граждан жилой площадью сверх норм, установленных государством. Поэтому в тех случаях, когда имеются излишки, хотя бы и не подлежащие изъятию, вследствие фактической невозможности (например, неизолированные комнаты), они подлежат оплате в повышенном размере. Момент возмездности усиливается здесь с целью ограничить стремление пользоваться излишками жилой площади против установленных норм.

¹ Полностью оправдан прогноз Ф. Энгельса о том, что при социализме «трудящийся народ» едва ли станет предоставлять пользование жильем отдельным лицам «без покрытия издержек». (К. Маркс, Ф. Энгельс, избр. произв., т. I, стр. 582).

Различные варианты момента возмездности проявляются и в трудовом праве, в таком важном вопросе, как возмещение ущерба, причиненного работником предприятию¹. Преследуемая государством цель охраны социалистической собственности, и, наряду с этим, охраны заработка трудящегося, приводит к тому, что законодатель для определенных случаев считает возможным ослабить момент возмездности, а для других, напротив, усилить этот момент. Аналогичных примеров в советском праве, и не только в гражданском, немало. Все это является прямым результатом регулирующей деятельности Советского государства.

Приведенные нами примеры показывают в какой мере момент возмездности расширяется или суживается, в зависимости от целенаправленности того или иного института, или той или иной конкретной правовой нормы.

Возмездность отношений способствует также внедрению учета и контроля в деятельности наших хозяйственных организаций. Проблема учета при социализме решается по-новому. При капитализме это было «частным делом» отдельного капиталиста, помещика, кулака. При советской власти это не частное дело, а важнейшее государственное дело. Возмездность при социализме существует не для обогащения «этого отдельного дряного индивида» (Энгельс), а для увеличения общественного богатства, а следовательно, для подъема материального благосостояния всех трудящихся. При таком качественном отличии этого понятия, не может быть и речи об одинаковом влиянии момента возмездности или безвозмездности на гражданские правоотношения в буржуазном и социалистическом гражданском праве. И действительно, Гражданские Кодексы союзных республик существенно отличаются по этому вопросу от буржуазных гражданских кодификаций. В советских Гражданских Кодексах не содержится общей нормы по смягчению ответственности за неисполнение обязательства по безвозмездной сделке.

Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве сочетаются и не исключают друг друга. Наряду с распространением безвозмездных отношений, например, при переходе таких объектов как основные средства производства от одного госоргана к другому, распространены возмездные отношения тех же госорганов при переходе объектов, относящихся к оборотным средствам. С помощью возмездности и безвозмездности достигается единая цель, продиктованная экономической политикой Коммунистической партии в соот-

¹ См. С. С. Каринский. Об отличии материальной ответственности по трудовому праву от гражданско-правовой ответственности за ущерб. «Сов. гос. и право», № 5, 1955 г., стр. 82.

ветствии с требованиями действующих при социализме экономических законов.

Поэтому мы не можем говорить о предпочтении возмездных отношений безвозмездным.

Буржуазная теория лицемерно рассматривает безвозмездное отчуждение как акт щедрости и великодушия отчуждателя. Это лицемерно-ханжеская характеристика далека по большей части от капиталистической действительности. Даже Шершеневич отмечает, что мотивы дарения могут быть очень далеки от чувств бескорыстия, а даритель может рассчитывать на совершенно определенные, в будущем земные блага¹.

Советскому праву нет необходимости выделять безвозмездные отчуждения с морально-этической стороны. Нельзя не отметить, что в наших условиях социалистическая собственность объединяет людей в дружный коллектив трудящихся. Действующее право обеспечивает солидарность интересов участников гражданских правоотношений². И это, конечно, создает условия для распространения безвозмездных отношений, в отличие от капитализма, где капиталистическая собственность разобщает людей и порождает классовые противоречия и антагонизм³.

Акт дарения может быть результатом творческой инициативы трудящихся. Трудящиеся Дагестана преподнесли В. И. Ленину добытые два первых пуда ртути в качестве производственного подарка. В. И. Ленин им ответил: «С благодарностью принимаю дар — результат творческой инициативы трудящихся масс Дагестана»⁴.

Яркой иллюстрацией того, в какой мере безвозмездные отношения могут стать выражением подлинного патриотизма, является широкое движение по оказанию материальной помощи Советской Армии в период Великой Отечественной войны. За годы войны в фонд обороны поступило от трудящихся около 13 млрд. рублей.

Конечно, из этого не следует, что каждый акт дарения в наших условиях вызван столь возвышенными и благородными мотивами. Практика показывает, например, что дарение в отдельных случаях может быть формой проявления родимых

¹ См. проф. Г. Ф. Шершеневич. Учебник русского гражданского права, IX изд., 1911, стр. 491.

² Подробно см. И. Б. Новицкий. Солидарность интересов в советском гражданском праве, М., 1954 г.; М. О. Рейхель. О взаимопомощи и добросовестности в гражданском праве, «Сов. гос. и право» № 10 за 1948 г.; С. Н. Ландкоф. Новая категория обязательств в советском гражданском праве. «Ученые записки» Киевского гос. универс. имени Т. Г. Шевченко, т. VII, 1948 г. (Юридический сборник № 3).

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 417.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 173.

пятен не только капитализма, но даже и докапиталистических формаций. Так, под видом дарения иногда практикуется в замаскированной форме калым¹. Под видом дарения иногда существенно нарушаются интересы государства. Так, встречаются случаи совершения дарения с противозаконными намерениями. По делу по иску Пивоваренного завода к гражданам Ромашиным о расторжении договора дарения домостроения² было установлено, что гр. Ромашин, осужденный по уголовному делу, предвидя возможность обращения взыскания на дом со стороны пивоваренного завода, подарил этот дом своей дочери и сестре Ромашиным. Ясно, что в данном случае имело место со стороны гр. Ромашина стремление обойти интересы государства. Против таких попыток направлены нормы Гражданского Кодекса о недействительности сделок (ст. 30—35).

Однако условия для распространения безвозмездных отношений в социалистическом обществе значительно шире. Почва, на которой они возникают, это отношения социалистической взаимопомощи, отношения, лишенные эгоистического расчета. В наших условиях широкую сферу составляют социально-культурные услуги, безвозмездно оказываемые государством гражданам. Эти услуги по мере приближения к коммунизму будут все больше расширяться. И в имущественных отношениях мы также наблюдаем случаи безвозмездного предоставления со стороны государства. Так, например, ст. 87 Горного Положения СССР³ предоставляет безвозмездно право разработки открытыми работами без применения взрывчатых веществ месторождений общераспространенных ископаемых (песок, глина, камень и т. п.) пользователями поверхности для нужд собственного хозяйства. В условиях широко развернувшегося индивидуального жилищного строительства эта норма имеет существенное значение.

Безвозмездные отношения получают свое развитие не только внутри страны, но и во всем социалистическом лагере. Советское государство во взаимоотношениях со странами народной демократии оказывает этим странам бескорыстную помощь. Советское правительство в знак дружбы передало безвозмездно в дар правительству Китайской Народной Республики имущество Китайской Чанчуньской железной дороги, находившейся под совместным управлением Китая и Советского Союза, а также имущество, приобретенное советскими организациями у японских собственников в северо-восточном Китае в 1954 году. Кроме того, Советское правительство

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 апреля 1941 г. № 14(3)4 «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта». См. Сборн. действ. пост. Пл. Верх. Суда СССР 1924—1951 гг., стр. 83.

² «Суд. практика» № 10, 1952 г., стр. 32.

³ СЗ СССР 1927 г., № 68, ст. 688.

передало в дар Китаю 83 станка и сельскохозяйственные машины, экспонированные на выставке экономических и культурных достижений Советского Союза в гор. Пекине. На имя Председателя Советской Правительственной делегации Н. С. Хрущева Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун писал, что «китайский народ будет рассматривать этот щедрый подарок как конкретное выражение искренней дружбы советского народа к китайскому народу»¹.

После освобождения Варшавы от немецко-фашистских захватчиков Советские республики дали безвозмездно для населения Варшавы 60 тысяч тонн хлеба². А в июле 1955 г. во время празднования Дня Освобождения Польши Советское государство передало в дар польскому народу построенное силами и средствами Советского государства высотное здание Дворца Культуры и науки в Варшаве³. В речи секретаря ЦК КПСС тов. М. А. Суслова этот акт был расценен следующим образом: «Безвозмездная передача Польше сооруженного силами и средствами Советского Союза прекрасного и величественного Дворца Культуры и Науки..., является новым свидетельством советско-польской дружбы»⁴.

Советское государство безвозмездно передало Болгарии проекты на капитальное строительство предприятий, жилых зданий и т. п. Советское государство безвозмездно передало Германской Демократической Республике ряд предприятий с активами и пассивами, а также 6 научно-технических бюро и 1 конструкторское бюро. Безвозмездная помощь со стороны Советского государства была отмечена на Варшавском совещании европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе⁵. Советское правительство оказало безвозмездную помощь Венгерскому народу и направило в Венгрию десятки тысяч тонн продуктов и других материалов для снабжения населения и на восстановление предприятий и домов, разрушенных взбесившейся контрреволюцией⁶.

Все это свидетельствует о наличии абсолютно новых отношений между государствами. Страны социалистического лагеря составляют систему государств с однотипной социально-экономической основой. Отношения между этими суверенными государствами являются социалистическими, т. е. отно-

¹ См. газ. «Правда» от 14 октября 1954 г.

² См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III, 1947 г., стр. 96.

³ См. Протокол о безвозмездной передаче Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Польской Народной Республики высотного здания Дворца Культуры и Науки в г. Варшаве, газета «Правда» от 23 июля 1955 г.

⁴ См. газ. «Правда» от 22 июля 1955 года.

⁵ См. газету «Правда» за 13 мая 1955 года.

⁶ См. газету «Правда» за 6 ноября 1956 года.

шениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Однако эти безвозмездные отношения не исключают развития возмездных отношений и это ярко проявляется прежде всего во внешне-торговом обороте.

На протяжении 1950—1952 гг. Советский Союз заключил со всеми странами народной демократии торговые соглашения, предусматривающие значительное расширение объема внешней торговли с ними. Внешне-торговый оборот всех социалистических государств в настоящее время увеличился во много раз¹.

Экономические связи между странами всего социалистического лагеря строятся исходя из принципа равенства сторон и взаимной выгоды, учитывая, вместе с тем, необходимость оказания материально-технической помощи слаборазвитым странам в их общем подъеме².

Более тесная координация хозяйственных планов, кооперирование и специализация производства во всем социалистическом лагере положили начало новому этапу экономического сотрудничества.

Этот новый этап означает социалистическое международное разделение труда, основанное на рациональном и планомерном развитии производительных сил всего социалистического лагеря.

В противоположность этому — в лагере империализма — экономические связи строятся, исходя из интересов монополистических объединений, стремящихся к получению максимальной прибыли. Колониальные державы, не отказываясь от старых приемов ограбления колоний, применяют новые формы колониального порабощения под видом «помощи» слаборазвитым странам, которая дает огромные выгоды колонизаторам³.

Не все приведенные нами примеры безвозмездных и возмездных отношений могут быть полностью расценены как пражданско-правовые. Однако гражданско-правовой элемент в них несомненно имеется, так как в одних случаях речь идет о дарении, в других — о купле-продаже.

Возмездность в условиях социализма определяется существующей формой распределения и отражает идею контроля

¹ См. И. Дудинский. Развитие и укрепление экономического сотрудничества стран лагеря социализма, «Коммунист» № 7, 1956 г., Л. А. Ф и т у н и. Правовые формы экономического сотрудничества СССР и стран народной демократии, «Сов. гос-во и право» № 6, 1956 г.

² См. Л. А. Лунц. Некоторые вопросы международного частного права, «Ученые записки ВИЮН», в. 3, 1955 г., с. 84 и дальше.

³ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду КПСС, изд. «Правда», 1956 г., стр. 22.

над мерою труда и мерою потребления¹, безвозмездность в этих же условиях определяется допускаемыми отклонениями от существующей формы распределения и отражает идею социалистической взаимопомощи. Прав М. О. Рейхель, указывая на то, что буржуазное государство (добавим от себя, и право) к взаимопомощи «относится отрицательно, так как необеспеченность существования трудящихся нужна буржуазии для постоянного пополнения резервной армии труда и снижения цен на рабочую силу»². Напротив, в условиях социализма идея взаимопомощи получает свое материальное выражение, притом не только в пределах нашей страны. «В идею взаимопомощи внесено дополнительное содержание, трактуемое и критически оценивающее понятие взаимопомощи в рамках интернациональной солидарности интересов трудящихся всего мира»³. Имеется в виду бескорыстная помощь, часто оказываемая Советским Союзом населению других стран, пострадавшему от стихийных бедствий. В условиях социализма взаимопомощь пронизывает все разнообразие общественных отношений. Было бы неправильно трактовать взаимопомощь лишь как отношения товарищеской услуги, притом лишь между физическими лицами. Целый ряд отношений между юридическими лицами — государственными, кооперативными и общественными организациями имеет в своей основе идею взаимопомощи, причем эти отношения не только не отклоняются от плановых наметок, а прямо направлены к выполнению плана.

В некоторых случаях такая безвозмездная помощь предписывается нормативным актом; такое предписание, например, дано в Типовом договоре государственной заводской коопюшны с колхозом.

Принципиально не исключается возможность предоставления имущества во временное пользование во взаимоотношениях между государственными органами.

Вот почему и возмездность и безвозмездность являются элементами нашего права, использование которых происходит в интересах строительства коммунизма, т. е. в интересах как отдельных граждан, так и социалистических организаций и объединений. Платность и бесплатность, купля-продажа и дарение, имущественный наем и ссуда и т. п. не исключает друг друга. Однако это не снимает необходимости изучения и исследования различий указанных выше элементов и их места в процессе расширенного социалистического воспроизводства.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 437.

² М. О. Рейхель, назв. статья, стр. 62.

³ А. И. Омельченко. Творческий риск, его государственно-правовая охрана, М., 1955 г., стр. 11.

Прежде всего следует отметить, что в советской цивилистической литературе мы не обнаруживаем четкого разграничения понятий эквивалентности и возмездности. Возмездность и эквивалентность — не синонимы, эти понятия, вместе с тем друг друга и не покрывают. Точнее было бы сказать, что они перекрещиваются. Эквивалентное отношение безусловно возмездное отношение, но возмездное отношение не безусловно эквивалентное отношение. Возмездность и безвозмездность — это антиподы. Возмездность и эквивалентность — это явления, относящиеся друг к другу как род к виду.

Эквивалентность это ось, вокруг которой вращается возмездность. Здесь действуют как центробежные, так и центростремительные силы, приближающие и отдаляющие возмездность и эквивалентность в зависимости от целого ряда обстоятельств. Эти обстоятельства не есть результат стихийно-действующих сил, подобно тому как это происходит при капитализме. Они определены единством хозяйственного и политического руководства на основе экономической политики Коммунистической партии.

Поэтому мы бы считали не совсем точным указание на то, что отношения между государственными предприятиями носят эквивалентно-возмездный характер¹. Точнее, с нашей точки зрения, говорить о возмездном характере отношений государственных предприятий. В этом случае они могут быть эквивалентными и могут быть неэквивалентными. Эквивалентность предполагает имущественное равновесие между действиями участников правоотношения, но это равновесие или эта соразмерность не обязательны для признания отношения возмездным. Нарушение равновесия или соразмерности нельзя, в условиях планового хозяйства, считать ненормальным явлением. Сплошь и рядом это прямой результат регулирующей деятельности государства в интересах развития всего народного хозяйства. А регулирующая деятельность советского государства, при определении соразмерности действий субъектов в конкретных гражданских правоотношениях исходит из экономической политики Коммунистической партии и тех народнохозяйственных задач, которые призваны, на конкретных участках народного хозяйства, решать те или иные хозяйственные организации. Вот почему отступление от эквивалентности не есть отступление от нормы. Отступление от эквивалентности не нарушает принципа возмездности. Ко-

¹ См. проф. Б р а т у с ь С. Н. Субъекты гражданского права, 1950 г., стр. 111; его же рецензия на книгу Венедиктова в журн. «Сов. гос. и право» № 4, 1949 г., стр. 55; О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии), журн. «Сов. гос. и право», 1955 г., № 5, стр. 56; И. Б. Н о в и ц к и й. Роль Советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии, М., 1955 г., стр. 83.

нечно, возможны случаи, они в практике встречаются, когда отступление от эквивалентности ни в какой мере не является результатом ни прямым, ни косвенным регулирующей деятельности государства. В таких случаях возможно, что участники правоотношения переступили ту грань, которая отделяет правомерное действие от правонарушения. Так, в Постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» прямо отмечено, что растаскивание колхозного имущества происходит в виде взятия у колхоза бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна, семян, кормов, мяса, молока, масла, меда, овощей, фруктов и т. п.¹ Все это было расценено как злоупотребления и беззакония².

Несоответствие возмездности к эквивалентности при переходе имущества между гражданами, при отсутствии в правоотношениях признаков преступления (вымогательство, шантаж и т. п.), а также признаков ст. ст. 30—35 Гражданского Кодекса РСФСР и соответствующих ст. ст. ГК союзных республик, является вполне правомерным. Оно правомерно и тогда, когда возмездность еле-еле различима или даже совсем исчезает, и правоотношение становится уже безвозмездным. Мы исходим из положения о том, что право распоряжения является важнейшим правомочием личного собственника и следовательно ему предоставляется возможность отчуждать имущество возмездно или безвозмездно.

Таким образом понятия возмездности и эквивалентности не совпадают, между ними возможен разрыв. А вопрос о правомерности этого разрыва зависит от конкретных обстоятельств, характеризующих то или иное правоотношение.

А. В. Венедиктов не проводит различия между эквивалентностью и возмездностью, полагая, очевидно, что эти понятия совпадают. Так, употребляя термин «эквивалентность», он тут же поясняет его другим термином «возмездность»³. Этого различия не замечает и Д. М. Генкин⁴, который употребляет понятия «возмездность» и «эквивалентность» как тождественные.

¹ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, 1954 г., ч. III, стр. 497.

² «Как хищение должны квалифицироваться действия должностных лиц, давших незаконные разрешения на бесплатный отпуск продуктов и общественного скота колхозов, на продажу их по заниженным ценам» (Т. Л. Сергеева, Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР, 1954 г., стр. 37). См. также опред. Суд. колл. по уголовн. делам Верховуда СССР по делу Банурова. «Судебн. практи.» 1952 г., № 11, стр. 6.

³ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, 1948 г., стр. 627.

⁴ Учебник гражданского права, т. I, изд. 1950 г., стр. 216.

Не отождествляет, по-видимому, эти понятия А. Е. Пашерстник, который приводит много рассуждений о возмездности труда¹, хотя, можно думать, что в этой сфере отношений возмездность и эквивалентность ближе друг к другу, чем в какой-либо другой. А. Е. Пашерстник правильно замечает, что «уяснение принципа возмездности связано с характеристикой особенностей социалистического общества и его отличия от развитого коммунистического общества². Возмездность для А. Е. Пашерстника это вознаграждение, причем вознаграждение соизмеряемое затраченным трудом. Исходя из этого он различает возмездность в гражданских правоотношениях («овеществленный труд») и возмездность в трудовых отношениях («живой труд»). Если отбросить неправильные рассуждения А. Е. Пашерстника о действии закона стоимости в СССР в преобразованном виде, то выдвинутый выше критерий разграничения возмездности в гражданских правоотношениях и в трудовых правоотношениях — является, в основном, правильным. Заметим лишь, что этот критерий чаще всего выдвигается для разграничения трудового договора и договора подряда, а А. Е. Пашерстник распространяет его по существу как критерий для разграничения всей массы гражданских и трудовых правоотношений.

Не проводит различия и даже не сопоставляет понятия эквивалентности и возмездности Я. М. Магазинер³, посвятивший много внимания выяснению значения момента возмездности при совершении актов государственными учреждениями в связи с их деликтной ответственностью. В ходе исследования Я. М. Магазинер приходит к выводу, что классификация отношений на возмездные и безвозмездные сама по себе недостаточна, поскольку она не охватывает всего разнообразия отношений. Хотя Я. М. Магазинер прямо такого вывода не формулирует, но это вытекает из его рассуждений и из того, что в понятие возмездности им вносится корректив в зависимости от того, лежит ли в основе возмездности себестоимость плюс социалистическое накопление⁴ или иные принципы, приводящие к отклонению от такой материальной основы. В сущности, здесь намечается правильное решение вопроса: возмездное отношение может быть эквивалентным, но оно таким может и не быть. В последнем случае отношение является возмездным, но не эквивалентным. При-

¹ А. Е. Пашерстник. Правовые вопросы вознаграждения за труд рабочих и служащих, 1949 г., стр. 100 и дальше.

² Там же.

³ Я. М. Магазинер. Ответственность государственного учреждения за вред, причиненный его должностными лицами. «Ученые записки» Свердловского Юридического института, 1945, т. 1, стр. 155.

⁴ Я. М. Магазинер. Там же, стр. 177.

чины такого отклонения можно установить в каждом отдельном случае не только путем выяснения связи данного правового явления с действием того или иного экономического закона, но и с учетом хозяйственной политики Коммунистической партии, ставящей определенные задачи на тот или иной отрезок времени.

Мы исходим из того, что эквивалентность предполагает равную стоимость, т. е. соразмерность обмениваемых благ, безразлично идет ли речь о товарах, деньгах, услугах и т. д.¹ Именно материальное равенство составляет, так сказать, сущность эквивалентности. Поэтому эквивалентным будет такое гражданское правоотношение, содержание которого характеризуется равенством, соразмерностью обмениваемых благ относительно к тому, в какой юридической форме это равенство выражено (купля-продажа, подряд, поставка и т. п.). При этом имеется в виду равенство благ в конкретном правоотношении, которое не всегда адекватно равенству в смысле правовой автономии сторон этого правоотношения, так как отношение, как было замечено, может быть возмездным, но не эквивалентным, и тогда, при отсутствии имущественного равенства, сохраняется равенство правовое, ибо никто из участников не пользуется предпочтением друг перед другом ни в смысле возможности вступления в правоотношение, ни в смысле определения его содержания, или прекращения правоотношения. Когда мы говорим об эквивалентности, следовательно, мы имеем в виду, что обмен материальных ценностей происходит в таких пропорциях, которые характеризуются полным равенством. Проникновение вглубь этого явления, в частности, установление того, чем именно дается такое равенство пропорций, составляет, как известно, задачу экономической науки. Для нас при анализе конкретных правоотношений важно зафиксировать это равенство для признания отношения эквивалентным.

Если же обмен происходит в таких пропорциях, которые не характеризуются равенством, мы можем говорить лишь о возмездности этих отношений, но не об их эквивалентности.

Наконец, если переход ценностей является односторонним, т. е. не на началах обмена и когда, следовательно, о каких-либо пропорциях не приходится говорить, — отношение является безвозмездным. И возмездность и эквивалентность предполагают количественную сравнимость обмениваемых благ, но в первом случае пропорции безразличны (больше, меньше), во втором — равны. Известно, что правовые отношения не всегда правильно выражают экономические отно-

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 1951 г., стр. 166.

шения, составляющие их содержание. В частности, традиционно в гражданском праве принято считать всякое встречное действие или всякое встречное удовлетворение эквивалентом. С этой точки зрения ничтожная цена при отчуждении имущества является эквивалентом. Если для буржуазного права такое несоответствие между экономическим содержанием и юридическим выражением отвечает интересам господствующего класса и является удобным средством демагогического характера, особенно для оправдания разительного нарушения эквивалентности в имущественных отношениях между трудящимися массами и господствующим классом, то для советского права с его ясными и благородными целями нет надобности в установлении такой юридической фикции. Эквивалентность, повторяем, предполагает имущественное равновесие, имущественную соразмерность действий контрагентов; там, где этого нет,—нет и эквивалентности, хотя возмездность безусловно остается и при отсутствии этих признаков.

Эквивалентность гражданско-правового отношения характеризует высшую или максимально возможную при нормальных условиях степень возмездности. Нарушение равенства в конкретном отношении не превращает отношение в безвозмездное, это приводит лишь к отклонению от эквивалентности. Причем это отклонение мыслится не как результат неправомерных действий. Отклонение от эквивалентности возможно в результате свободного волеизъявления сторон или в результате регулирующей деятельности компетентных государственных плановых органов. Если правомерное отступление возмездности от эквивалентности во взаимоотношениях между социалистическими организациями имеет в своей основе, как правило, планово-регулирующую деятельность государства, то такое же отступление во взаимоотношениях между гражданами имеет, как правило, в своей основе волеизъявление сторон. Приведенное положение может иметь исключения, которые не колеблют правило в целом. Конечно, мыслимо отклонение от эквивалентности в результате неправомерных действий, пороков воли и т. д. В этих случаях отклонение осуждается правом и наступают последствия, восстанавливающие нарушенную эквивалентность отношений. Но если в правоотношении нет ничего аномального, отклонение возмездности от эквивалентности не вызывает осуждения со стороны права. Возмездность остается характерным свойством отношения и тогда, когда она еле различима и когда встречные действия контрагентов в гражданском правоотношении абсолютно несоизмеримы. Было бы неправильно считать в том случае, когда нарушена эквивалентность, что сделка является частично возмездной (в части соизмеримости обмени-

ваемых благ) и частично безвозмездной. Например, дом, стоящий 20.000 рублей, продается за 10.000 рублей. Нельзя же считать, что на 10.000 рублей совершена купля-продажа и на 10.000 рублей — дарение. Сделка не может быть одновременно и возмездной и безвозмездной. Она может быть либо возмездной либо безвозмездной. Соизмеримость обмениваемых благ может быть лишь показателем степени возмездности или эквивалентности. Только когда от встречности обмениваемых благ ничего не остается или, иначе говоря, когда переход материальных благ является односторонним, отношение становится безвозмездным. Здесь наблюдается своеобразный переход количества в качество. Купля-продажа за ничтожную цену является отношением возмездным, но когда право собственности переходит от одного контрагента к другому без встречной обязанности передать какое-либо благо, хотя бы и самое незначительное, мы имеем уже безвозмездную уступку имущества, т. е. дарение. Следовательно, когда от возмездности ничего не остается, отношение становится безвозмездным. Это положение можно проиллюстрировать на явлениях, сыгравших важную, притом положительную роль в развитии нашего хозяйства. Так, в определенный период нашего развития цены на уголь, металл, продукцию машиностроительной промышленности и др. были ниже их себестоимости. Отношения между предприятиями-продавцами и предприятиями-покупателями были возмездными, как и всякие хозрасчетные отношения, но эти отношения не были эквивалентными, поскольку полученные от покупателя денежные средства не соответствовали стоимости передаваемого имущества и не возмещали затраты предприятия на израсходованные средства производства и заработную плату. Такой разрыв между возмездностью и эквивалентностью во взаимоотношениях хозорганов устранялся системой государственных дотаций за счет средств государства в целом¹. Аналогичное положение существовало и с реализацией продукции совхозов.

Такая система, при которой возмездность отношений контрагентов значительно отклонялась от их эквивалентности, способствовала на определенном этапе продвижению продукции госпредприятий по ее целевому назначению, т. е. способствовала технической реконструкции промышленности и сельского хозяйства. Повышение производительности труда, снижение себестоимости, проведение строжайшего режима экономии на предприятиях создали необходимые предпосылки для отказа от этой системы и от государственных дотаций. Это явление возникло и распространилось до Великой Отечествен-

¹ Экономика социалистической промышленности, М., 1940, стр. 498—499.

ной войны и снова получило широкое распространение после успешного окончания ее, по инициативе передовых предприятий города Москвы¹. Следовательно, отношения между хозорганами, оставаясь возмездными, как и прежде, стали эквивалентными, чего не было раньше. Если на определенном этапе существовавший разрыв между возмездностью и эквивалентностью сыграл свою положительную роль, то при изменившихся обстоятельствах, в условиях невиданного подъема социалистического производства, он стал тормозом в развитии, так как система государственных дотаций ослабляла действие важнейшего принципа социалистического хозяйствования — принципа материальной заинтересованности. Система государственных дотаций не способствовала учету закона стоимости в практической деятельности хозорганов. Система государственных дотаций ослабляла действие хозрасчета, в частности ослабляла взаимный контроль с помощью договоров между хозяйственными организациями. С 1 января 1949 года в результате значительного роста производительности труда, снижения себестоимости продукции и других мероприятий экономического характера (денежная реформа, укрепление роли заработной платы, некоторое повышение оптовых цен в добывающей промышленности) государственные дотации были отменены. Таким образом, вместо частичного возмещения расходов предприятий, связанных с производством, контрагенты начали возмещать эти расходы полностью. Отношения сторон, следовательно, стали эквивалентными. Что же касается возмездности, то они такими были и такими же остались.

Нашему праву известны такие случаи возмездности отношений, когда, напротив, не допускается возмещение, превышающее эквивалент. Так, например, еще в 30-х годах было установлено правило², в силу которого убытки возмещаются во взаимоотношениях между хозяйственными организациями, лишь в той мере, в которой они не покрываются присужденной суммой санкций (неустойки, штрафа и т. д.). Иначе говоря, возмещается полностью то, что потеряно, но не более. И здесь, следовательно, выражено стремление к установлению полной эквивалентности. Принцип, закрепленный этим правилом, выдержал испытание временем и получил свое признание в арбитражной практике на протяжении двух десятилетий. В 1951 г. это же правило было воспроизведено в инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров

¹ См. газету «Правда» от 2 февраля 1948 года.

² Приказ Наркомснаба СССР от 22.XII 1931 г. № 1073, БФХЗ № 1—32; Приказ ВСНХ СССР от 18.XII 1931 г. № 850, БФХЗ № 1—32 г.

СССР¹. Нельзя не отметить, что в литературе намечается и другая тенденция, отражающая тот взгляд, что система построения договорных санкций должна в большей степени отражать штрафной характер санкций и их самостоятельность по отношению к институту возмещения убытков, не сводимую к роли их оценочного эквивалента². Практика дает уже некоторые материалы в этом отношении, когда возмещение превышает эквивалент. В подобных случаях преследуется иная цель. Так, например, в утвержденных Советом Министров СССР 13 января 1955 г. «Основных условиях поставки товаров широкого потребления предприятиями Министерства машиностроения и приборостроения СССР главным управлениям оптовой торговли Министерства торговли СССР и Центросоюза» — мы читаем: «Независимо от взысканий пени, неустойки и штрафа каждая из сторон вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных нарушением договоров убытков в части, не покрываемой пеней, неустойкой и штрафами, за исключением убытков, понесенных покупателем или получателем в связи с поставкой товаров ненадлежащего качества. Эти убытки возмещаются предприятием-поставщиком (изготовителем) сверх пени, неустойки и штрафа» (ст. 56)³. Аналогичное положение закреплено и в «Основных условиях поставки продовольственных товаров предприятиями системы Министерства промышленности продовольственных товаров Главным Управлением и Всесоюзным конторам оптовой торговли Министерства торговли СССР» (ст. 44), утвержденных тем же постановлением Совета Министров СССР от 7 апреля 1954 года. Таким образом, преследуя те или иные цели, право допускает различные варианты соотношения возмездности и эквивалентности. И эти варианты, особенно, когда речь идет об отношениях между социалистическими организациями, избираются не произвольно, а в результате определенной экономической политики, проводимой социалистическим государством и его органами.

Но даже, когда возмездность и эквивалентность в конкретных гражданских правоотношениях не совпадают, мыслится, что между затраченными средствами и хозяйственным эффектом имеется прямая связь, без чего отношение вообще не является возмездным. Поэтому не всякое действие, например, государственного органа по оказанию известных

¹ См. Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 29 сентября 1951 г. № 0—1—38. (Сборник Инструктивных указаний Государственного Арбитража при Совете Министров СССР, вып. I, М.,—1955 г., стр. 267).

² См. В. К. Райхер. Штрафные санкции в борьбе за договорную дисциплину. «Сов. гос-во и право», 1955, № 5, стр. 73.

³ Сборник основных условий поставок, М., 1956, выпуск 2, стр. 179.

услуг населению или по выполнению функций государственного управления или иной публично-правовой функции, требующей внесения определенной суммы денег гражданами или юридическими лицами, например, уплата судебных пошлин, является возмездным. В названных и им подобных случаях, нет прямой или другой связи между затратами и расходами, понесенными при осуществлении указанных выше функций на содержание данного учреждения и получаемым материальным эффектом. С этой точки зрения отношение гражданского суда со сторонами при уплате последними судебных расходов не является отношением возмездным, хотя стороны и уплачивают определенную сумму. Заметим тут же, что самое понятие судебных расходов, охватывающее, согласно ст. 34 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, как единую государственную пошлину, так и расходы по производству дела, является не точным. Ибо если расходы по производству дела действительно связаны с оплатой свидетелей и экспертов, стоимости проезда, стоимости выезда суда для местного осмотра, расходов на юридическую помощь и т. п., т. е. действительно понесенными издержками, то единая государственная пошлина не может рассматриваться как способ компенсации судебных расходов, ибо размер пошлины определяется по отношению к цене иска безотносительно к тем расходам, которые государственный бюджет терпит в связи с осуществлением правосудия по данному конкретному делу. Если бы сторона и не обращалась за разрешением спора в суд, расходы на содержание последнего не уменьшились бы, равно как они не увеличились вследствие обращения стороны в суд. Было бы нелепо рассматривать осуществление правосудия как оказание возмездной услуги. Вот почему нельзя согласиться с утверждением о том, что государственная пошлина отличается от налога тем, что она «взимается соответствующими государственными органами за определенные услуги, оказываемые юридическим лицам и гражданам по их просьбе и в их интересах, главным образом, в возмещение расходов, связанных с оказанием услуг»¹. Таким образом уплата государственной пошлины не является встречным возмездным действием сторон по отношению к действиям, совершаемым судебными, нотариальными и другими государственными органами при осуществлении ими своих государственных функций. Уплата пошлины не находится ни в какой связи с расходами по осуществлению указанных функций. Здесь нет ни эквивалентности, здесь нет и возмездности отношений. Из этого, однако, не следует, что

---

¹ М. А. Гурвич. Советское финансовое право, Госфиниздат, 1954 г., стр. 242.

государственные учреждения не могут вступать в возмездные правоотношения. Положение о местных финансах (ст. 42, п. 3, лит. «п») и приказ Наркомфина РСФСР от 26 апреля 1938 г. № 164 предусматривают, что местные Советы вправе взимать плату за пользование подвижными переправами (паромами и т. п.), требующими постоянного обслуживания, но запрещается взимание платы за проход и переезд по постоянным мостам и по временным мостам, не требующим постоянного обслуживания¹. Здесь, таким образом, четко проведена линия между возмездностью и безвозмездностью: если местные Советы, выступая в той или иной деятельности не как орган власти, а как организация, оказывающая определенные услуги гражданам, притом эти услуги оказываются непрерывно и представляют собой вид хозяйственной деятельности, на осуществление которой производятся расходы, то возникающие на этой почве отношения мыслятся как отношения возмездные. Здесь именно имеется та связь между встречными действиями — связь между затратами и доходами, — которая превращает отношение в возмездное. Эта связь характеризуется не только встречностью и юридической связанностью действий, но и тем, что эта взаимная связь имеет материальное содержание.

Если безвозмездные отношения приводят к уменьшению объема имущественной сферы на одной стороне и к соответственному увеличению ее на другой стороне, то в возмездных отношениях — при соблюдении эквивалентности — таких изменений нет, а при отступлении от эквивалентности — изменения в имущественных сферах имеются, но не в столь разительных размерах, как в безвозмездных отношениях. Возмездные отношения предполагают определенное соотношение между обмениваемыми благами: при соблюдении эквивалентности — они равны; при отступлении от эквивалентности — они не равны. В обоих случаях прямая связь, характеризуемая нами, как внутренняя связь в действиях участников возмездных правоотношений, имеет место. Для каждого участника это выражается в связи между затраченными средствами и полученными результатами.

Исчезновение этой внутренней связи — а она является необходимой для признания отношения возмездным — может привести к такой метаморфозе, когда возмездное отношение становится безвозмездным. Проиллюстрируем это примером из практики взаимоотношений строительных организаций с заказчиками. Известно, что часть третья сводной сметы капитального строительства предусматривает затраты на временные здания и сооружения по жилищному, культурно-бытово-

¹ См. ФХБ, 1938, № 18, стр. 12.

му и коммунальному обслуживанию рабочих, инженерно-технических работников и служащих строительных организаций, осуществляющих строительство определенного объекта. Сюда относится строительство временных зданий — барачных, столовых и т. п. Пользуясь этими помещениями, подрядная организация уплачивает заказчику за аренду в размере амортизационных отчислений, рассчитанных на определенный срок — в пределах действия договора. В практике бывают случаи, когда подрядчик возмещает полную стоимость таких временных сооружений, чаще всего барачных, а затем продолжает ими пользоваться вследствие затяжки строительства в результате увеличения программы строительных работ или в результате других причин. Некоторые подрядные организации отказываются в дальнейшем вносить амортизационные отчисления, и, пожалуй, правильно. Отношение ранее возмездное становится безвозмездным, так как прервана связь между израсходованными и полученными средствами. Это и лишает заказчика в дальнейшем права требовать возмещения. Возникающие по этому поводу на практике споры должны, думается нам, разрешаться именно в указанном выше направлении. В обоснование этого мы можем сослаться на Постановление Совнаркома СССР от 4 августа 1937 г. «О порядке ликвидации имущества и расчетов законченных строительств»¹. В этом постановлении предусмотрено, что в тех случаях, когда временные сооружения законченного строительства передаются безвозмездно другому строительству, стоимость неамортизированной части передаваемого имущества засчитывается в счет сметы принимающего его строительства.

Таким образом, внутренняя связь в смысле прямой связи затраченных средств и полученных результатов необходима для характеристики отношения как возмездного. Это обстоятельство в литературе, и на практике, иногда игнорируется. Можно, например, согласиться с утверждением Г. Н. Полянской, что «оплата не членами колхоза, пользующимися колхозными выгонами и водопоями, расходов по благоустройству последних не может быть признана арендной платой, так как аренда сельскохозяйственных земель вообще запрещена»². Но из этого не следует, как полагает Г. Н. Полянская, что отношение вообще становится безвозмездным. Платность предоставления, т. е. возмездность в указанном случае подчеркивается в различных нормативных актах. Так, например, в Постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижению норм обязательных поставок продуктов животно-

¹ СЗ СССР, 1937 г., № 50, ст. 213.

² Отдельные виды обязательств. М., 1954, стр. 136.

водства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих»¹ прямо подчеркивается возмездность предоставления для пользования колхозными выгонами не членами колхоза для их скота за плату, оправдывающую расходы колхозов по содержанию выгонов и водопоев, но не свыше 150 рублей в сезон за корову. Это же положение мы обнаруживаем в известном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 года «О судебной практике по гражданским колхозным делам»². Здесь прямо говорится о праве колхозов взимать «денежную плату в возмещение расходов по содержанию выпасов и водопоев». Еще в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 июля 1939 года³ было предусмотрено право колхозов взимать с лиц, не состоящих членами колхозов, плату за пользование пастбищами, оправдывающую расходы по содержанию выгонов и водопоев. Конкретно это означает, что расходы колхоза по сооружению колодца, желоба, изгороди, по подсеву трав и т. п. компенсируется платой владельцев скота, призванной покрыть в определенной части расходы, понесенные колхозом. В постановлении Совнаркома СССР от 23 ноября 1945 года (п. «в», ст. 1) на городские и районные исполкомы и поселковые Советы возложена проверка правильности устанавливаемой колхозами платы за пользование рабочими и служащими колхозными пастбищами для их скота, оправдывающей расходы колхоза на содержание выгонов и водопоев. Что касается судебной практики, то при рассмотрении исков колхозов о взыскании указанных сумм, суды должны требовать от колхозов представления доказательств, подтверждающих производство расходов для указанных целей⁴.

Таким образом взимаемые суммы — это не арендная плата, но это возмещение, тесно связанное с произведенными расходами. Здесь есть та внутренняя связь, которая характеризует всякое возмездное отношение. Вот почему мы имеем здесь отношение возмездное, а не безвозмездное, как полагает Г. Н. Полянская.

Итак, для характеристики возмездности правоотношения мы выдвигаем два критерия: взаимность и встречность действий (предоставлений), имеющих материальное содержание, хотя бы и неравное в стоимостном выражении, и внутренняя связь в смысле прямой связи между затраченными средствами и полученными результатами. Любая возмездная сделка, известная гражданскому обороту, отвечает указан-

¹ Газета «Правда» 26 сентября 1953 г.

² Сборник действующих постановлений Верховного Суда СССР, 1924—1951 гг., Госюриздат, 1953 г., стр. 210.

³ СП СССР, 1939 г., № 47, ст. 362.

⁴ См. Постановл. Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 г., § 13.

ным требованиям. Напротив, любая безвозмездная сделка, известная гражданскому обороту, не отвечает указанным выше требованиям.

Здесь возможно одно возражение: договор в пользу третьего лица может быть возмездным и безвозмездным. В таком возмездном договоре встречное действие обязанного лица имеет место не по отношению к первоначальному контрагенту, а по отношению к третьему лицу. Однако это возражение мы отвергаем теми соображениями, что встречность действий происходит не в момент заключения договора, а в момент исполнения. В этой стадии первоначальный контрагент по договору в пользу третьего лица отсутствует, он выбыл из правоотношения, его воля уже безразлична и если третье лицо выразило желание воспользоваться выговоренным для него правом, то заключивший договор не может уже прекратить его действие (ст. 140 ГК). Воля третьего лица уже превалирует над волею того лица, которое выговорило для него право. Следовательно, встречное исполнение со стороны обязанного лица будет по отношению к третьему лицу, а не по отношению к кому-либо другому. И этого достаточно, чтобы отношение было возмездным. Конечно, договор в пользу третьего лица может быть и безвозмездным, но не потому, что исполнение производится в пользу третьего лица, а не в пользу первоначального контрагента. На это обстоятельство было обращено внимание еще в дореволюционной русской цивилистической литературе, в частности, против утверждения Козака, что договоры в пользу третьих лиц это безвозмездные договоры, так как исполнение обязанностей для третьего лица имеет для первоначального контрагента лишь моральное значение¹.

Выдвинутые нами признаки возмездности и эквивалентности свидетельствуют о том, что оба эти понятия между собою тесно связаны, но они не покрывают друг друга, а лишь перекрещиваются, приближаясь и отдаляясь друг от друга в зависимости от целого ряда обстоятельств, т. е. в зависимости от их содержания и правового опосредствования. Следует при этом иметь ввиду важное положение марксистской диалектики о том, «что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло при известных условиях превратиться в свою противоположность»². И действительно, история правового регулирования дает нам достаточно материала для подтверждения того, как возмездные отношения становились безвозмездными и, наоборот, безвозмездные становились возмездными.

¹ См. С и м о л и н. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве. Казань, 1916 г., стр. 4—5.

² В. И. Л е н и н. Соч., т. 22, стр. 295.

Возмездность может выражаться не только в денежной форме, но и в ином имущественном предоставлении, например, в услуге, ибо последняя, т. е. услуга «есть не что иное как полезное действие той или иной потребительной стоимости...»¹. Следовательно, возмездными могут быть не только денежные отношения. По договору мены стороны обмениваются предметами без посредства денег, но не вызывает сомнения, что это отношение является возмездным подобно отношению по купле-продаже. Не случайно Гражданский Кодекс специально не регулирует отношений сторон по мене, отсылая (ст. 207) к нормам по купле-продаже.

Возмездным будет встречное предоставление, как было замечено, в виде какой-либо услуги. В ст. 165 ГК имеется прямое указание на то, что услуга может быть формой встречного предоставления по договору имущественного найма. Конечно, когда мы говорим об услуге, составляющей действие одной из сторон или обеих сторон (оказание взаимных услуг), имеется ввиду такая услуга, которая не содержит в себе ничего противоправного и не противоречит правилам социалистического общежития. Это относится не только к самой услуге, но и к обстоятельствам, ее сопровождающим. Можно себе представить, что услуга сама по себе не противоправна, а обстоятельства, сопровождающие ее, могут быть противны нормам действующего права. Например, законодательство о кредитной реформе, запретило хозяйственным организациям оказывать друг другу услуги в кредит². Следовательно, хозяйственные организации могут оказывать услуги друг другу, но не в кредит, а в соответствии с действующими правилами о расчетах между социалистическими хозяйственными организациями. Таким образом возмездность отношений может быть выражена в оказании определенных услуг, имеющих, конечно, материальное содержание.

Не обязательно, таким образом чтобы возмездное отношение было денежным. Можно согласиться с выражением «эквивалентно-денежные отношения» лишь отчасти, применительно к отношениям социалистических предприятий, как это делает И. Б. Новицкий³, или вообще к отношениям всех социалистических организаций, поскольку товарообменные операции законом запрещены и все хозяйственные операции социалистических организаций, как правило, должны иметь денежное выражение. В остальных же случаях выражение «эквивалентно-денежные отношения», думается нам, не долж-

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, М., 1951 г., стр. 199.

² Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. СЗ СССР, 1930 г., № 8, стр. 98.

³ Проф. И. Б. Новицкий, проф. Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве. М., 1950 г., стр. 221.

но употребляться, так как оно суживает сферу распространения эквивалентных, или точнее возмездных отношений рамками лишь денежных отношений. Между тем, как было показано, возмездность может выражаться в предоставлении какого-либо другого материального блага. Нашему праву известно не мало случаев, когда возмездность имеет натуральную форму. Достаточно указать на такое до недавнего времени распространенное явление, как натуроплата за работы, произведенные МТС по договорам с колхозами. Возмездные отношения в натуральной форме практиковались в отношениях между колхозами и инкубаторно-птицеводческими станциями.

Затраты, произведенные совхозами, хозяйствами ОРСов и подсобными хозяйствами предприятий на передаваемых колхозам землях оплачиваются колхозами натурою¹. Таким образом в ряде случаев закон допускает натуральную форму возмездных отношений.

Возмездность может выражаться и в других встречных предоставлениях, например, в уступках каких-либо имущественных прав, в частности, в уступке права требования (ст. 124 ГК). Уступка права требования в социалистическом плановом хозяйстве не есть простая рецепция правил о цессии, имеющих в различных вариантах в буржуазном гражданском праве (например, во французском гражданском кодексе или в английском common law). Правомерность уступки прав в плановом хозяйстве оценивается не только с точки зрения требований ст. 124 ГК. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом. Уступка права требования, например, по договору поставки или по договору капитального строительства, может явиться своеобразной формой нарушения принципа плановости. Нельзя не согласиться с утверждением, что «социалистические организации могут совершать уступку требованиям лишь постольку, поскольку она не противоречит плану»². Однако мы не можем согласиться с авторами этого правильного утверждения, будто вопрос об ответственности лица, уступившего право требования, решается по советскому праву в «зависимости от того, возмездная или безвозмездная была в данном случае уступка»³. В советском праве вопрос об ответственности лица, продавшего долговое требование, решается в Гражданском Кодексе только в главе

¹ См. Пост. СНК СССР от 31 октября 1936 г. СЗ СССР, 1936 г. № 57, стр. 442.

² Проф. И. Б. Новицкий, проф. Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, М., 1950 г., стр. 221.

³ Проф. И. Б. Новицкий, проф. Л. А. Лунц. Указанная работа, стр. 226.

о купле-продаже (ст. 202). В статье же 124 речь идет вообще об уступке, а не только о продаже. Действительно, не ясен вопрос об ответственности при безвозмездной уступке. В действующем ГК договор дарения упомянут (138 ст.), но нельзя сказать, чтобы отношения сторон по дарению были сколь-нибудь урегулированы. Поэтому и не урегулирован вопрос и об ответственности при безвозмездной уступке. Можно ли, однако, сделать вывод, что ответственность в этом случае вообще не наступает. Пелагаем, что такого вывода сделать нельзя, исходя из нашего, отличного от буржуазного права, подхода к безвозмездным сделкам. Как мы видим, и в решении этого вопроса в советской литературе сказалась сила традиции.

Возмездность, наконец, может выражаться и в освобождении от выполнения определенной обязанности, если, конечно, это освобождение является встречным предоставлением. Если же освобождение от обязанности не является встречным предоставлением, то тогда оно не возмездное. За оказанную услугу лицо, которому оказана услуга, освобождает должника от выполнения лежащей на нем обязанности. Ясно, что здесь идет речь о встречном возмездном предоставлении. Если же кредитор освободил должника от выполнения обязанности не как встречное действие, т. е. произошло то, что в гражданском праве принято называть сложением (прощением) долга, то отношение будет безвозмездным. Это, по существу, своеобразная форма дарения. При решении вопроса о возмездном характере освобождения должника от выполнения обязательства, мы не придаем значения тому обстоятельству, вызвано ли это освобождение как реакция на действие должника или на действия третьего лица, например, в одном случае должник оказал услугу кредитору, а в другом случае, такую услугу оказало третье лицо. Важно, что эти действия являются встречными и они находятся во внутренней связи. Это дает нам основание говорить о возмездном характере отношений.

Юридическая форма возмездности, как и безвозмездности определяется характером правоотношений. Эта форма может быть договорной и недоговорной. Распространенное мнение о том, что юридической формой возмездности является только двусторонний договор¹ на поверку оказывается недостаточно аргументированным. Возмездность возможна, во-первых, не только в договорных отношениях, хотя последние чаще всего и являются возмездными. Во-вторых, можно себе представить односторонний договор, отличающийся возмездностью. Например, процентный заем — односторонний и возмездный договор.

Нельзя думать, что юридической формой безвозмездного

¹ Иеринг. Цель в праве, изд. 1881 г., стр. 95.

договора является только односторонний договор. Например, договор безвозмездного пользования (ссуда) чаще всего является двусторонним договором¹. Между тем, в учебной литературе отмечается, что всякий двусторонний договор является всегда возмездным². С этим нельзя согласиться, хотя бы потому, что договор безвозмездного пользования (ссуда), являясь безвозмездным, вместе с тем является и двусторонним: в том случае, когда ссуда заключается как консенсуальный договор, обязанность ссудодателя заключается в том, чтобы передать вещь в пользование, но даже когда ссуда заключается как реальный договор, обязанность ссудодателя может заключаться в возмещении произведенных расходов ввиду сложившихся обстоятельств. Во всех случаях обязанность ссудополучателя — пользоваться вещью в соответствии с ее назначением и возвратить ее своевременно ссудодателю.

Следовательно, юридической формой как возмездности, так и безвозмездности могут быть договорные и недоговорные правоотношения, а договорные отношения, в свою очередь, могут выражаться в двусторонних и односторонних договорах.

Само собою разумеется, что не всякое возмездное отношение является возмездным правоотношением даже и в том случае, когда оно урегулировано правом. Важным для признания возмездного отношения возмездным правоотношением является то, выступают ли участники этого отношения в качестве носителей прав и обязанностей, т. е. в качестве субъектов права. Это положение можно наглядно проследить на хозяйственном расчете цехов. Известно, что с хозрасчетом тесно связаны и эквивалентность и возмездность отношений. Тем не менее возмездные отношения цехов не являются возмездными правоотношениями. Правильно отмечает С. Н. Братусь: «Переведенные на хозрасчет цехи или отделы предприятия не являются субъектами гражданского права, ибо их деятельность ограничена рамками предприятия. Имущественная самостоятельность цеха является только способом учета вложенного в цеховую продукцию труда и материалов в сопоставлении с плановой себестоимостью. Это — внутренний хозрасчет. Цех не является участником советского товарооборота»³. При характеристике цехового хозрасчета не учитывает различия между возмездными отношениями и возмездными правоотношениями Р. О. Халфина⁴. Не отрицая значения стоимостного учета

¹ См. Отдельные виды обязательств, 1954, стр. 197.

² Советское гражданское право, учебник для вузов, 1950 г., т. 1, стр. 216.

³ Проф. С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, М., 1950 г., стр. 281.

⁴ Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве, М., 1954 г., изд. АН СССР.

внутри предприятия, Р. О. Халфина утверждает: «Пока происходит движение ценностей внутри предприятия — отношения, возникающие в связи с этим движением не являются возмездными...» и далее: «Возмездные отношения в связи с движением продукции возникают только тогда, когда процесс производства закончен, когда в стоимости продукции отразились все производственные затраты»¹. В том то и дело, что движение материальных ценностей внутри предприятия в условиях хозрасчета цехов и отделов происходит возмездно, ибо без этого нет хозрасчета. Когда же продукция выходит за пределы предприятия и переходит к другому предприятию, возмездность движения продолжается, но она приобретает новое качество. Здесь возникает уже возмездное правоотношение. И не потому, что «в стоимости продукции отразились все производственные процессы» — эта количественная сторона не имеет здесь значения, а потому, что цех не выступает как субъект права, между тем предприятие в целом выступает именно как субъект права. Конечно, внутризаводский хозрасчет тоже происходит в определенных правовых формах, но эти формы не лежат в плоскости гражданско-правовой. И в этом отношении мы согласны с критическим замечанием Р. О. Халфиной по адресу С. Н. Братуся, признающего внутризаводский, цеховой хозрасчет организационно-технической, а не юридической проблемой². Цеховой хозрасчет, несомненно, регулируется правом, но не правом гражданским. Ближайшее к нему отношение имеют нормы права административного и трудового.

Недостаточно определенным являются высказывания И. Б. Новицкого о внутризаводском хозрасчете³. С одной стороны, цеховой хозрасчет представляет собою форму социалистического соревнования и, с другой стороны, по мнению И. Б. Новицкого, здесь используются и применяются гражданско-правовые способы воздействия. Иначе говоря, цеховой хозрасчет испытывает действие норм гражданского права, и это выражается, главным образом, в применении санкций (штраф, пеня) во взаимоотношениях между цехами. Следует заметить, что вопрос о применении санкций на практике не находит единообразного разрешения. Его неодинаково решают даже на одинаковых, т. е. на однотипных заводах. Например, на Горьковском автозаводе разработана подробная система ма-

¹ Р. О. Халфина. Указ. Соч., стр. 134—135.

² Проф. С. Н. Братусь. Цит. Соч., стр. 281; В. П. Озеров согласен с точкой зрения С. Н. Братуся, см. назв. статьи в журн. СГП № 2, 1956 г., стр. 39.

³ Проф. И. Б. Новицкий. Гражданско-правовые формы борьбы за режим экономии, опублик. в сборнике «О роли права в использовании объективных экономических законов». М., 1954 г., стр. 65.

териальной ответственности цехов и отделов. На Московском же автозаводе им. Лихачева отвергают систему материальной ответственности и санкции, считая, что применение внутризаводских претензий ослабляет борьбу за экономию¹. В довольно осторожной форме система внутризаводских санкций рекомендована конференцией по внутризаводскому хозрасчету, созванной Институтом экономики Академии наук СССР: «Взаимные претензии цехов друг к другу должны быть тщательно обоснованы, служить средством для выявления основных, существенных недостатков и мобилизации общественного мнения на устранение таких недостатков. Необходимо принимать все меры к тому, чтобы претензии не могли быть использованы для переложения ответственности за итоги своей работы на другой цех»². Из этой рекомендации не следует, что действующее законодательство о гражданско-правовых санкциях должно быть распространено на межцеховые, внутризаводские отношения³. Ознакомление с конкретными материалами убеждает нас в том, что цеховой хозрасчет, занимая срединное, промежуточное место между заводским хозрасчетом и хозрасчетом бригад и участков, является формой социалистической организации труда и углубления процесса планирования производства. И в этом смысле нормы административного и трудового права оказывают свое воздействие на отношения, возникающие в связи с внедрением цехового хозрасчета. На примере цехового хозрасчета мы убеждаемся в том, что возмездные отношения не всегда являются возмездными правоотношениями. И решающим моментом здесь является не то обстоятельство, направлено или не направлено действие правовых норм на эти отношения. Определяющим и самым главным, полагаем мы, является то обстоятельство, выступают или не выступают участники отношений как носители определенных прав и обязанностей, т. е. как субъекты права⁴.

Для характеристики отношений как возмездных или безвозмездных в социалистическом хозяйстве огромное значение имеет различие форм собственности, лежащих в основе тех или иных отношений. Известно, что различие форм собственности оказывает часто решающее влияние на те или иные пра-

¹ Подробно см. С. К. Т а т у р. Хозрасчет и рентабельность, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 119—120.

² См. сборник «Внутризаводский хозрасчет.» Материалы научно-производственной конференции, изд. АН СССР, 1952 г.

³ Дело не столько в санкциях по отношению к цехам, сколько в системе материальной ответственности и поощрении руководителей процесса производства. (См. С. П р о ц е р о в, О внутризаводском хозрасчете, «Коммунист» № 7, 1956 г.).

⁴ В дискуссии о социалистических правоотношениях (журн. «Сов. гос. и право» № 3, 1956 г.) этот момент, за исключением выступления Г. Я. Клява, не был подчеркнут.

вовые вопросы, возникающие в процессе регулирования имущественных отношений. Внешне одинаковые имущественные отношения, имеющие одинаковые основания возникновения, могут быть возмездными и безвозмездными. Решающим моментом может оказаться та форма собственности, на базе которой складываются те или иные отношения. Например, при отчуждении имущества в связи с возведением крупных сооружений возникает вопрос о формах возмещения и компенсации. И здесь момент возмездности или безвозмездности выступает особенно наглядно в зависимости от природы объекта отчуждения¹.

Выяснение природы и силы воздействия элемента возмездности или безвозмездности представляется в советском гражданском праве важной задачей. Как уже отмечалось, сила традиции именно в этом вопросе проявляется при решении конкретных проблем советского гражданского права. Проиллюстрируем это на анализе конкретных правоотношений. Мы уже отмечали, что советскому гражданскому праву не свойственен особый подход к безвозмездным сделкам, к безвозмездным правоотношениям вообще. Между тем, в некоторых специальных исследованиях вопросов гражданского права мы обнаруживаем такой особый подход при оценке элемента безвозмездности.

Укажем на работу Б. Б. Черепяхина, опубликованную в Ученых записках Свердловского юридического института². Известно, что большинство законодательств буржуазных стран, исходя из различного отношения к возмездным и безвозмездным сделкам, берет под свою защиту только возмездного добросовестного приобретателя, а добросовестному безвозмездному приобретателю закон в защите отказывает. В нашем Гражданском Кодексе (ст. 60) нет упоминания о таком разграничении, речь идет вообще о защите добросовестного приобретателя, кроме двух случаев, — когда вещь собственника утеряна или вещь у него похищена. Отсутствие указаний о защите лишь возмездного добросовестного приобретателя, думается нам, дает основание для единственно правильного вывода о том, что советское гражданское право защищает всякого добросовестного приобретателя. В этом можно усмотреть отличие советского гражданского права от буржуазного гражданского права. Это — безусловно положительное явление в нашем праве. Между тем Б. Б. Черепяхин делает совершенно противоположный вывод. Умолчание закона о защите безвозмездного приобретателя трактуется как пробел в законе,

¹ См. по этому вопросу нашу статью в Ученых записках. Харьк. юр. инст., вып. 5, стр. 89.

² Б. Черепяхин. Виндикационные иски в советском праве. Ученые записки Свердловского юридического института, т. I, 1945 г., стр. 34.

который должен быть восполнен толкованием ст. 60 ГК в том смысле, что безвозмездный добросовестный приобретатель не пользуется защитой закона. Для такого вывода, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Б. Б. Черепяхин, стремясь эти основания найти, считает, что при безвозмездности приобретения чаще будет под сомнением добросовестность приобретателя. Почему, собственно, допускается презумпция недобросовестности безвозмездного приобретателя — непонятно. Как показывает практика, мы имеем немало случаев возмездного приобретения и, тем не менее, недобросовестного. В какой мере безвозмездность определяет недобросовестность? Напротив, трудно допустить, чтобы новатор производства, деятель науки или искусства, которым безвозмездно передается в виде дара или премии какая-нибудь вещь, чтобы они были недобросовестными, т. е. чтобы они знали или должны были знать, что вещь принадлежит не тем, кто ее дарит. Такое допущение лишено всяких оснований. Известно, например, что Институт Нейрохирургии Академии Медицинских Наук СССР получил в дар от наследников известного русского ученого И. И. Бурденко ценную медицинскую библиотеку. Спрашивается, кому вздумается предполагать, что безвозмездное приобретение библиотеки Институтом Нейрохирургии является недобросовестным? Нет никаких оснований, повторим, связывать возмездность и безвозмездность приобретения с добросовестностью и недобросовестностью приобретателя. Разве судебная практика дает нам мало случаев возмездного и недобросовестного приобретения, когда приобретатель отлично знает о неправомерности продавца на отчуждение вещи и что вырученные от такой продажи деньги будут употреблены на цели, не мирящиеся с требованиями закона и морали. И действительно, в конкретной исторической обстановке Верховный Суд СССР был вынужден допустить презумпцию недобросовестности возмездного приобретения. Мы имеем в виду известное постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 апреля 1942 г. «О судебной практике по делам о возвращении совхозам и колхозам принадлежащего им скота, незаконно отчужденного во время эвакуации». В этом постановлении мы читаем, «что, поскольку продажа скота в условиях эвакуации происходила в обстановке, исключавшей возможность добросовестного заблуждения его приобретателей насчет права продавцов на продажу скота, приобретатели последнего, как правило, не могут признаваться добросовестными...»¹. Следовательно, дело не в возмездности или безвозмездности приобретения, а в конкретных условиях этого приобретения.

¹ П. Е. Орловский. Практика Верховного Суда СССР по гражданским делам в условиях Отечественной войны, М., 1944 г., стр. 15.

Буржуазное право, для которого безвозмездная сделка это отступление от нормального движения капитала, часто допускает презумпцию недобросовестности в вопросе о действительности безвозмездных сделок. Так, по английскому праву отсутствие встречного удовлетворения является или может быть доказательством обмана или злоупотребления влиянием¹. Но значит ли это, что мы должны идти по этой проторенной дорожке, не вернее ли советским юристам с этой дорожки свернуть.

Надо заметить, что не все буржуазные юристы разделяли подобные взгляды. Так, Петражицкий² и Симолин³ критиковали § 816 BGB, согласно которому в вопросе об ответственности добросовестного приобретателя перед управомоченным лицом решающее значение имеет возмездность приобретения; в частности, если по общему правилу плоды вещи, полученные до начала процесса остаются у добросовестного приобретателя, то такой же приобретатель, безвозмездно приобретший вещь, обязан вернуть плоды по правилам о выдаче неосновательного обогащения. Это значит, что он должен вернуть не только так называемый *fructus extantes*, но и насколько он обогатился от уже потребленных плодов. Мы не считаем возможным приводить здесь всю аргументацию противников § 816 BGB. Социальный смысл ее (это особенно явно у Петражицкого) в создании необходимых гарантий для стабильности гражданского оборота, в обеспечении хозяйства от всяких неожиданностей и потрясений. Тем более нет оснований в нашем социалистическом обороте, основанном на принципе плановости, восстанавливать положения, утвержденные в параграфах BGB.

Б. Б. Черепашин приводит еще одно соображение в подтверждение своей позиции, на первый взгляд убедительное. Он считает, что отобрание дара у одаренного восстанавливает его в прежнее положение, которое имело место до дарения. Покупатель же при отобрании у него купленной вещи несет имущественный ущерб по крайней мере в сумме покупной цены⁴. Действительно ли это так? Ведь покупатель тоже, путем предъявления иска к продавцу, в силу ст. 193 ГК, может быть восстановлен в прежнее положение, которое имело место до купли-продажи. Ответственность продавца на эвикцию выражается не только в обязанности вернуть сумму покупной цены,

¹ См. Вильям Р. Ансон. Основы договорного права, М., 1947 г., стр. 58.

² Л. Петражицкий. Права добросовестного владельца на доходы, стр. 327—328.

³ Симолин. Цит., Соч., стр. 76—78.

⁴ Эти же соображения приводит и К. А. Граве, см. Отдельные виды обязательств. М., 1954 г., стр. 129.

но и в обязанности возместить убытки. Следовательно, и у покупателя не будет никакого имущественного ущерба. Нам могут заметить, что покупатель не всегда может обнаружить продавца. Но в наших условиях это мало вероятно. В условиях нашего оборота каждый покупатель может всегда найти продавца, за исключением случаев, когда покупка производилась в необычных условиях. Наконец, должно ли советское гражданское право считаться только с имущественными интересами, игнорируя другие, скажем неимущественные интересы. Представим себе положение того же новатора производства или деятеля науки или искусства, или даже целой организации (например, спортивной), которым были подарены, возможно, и публично, некоторые ценные вещи, приобретенные дарителями, например, в комиссионном магазине. Ведь для них ценность этих вещей определяется далеко не только по показателям существующего прейскуранта. Отображение вещей у них нарушает, прежде всего, их неимущественные интересы. Неужели они, безусловно добросовестные приобретатели, не должны пользоваться защитой закона только потому, что они приобрели вещи не путем купли, т. е. безвозмездно. Для этого, повторяем, нет решительно никаких оснований. Б. Б. Черепяхин явно переоценил момент возмездности, действующий с особой силой в буржуазном, но не в советском праве.

Будущий Гражданский Кодекс должен, несомненно, сохранить правило ст. 60 ГК РСФСР. При этом следует подчеркнуть принципиальное значение этой нормы. Надо сформулировать положение о том, что всякий добросовестный приобретатель, безразлично — возмездно или безвозмездно, пользуется защитой закона, кроме случаев выбытия вещи из обладания собственника помимо его воли. Из этого не следует, что пределы защиты не могут дифференцироваться в зависимости от некоторых обстоятельств, — например, в зависимости от субъектов правоотношения (госорганы и граждане) или объектов (вещи или деньги). Такая дифференциация вполне возможна и она оправдывается определенными соображениями. Так, если в отношении денег установлена максимальная защита владельца, то это объясняется прежде всего той народнохозяйственной функцией, которую выполняют деньги, вследствие чего даже государство вынуждено иногда, при конкретных обстоятельствах, приносить в жертву свои интересы интересам добросовестного владельца. Но тем самым обеспечиваются интересы государства в более широком смысле — в смысле обеспечения стабильности денежного оборота страны.

Определять же пределы защиты интересов приобретателя в зависимости от возмездности или безвозмездности приобретения, думается нам, нет никаких оснований ни с точки

зрения действующего права, ни с точки зрения предполагаемого права.

Таким образом, хотя момент возмездности или безвозмездности и характеризует то или иное гражданско-правовое отношение, однако не всегда этот момент является определяющим для разрешения того или иного правового вопроса. Этот момент становится определяющим только тогда, когда действующее право связывает те или иные последствия именно с моментом возмездности или безвозмездности. С этой точки зрения, думается нам, нет оснований связывать с моментом возмездности или безвозмездности применение 403 или 407 ст.ст. ГК РСФСР к государственным учреждениям за причиненный ими вред, как это сделано в исследовании Я. М. Магазинера¹. В этой работе автор определяет деликтную ответственность государственных учреждений не только по характеру совершаемого действия (функций власти), но и по признаку возмездности или безвозмездности совершаемых государственными учреждениями актов, причем актами административного управления признаются лишь акты безвозмездные. Ближайшее изучение актов государственных учреждений убеждает нас в том, что момент возмездности не может быть лакмусовой бумажкой для определения характера исследуемого акта.

«Государственные библиотеки безвозмездно предоставляют книги в пользование граждан, но никто не назовет предоставление гражданам книги актом административного управления со стороны библиотеки. С другой стороны, органы милиции обязаны взимать определенные сборы при прописке граждан в месте их постоянного или временного проживания, при выдаче паспортов и т. п. Однако никто не сомневается в том, что соответствующие действия милиции являются актами административного управления»². К этому следует добавить, что взимание определенных сборов милицией не означает, что совершаемые милицией действия (напр., по прописке граждан) являются возмездными. Расходы милиции по совершаемым ею действиям ни в какой мере не соизмеримы и вообще не ставятся в связь с доходами от сборов, взимаемых с граждан, обращающихся в милицию.

Литература по административному праву исходит из того, что «в актах государственного управления содержатся обяза-

¹ См. Я. М. Магазинер. Ответственность учреждений за причиненный вред, «Вестник советской юстиции», № 23 за 1926 г.; его же — Ответственность государственного учреждения за вред, причиненный его должностными лицами. «Ученые записки» Свердловского юридического института, 1945, т. I.

² Проф. Е. А. Флейшиц. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951 г., стр. 119.

тельные для исполнения предписания, которыми, в соответствии с действующим законодательством, либо налагаются на граждан, общественные или государственные учреждения или организации, или на должностных лиц определенные обязанности, либо предоставляются им какие-либо права»¹. Таким образом, момент безвозмездности даже не упоминается среди других определяющих признаков для характеристики акта управления, а потому безвозмездность не превращает действия государственного учреждения в акт административного управления. Отсюда, следовательно, нет оснований связывать характер деликтной ответственности государственных учреждений (403 или 407 ст. ГК) с моментом возмездности или безвозмездности. Судебная практика с самого начала применения ст. 407 ГК РСФСР заняла правильную позицию в этом вопросе в том смысле, что ответственность по ст. 407 ГК наступает лишь в тех случаях, когда вред причинен неправильными служебными действиями должностных лиц в области административного управления².

Эта позиция соответствует той идее, которая была проведена при окончательной редакции ст. 407 ГК РСФСР³. Из материалов подготовки проекта Гражданского Кодекса можно усмотреть, что составители ГК имели в виду именно ответственность за вред, причиненный неправильным совершением должностными лицами административных актов и вовсе не придавали значения моменту безвозмездности акта как условию применения ст. 407 ГК.

Нельзя не отметить, что в советской литературе уже намечается правильный подход к определению места и роли безвозмездных сделок. Здесь следует прежде всего отметить работу Г. Н. Полянской⁴, в которой намечена, в основном, правильная линия, отказывающаяся от старого традиционного взгляда на безвозмездную сделку. Хотя следует отметить, что мысль о том, что безвозмездность отношений не ставит стороны в особое положение, не проведена ею до конца. Возражая против традиционного подхода к безвозмездным сделкам, она, в конце концов, сама отдает дань этому подходу.

¹ С. С. Студеникин. Советское административное право, учебник для юридич. вузов, 1950 г., стр. 145; его же — Учебник для юридических школ, 1949 г., стр. 107, 116.

² См. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда», Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, 1924—1944 гг., М., 1946 г., стр. 174.

³ Стенографический отчет IV сессии ВЦИК РСФСР, IX созыва. Бюллетень № 3.

⁴ Отдельные виды обязательств. М., 1954 г., гл. VII.

«Насколько ссудополучатель по договору безвозмездного пользования более обременен ответственностью, чем наниматель, настолько же ссудодатель по анализируемому договору должен нести меньшую ответственность, чем наймодатель. Так, ответственность ссудополучателя увеличивается вследствие безвозмездности предоставления вещи — вместе с тем безвозмездность предоставления облегчает до известной степени ответственность ссудодателя»¹. Эта обратная пропорция ответственности ссудодателя-ссудополучателя и наймодателя-нанимателя не вытекает из основной идеи автора и не отвечает принципам нашего права.

Отмечая значение безвозмездных отношений в социалистическом гражданском обороте, Г. Н. Полянская по разному оценивает роль соглашений о предоставлении во временное безвозмездное пользование имущества в порядке добровольной товарищеской помощи в отличие от случаев, когда такое предоставление является средством выполнения плана. В первом случае отношение рассматривается в плоскости морали, во втором — в плоскости права. Нельзя согласиться с утверждением, что соглашение о безвозмездном предоставлении в пользование, в порядке добровольной товарищеской помощи, вообще не имеет никаких юридических последствий.

Представим себе положение двух граждан, заключивших соглашения о предоставлении им во временное пользование комнат с дачевладельцем. Один из них за пользование обязался платить наемную плату, а другой, на основе добровольной товарищеской помощи, должен был получить комнату безвозмездно. К моменту исполнения договора дачевладелец отказал в предоставлении комнат и тому и другому. Оба были вынуждены снять дачи в другом месте, вследствие чего они понесли убыток. Неужели же один из них пользуется правовой защитой, а другому в такой защите будет отказано только потому, что он не обязался платить за пользование комнатой. Полагаем, что такое решение вопроса не мирится с принципом советского социалистического гражданского права. При решении этого вопроса нельзя исходить лишь из меркантильных соображений. Во всяком случае эти соображения не могут быть превалирующими.

Высказанное нами положение о том, что момент возмездности переоценивается при решении как принципиальных, так и конкретных вопросов, проиллюстрировано нами на ряде примеров. Количество этих примеров можно было бы умножить. Литература по советскому гражданскому праву дает нам для этого достаточно материала.

¹ Отдельные виды обязательств, М., 1954, стр. 207.

Все это является отчасти результатом недостаточно критического восприятия наследия из буржуазной теории гражданского права; отчасти сказывается сила традиции в гражданском праве; наконец, сказывается и недостаточная ясность самих понятий возмездности и безвозмездности, не исследованных в теории советского гражданского права.

Отметим еще, что особый подход к безвозмездным отношениям заметен в советской литературе не только при решении общетеоретических вопросов и конкретных вопросов — узкоспециальных. Такой подход заметен даже при истолковании правовых явлений, представляющих лишь исторический интерес. Проследим это на таком примере: известно, что первоначальная редакция ст. 138 ГК РСФСР допускала дарение на сумму до 10 тыс. рублей, а дарения, совершенные на сумму свыше 10 тыс. рублей, признавались недействительными. Совершенно очевидно, что ограничение возможности совершения дарения находится в прямой и тесной связи с ограничением, в тот период, права наследования. Между тем, в книге по истории советского гражданского права ограничение суммы дарения совершенно неожиданно находит такое объяснение: «Основанием для ограничения дарений служит то соображение, что дарение, как правило, не принадлежит к числу сделок, которые могут способствовать развитию производительных сил страны (ст. 4 ГК); с другой стороны, в безвозмездной уступке имущества трудно в большинстве случаев усмотреть пользование имуществом (со стороны дарителя), соответствующее социально-хозяйственному назначению имущества (ст. 1 ГК).

Безвозмездный переход имущества не только не нужен для хозяйственной жизни, он может даже сбивать все планы, все перспективы»¹. Мы не станем подробно опровергать все сказанное выше о безвозмездных уступках имущества. Ограничимся лишь одним замечанием. Если дарение действительно таит в себе такие опасности, в особенности опасность срыва планов, то чем же объяснить, что именно в тот момент, когда плановое начало стало проникать во все поры хозяйственной жизни страны и когда были созданы реальные предпосылки для перспективного планирования, законодатель отменил всякое ограничение дарения независимо от суммы?

Мы стремились показать, что неправильное представление о возмездности и безвозмездности, о месте и значении этих понятий в советском социалистическом гражданском праве ведет к неправильным, с нашей точки зрения, общетеоретическим позициям и неточным юридическим конструкциям по

¹ История Советского гражданского права. М., 1949 г., стр. 231—232.

отдельным конкретным вопросам гражданского права и даже к неправильному истолкованию исторических явлений. Вместе с тем мы стремились наиболее полно охарактеризовать признаки исследуемых нами понятий — возмездности и безвозмездности в соответствии с их содержанием и юридической формой.

Статья поступила в редакцию в 1957 году.

ЗНАЧЕНИЕ РУКОВОДЯЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

На основании ст. 9 Положения о Верховном суде СССР, утвержденного шестой сессией Верховного Совета СССР четвертого созыва 12 февраля 1957 г., Пленум Верховного Суда СССР «рассматривает материалы обобщения судебной практики и судебной статистики и дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел».

До принятия этого Закона действовала ст. 75 Закона от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик», согласно которой Пленуму Верховного Суда СССР предоставлялось право давать «руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР судебным делам». Кроме того, на основании ст. 7 Положения о Народном Комиссариате юстиции СССР Министерство Юстиции СССР, ныне упраздненное, могло ставить перед Пленумом Верховного Суда СССР вопрос о необходимости дать судам руководящие указания в порядке ст. 75 Закона о судостроительстве. Изучение постановлений Пленума Верховного Суда СССР показывает, что Пленум давал иногда руководящие указания и по другим основаниям, например, «в связи с поступающими запросами» или «в виду поступающих с мест вопросов» (см., например, постановление Пленума от 11 октября 1941 г. о прекращении дел о взыскании административных штрафов с лиц, призванных в Красную Армию)¹ или на основании сообщений ведомств (см., например, постановление Пленума от 14 августа 1935 г. о подсудности исков, предъявляемых железными дорогами, изданное на основании полученного от НКПС сообщения)².

Вопрос о значении руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР, при действии ст. 75 Закона о судострой-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг., стр. 238.

² Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг., стр. 173.

стве привлекал большое внимание советской юридической литературы и являлся дискуссионным, но преобладающая точка зрения сводилась к тому, что за руководящими указаниями Пленума Верховного Суда СССР признавалось значение нормативных актов, имеющих обязательную силу для всех судов¹.

По мнению В. И. Каминской руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР представляют по своему содержанию «главным образом» толкование закона и по своему значению «являются нормами права». Хотя из формулировки В. И. Каминской не совсем ясно, какое еще содержание имеют руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР, кроме толкования законов, которыми, по выражению автора, руководящие указания занимаются «главным образом», но нормативное значение их у автора не вызывало сомнений, причем автор подчеркивал подзаконный характер этих руководящих указаний. «Наличие таких, подчиненных закону, норм права — правильно замечает автор — служит одним из необходимых условий обеспечения правильного применения законов, а, следовательно, и обеспечение законности»¹.

Но спор шел главным образом по вопросу о том, являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права. По мнению П. Е. Орловского руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР — и только они — представляют судебную практику. Придавая такое узкое значение понятию судебной практики, П. Е. Орловский вместе с тем считал, что руководящие указания являются источником права². Также и М. М. Исаев признавал правотворческое значение за руководящими указаниями Пленума Верховного Суда СССР, как источником советского уголовного права³. Такой же точки зрения придерживались: М. Д. Шаргородский, который считал, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР, даваемые не по конкретным делам, а по общим вопросам, имеют для судов обязательное значение и являются, таким образом, источником права⁴ и С. Ф. Кечекьян, по мнению которого «руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР, производимое им обоб-

¹ В. И. Каминская. Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права, «Советское государство и право», 1948 г., № 6; см. также статью «О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР» в журнале «Советское государство и право», 1956 г., № 8; подводящую итоги дискуссии, вызванной статьей И. С. Тишкевича, опубликованной в № 6 того же журнала за 1956 г.

² П. Орловский. Значение судебной практики, «Советское государство и право», 1940 г., № 8—9, стр. 96.

³ М. М. Исаев. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР, как источник советского уголовного права, «Ученые записки» ВЮОН, вып. V, 1947 г.

⁴ М. Д. Шаргородский. Уголовный закон 1948 г., ст. 41—42.

шение судебной практики восполняет действующее право» и «в этом смысле судебная практика играет роль источника права в Советском государстве¹.

Таким образом, все указанные авторы признавали руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права в том смысле, что эти руководящие указания могут создавать правовые нормы, служить одной из форм правотворчества.

Однако не все были согласны с этим. Так, например, профессор Пионтковский не соглашался с профессором Исаевым и считал, что в задачу Пленума Верховного Суда СССР входит лишь толкование закона, конкретизация правовых норм, а не правотворчество, хотя тут же признавал, что «судебная практика творит новые нормы», но «лишь в виде исключения². Отрицали всякое нормативное значение руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР авторы учебника теории государства и права изд. 1940 г., которые утверждали, что эти руководящие указания только «суммируют» наиболее типичные ошибки судов и указывают им, каким образом следует предотвратить эти ошибки в будущем³. Но эта точка зрения не получила поддержки в литературе. Нельзя сводить задачи Пленума Верховного Суда СССР только к исправлению ошибок судебных органов. Для этого не было никаких оснований ни в тексте закона ни в фактической деятельности Верховного Суда СССР.

Необходимо однако отметить, что в одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховный Суд СССР сам высказался, в том смысле, что «постановления Пленума Верховного Суда СССР не создают какие-либо нормы в области гражданского права»⁴. Но в этом деле перед Судебной коллегией возник только следующий частный во-

¹ С. Ф. Кечекьян. О понятии источника права, «Ученые труды юридического факультета Московского госуниверситета», 1946 г., стр. 19. Так же, С. Кечекьян. Социалистическое право и его источники, «Труды юбилейной сессии Академии общественных наук», стр. 181. В учебнике теории государства и права, изд. 1949 г., автор менее категоричен, но все же признает, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР «в ряде случаев устанавливают положения, которые прямо в законе не выражены, но из него вытекают» (стр. 386). Наконец, в учебном пособии «Теория государства и права», изд. 1955 г. автор совсем обходит вопрос, ограничиваясь указанием, что Пленум Верховного Суда СССР в своих постановлениях раскрывает содержание закона и обеспечивает его применение (стр. 362).

² См. «Социалистическая законность», 1946 г., № 9, стр. 21, доклад проф. Исаева на тему «Судебная практика Верховного Суда как источник советского уголовного права».

³ С. А. Голунский и М. С. Строгович. Теория государства и права, 1940 г., стр. 185.

⁴ Сборник постановлений Верховного Суда СССР за 1942 г., стр. 239. Определение № 836 1942 г. по иску Абдулаева к Скоровой.

прос: имеют ли обратную силу постановления Пленума Верховного Суда СССР, разъясняющие закон. И на этот вопрос Судебная коллегия дала правильный ответ: поскольку руководящие указания о надлежащем применении судами действующего законодательства даются в разъяснение уже действующего закона, они имеют обратную силу, т. е. распространяются и на споры, возникшие до издания этих руководящих указаний. Но обратную силу имеют и другие нормативные акты, представляющие собой обязательное толкование.

Наконец, незадолго до издания нового Положения о Верховном Суде СССР снова возникла дискуссия по вопросу о значении руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР. И. С. Тишкевич, признавая, что Пленум Верховного Суда СССР «фактически создавал иногда новые нормы права», считает, что в этих случаях Пленум «выходил за пределы прав, предоставленных ему ст. 75 Закона о судостроительстве»¹, категорически отрицает всякое правотворческое значение за руководящими указаниями Пленума Верховного Суда СССР и утверждает, что «судебная практика, в том числе и руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР, не является и не может являться, согласно действующему законодательству источником права»². Таким образом, И. С. Тишкевич отождествляет судебную практику и руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР.

Однако выдвинутые И. С. Тишкевичем положения встретили довольно дружную оппозицию со стороны целого ряда авторов (М. Е. Ходунов, Н. Г. Юркевич, Е. А. Матвиенко, В. П. Воложанин, В. А. Кикоть), мнения которых приведены в редакционной статье, опубликованной в том же журнале³. Эти мнения сводятся к тому, что руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР — подзаконные нормативные акты по вопросам судебной практики, разъясняющие и исполняющие действующее законодательство, в отличие от судебных постановлений по конкретным делам, и носят общий характер, не только разъясняют закон, но и дают указания по вопросам, которые не регламентированы действующим законодательством или по которым нормы права устарели.

Приблизительно в то же время этот вопрос был затронут в статье П. Е. Недбайло «О толковании советских законов». П. Е. Недбайло считает, что акты официального толкования законов (к этим актам он по-видимому относит и руководя-

¹ И. С. Тишкевич. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права, «Советское государство и право», 1955 г., № 6, стр. 29.

² Там же, стр. 36.

³ О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР, «Советское государство и право», 1956 г., № 8.

щие указания Пленума Верховного Суда СССР) не являются нормотворческими актами, но имеют нормативное значение в смысле их общеобязательности¹.

Подводя итоги этой новой дискуссии, редакционная статья приходит к выводу, что руководящие указания, по крайней мере в настоящее время, являются источником права не только потому, что в них содержится официальное нормативное толкование законов и иных нормативных актов, но и потому, что в некоторых из них содержатся новые нормы права. Вместе с тем в статье этой высказывается предположение, что в будущем, с осуществлением ведущихся сейчас кодификационных работ, необходимость издания таких руководящих указаний уменьшится².

Но теперь, в связи с изданием Положения о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 г. и отменой ст. 75 Закона о судостроительстве, этот вопрос требует нового обсуждения. Возникает вопрос: соответствует ли сложившаяся практика новому закону? В чем разница между ст. 75 Закона о судостроительстве и ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР.

Припомним прежде всего, что действовавшее до издания Закона о судостроительстве от 16 августа 1938 г. Положение о Верховном Суде СССР от 24 июня 1929 г.³ относило к ведению Верховного Суда СССР дачу верховным судам союзных республик «руководящих разъяснений и толкований» общесоюзного законодательства по вопросам, возникающим в их судебной практике, между тем как ст. 75 Закона о судостроительстве предоставляла Пленуму Верховного Суда СССР право давать «руководящие указания» по вопросам судебной практики.

Поэтому необходимо проанализировать фактическую деятельность Пленума Верховного Суда СССР при действии прежних законов и рассмотреть, может ли Пленум Верховного Суда СССР в настоящее время выполнять все те функции, которые он выполнял в этой своей деятельности по обобщению судебной практики прежде.

1. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР представляют собою прежде всего разъяснение действующего законодательства с целью его единообразного понимания и применения. Разъяснения, исходящие от Пленума Верховного Суда СССР, отличаются от судебного толкования тем, что они обязательны для всех судов и, следовательно

¹ Н. Е. Недбайло. О толковании советских законов. «Доклады и сообщения» Львовского государственного университета, вып. VII, ч. II, 1957 г.

² О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР, «Советское государство и право», 1956 г., № 8, стр. 21.

³ СЗ 1929 г., № 50, ст. 445.

являются нормативными актами. Нельзя не согласиться с цитированной выше редакционной статьей журнала «Советское государство и право», что руководящие указания (разъяснения) Пленума Верховного Суда СССР содержат общие положения¹ и обязательны для всех судов. Но неправильно было бы утверждать, что они обязательны только для судов, как это утверждает И. С. Тишкевич. Они обязательны для всех участников процесса и следовательно все граждане и социалистические организации, которые могут быть участниками процесса, должны ими руководствоваться в своей деятельности. Конечно, разъяснения, исходящие от Пленума Верховного Суда СССР, являются обязательными, имеют силу официального толкования. Но термин «толкование» и Конституция СССР (ст. 49), и новое Положение о Верховном Суде СССР (ст. 9, п. «г») относят только к толкованию, исходящему от Президиума Верховного Совета СССР. Толкование, исходящее от Президиума Верховного Совета СССР, в отличие от всякого другого толкования, является аутентическим толкованием². Не вызывает сомнений, что толкование, исходящее от Президиума Верховного Совета СССР, по своей силе выше разъяснения, исходящего от Пленума Верховного Суда СССР. Президиум Верховного Совета СССР может отменить разъяснение Пленума Верховного Суда СССР или, признав это разъяснение неправильным, предложить Верховному Суду его отменить. Так это и было в одном, например, случае. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1941 г. было признано неправильным постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 марта того же года о том, что несовершеннолетние подлежат судебной ответственности по закону от 7 апреля 1935 г. только в тех случаях, когда они совершили преступление умышленно³. Но толкование, исходящее от Президиума Верховного Совета СССР — явление редкое.

Таким образом, основная и главная функция руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР состояла в издании нормативных актов, направленных на разъяснения законов с целью их единообразного понимания и применения всеми судами.

¹ «Советское государство и право», 1956 г., № 8, стр. 16.

² Слово аутентический (от греческого слова *authentikos* — сам от себя исходящий) должно относиться собственно говоря к толкованию, исходящему от того органа, который издал правовую норму. Но по ст. 49 Конституции СССР высший законодательный орган СССР делегирует право толкования своих законов Президиуму Верховного Совета и в этом смысле толкование, исходящее от Президиума Верховного Совета СССР, можно назвать аутентическим.

³ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938—1944 гг., стр. 231.

Сохранится ли на будущее время эта функция Пленума Верховного Суда СССР? Положительный ответ на этот вопрос не может вызвать сомнений. Как бы ни было совершенно наше законодательство, потребность в разъяснении законов, основанном на обобщении судебной практики, всегда будет возникать. Может только возникнуть вопрос об источниках для такого обобщения. Если раньше таким источником были дела, поступавшие непосредственно в Верховный Суд, то теперь материалом для этого обобщения могут быть, кроме определений и постановлений Верховного Суда СССР по делам, поступающим на его разрешение в соответствии с пп. «а» и «б» ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР, данные статистики по уголовным и гражданским делам. Затем это обобщение должно пойти по линии изучения судебной практики Верховных судов союзных республик. Такое обобщение может быть подготовлено по инициативе самих Верховных судов союзных республик или по поручению Верховного Суда СССР. Не исключается возможность и выезда членов Верховного Суда СССР на места для ознакомления с деятельностью судов в союзных республиках и даже истребование дел для этой цели в Верховный Суд СССР. На эти источники указывает Председатель Верховного Суда СССР¹.

Но огромное значение таких обобщающих практику разъяснений для укрепления социалистической законности и единообразного применения советских законов с учетом, конечно, законодательства союзных республик, как этого требует ст. 5 Положения о Верховном Суде СССР, едва ли кто будет оспаривать.

Следует однако отметить, что разъяснения действующего законодательства по вопросам судебной практики дают иногда Министерства юстиции союзных республик. Давало такие разъяснения и Министерство юстиции СССР. Между тем Положения о Министерствах юстиции такого права им не предоставляет. Положение о Народном Комиссариате юстиции РСФСР предусматривает, что Наркомюст РСФСР может просить Наркомюст СССР войти с представлением в Пленум Верховного Суда СССР о даче соответствующих руководящих разъяснений. В связи с упразднением Министерства юстиции СССР следовало бы предоставить Министерством юстиции союзных республик ставить перед Верховным Судом СССР вопрос о даче руководящих разъяснений по вопросам, возникающим в судебной практике. Как указывает Председатель Верховного Суда СССР, издание руководящих разъяснений может иметь место и на основании запросов со сто-

---

¹ А. Горкин. Новое положение и задачи Верховного Суда СССР; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1957 г., № 2, стр. 9.

роны судебных органов и прокуратуры о правильности применения того или иного закона в судебной практике¹.

2. Однако значение руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР не исчерпывалось только этой функцией. Осуществляя руководство судебной практикой, Пленум Верховного Суда СССР давал также и такие руководящие указания, которые восполняли пробелы в законодательстве. Так, например, в нашем законодательстве нет правил, определяющих порядок применения законов союзных республик в случаях их расхождения. Этот пробел был восполнен Постановлением Верховного Суда СССР от 10 февраля 1931 г. «О порядке применения различных по содержанию законов союзных республик». В целях устранения разнобоя судебной практики и «создания твердого правила о порядке применения различных по содержанию законов отдельных союзных республик, регулирующих имущественные отношения», 32-й Пленум Верховного Суда СССР разработал правовые нормы, восполняющие этот пробел. Восполнило пробел в гражданско-процессуальном законодательстве постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1945 г. «О порядке установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных и имущественных прав граждан» (ныне замененное постановлением Пленума от 7 мая 1954 г.). В постановлении Пленума от 29 июня 1945 г. прямо указывалось, что оно издано в связи с тем, что в гражданских процессуальных кодексах союзных республик (за исключением ГПК УССР, Груз. ССР и Молд. ССР) нет прямых указаний по этому вопросу.

Пленум Верховного Суда СССР часто мотивировал свои указания тем, что в судах нет единого порядка в разрешении определенного вопроса, причем отмечал, что такая разнообразная практика вызывается *отсутствием в законе прямых указаний по этому вопросу*. Так, например, постановление Пленума от 15 апреля 1943 г. начинается указанием, что в судах нет единого порядка вынесения определений в подготовительных (распорядительных) заседаниях первой инстанции, и что это вызывается отсутствием в УПК союзных республик соответствующих правил. Следует ли считать такую деятельность Пленума Верховного Суда СССР неправомерной и выходящей за пределы предоставленных ему прав, как это утверждает И. С. Тишкевич и некоторые другие? Против этого утверждения можно было выставить соображение, что она была правомерной при действии ст. 75 Закона о судостроительстве, которая предоставляла Пленуму право давать руководящие «указания», но вместе с тем признать, что она не будет

¹ А. Горкин. Новое положение и задачи Верховного Суда СССР, «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1957 г., № 2, стр. 9.

правомерной теперь, когда Положение о Верховном Суде СССР говорит о руководящих «разъяснениях». Но ведь целый ряд таких постановлений был издан Пленумом Верховного Суда СССР еще до издания Закона о судоустройстве при действии Положения о Верховном Суде СССР от 24 июля 1929 г.¹, при действии Положения о Верховном Суде СССР от 23 ноября 1923 г.², которые указывали, что к компетенции Верховного Суда СССР относится дача верховным судам союзных республик «руководящих разъяснений и толкований» общесоюзного законодательства.

Очевидно такие указания вызывались настоятельной потребностью в восполнении пробелов законодательства. Теперь, с оживлением законодательной деятельности Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик, с широкой кодификационной работой, развернувшейся в союзных республиках и с предоставлением права законодательной инициативы Верховному Суду СССР (ст. 1 Положения о Верховном Суде СССР) открывается более широкая возможность заполнения этих пробелов. Такие обширные нормативные акты, как упомянутое постановление 32-го Пленума Верховного Суда СССР или Постановление Пленума от 7 мая 1954 г., изданные *при полном отсутствии закона*, регулирующего данные отношения и *вместо* недостающего закона, будут заменены соответствующими правилами в «Основах гражданского законодательства СССР» или в будущих гражданских процессуальных кодексах союзных республик. Но ст. 9 п. «в» предоставляет Пленуму Верховного Суда СССР давать руководящие разъяснения по вопросам *применения* законодательства. А применение законодательства допускается у нас и по аналогии (ст. 4 ГПК РСФСР, ст. 6 ГПК УССР). Следовательно, Пленум Верховного Суда СССР может давать судам разъяснения, как восполнять посредством аналогии недостаток узаконений. Как правильно указывает упомянутая выше редакционная статья журнала «Советское государство и право», эти руководящие указания могут и должны служить богатейшим материалом, опираясь на который законодатель сможет в процессе ведущихся сейчас кодификационных работ урегулировать законом предусмотренные руководящими указаниями и связанные с ними отношения»³.

Поэтому и в новых условиях потребность в разъяснениях, восполняющих пробелы в законодательстве, *при неполноте существующего закона*, будет возникать снова и снова. Законодательство не может с достаточной быстротой откликаться на все вопросы, возникающие в практике коммунистического

¹ СЗ 1929 г., № 50, ст. 445.

² СЗ 1924 г., № 19, ст. 183.

³ «Советское государство и право», 1957 г., № 1, стр. 21.

строительства. Как правильно отмечает И. Л. Брауде¹, не признавая беспробельности в праве, советское законодательство вместе с тем не устанавливает, что пробелы в законе могут быть восполнены только законодательным актом. Деятельность Верховного Суда СССР после издания нового Положения о Верховном Суде СССР подтверждает потребность в восполнении пробелов посредством руководящих разъяснений. Так, например, в гражданских кодексах союзных республик не указано, в какое время и в каком месте открывается наследство. Опираясь на судебную практику, Пленум Верховного Суда СССР дал руководящее разъяснение от 10 апреля 1957 г., которое восполняет этот пробел².

Ссылка на ст. 112 Конституции СССР здесь не при чем. Независимость судей и подчинение их только закону обозначает, что суды гарантированы от вмешательства в отправление правосудия всяких посторонних влияний, должны строго соблюдать социалистическую законность и не могут решать дела по произволу. Неправосудный приговор или неправосудное решение встретят самый решительный отпор как со стороны вышестоящих судебных органов, так и советской общественности. Эта гарантия правосудия и записана в Конституции.

В этом смысле нужно понимать ст. 112 Конституции СССР. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, восполняющие пробелы законодательства, должны быть строго подзаконны, не могут противоречить советскому законодательству и общим началам политики Советского государства.

3. Постановления Пленума Верховного Суда СССР содержали иногда инструктивный материал, обращенный к судебным органам, определенные предписания, например, о рассмотрении определенной категории дел в указанные в этих постановлениях короткие сроки. Так, например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 декабря 1937 г. «О практике судебных органов по гражданским трудовым делам» (ныне утратившие силу) предписывало наиболее показательные дела рассматривать на предприятиях и учреждениях; постановление Пленума от 31 декабря 1938 г. предписывало судам рассматривать жалобы и протесты по трудовым делам в срок не более пяти дней с момента поступления дела³. Примером такого предписания является также постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 апреля 1948 г. об ускорении рас-

¹ И. Л. Брауде. Вопросы законодательной техники, «Советское государство и право», 1957 г., № 8, стр. 55.

² Постановление № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 10 апреля 1957 г. «О судебной практике по делам о наследовании», Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957 г., № 2, стр. 24.

³ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, 1941 г., стр. 86—88.

смотрения гражданских дел в судах. Такие предписания рассматривались как обязательные для всех судов и представляли собою инструктивный материал, приближающийся по своему характеру к приказам и инструкциям, издаваемым органами государственного управления в пределах их компетенции (ст. 73 Конституция СССР).

Но Верховный Суд СССР не является органом управления. Такого рода вопросы не относятся к компетенции Верховного Суда. Приведенные выше предписания утратили силу и не воспроизведены в Сборнике действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг. Эти вопросы отчасти разрешены в законодательном порядке. Например, ст. 53-а ГПК РСФСР устанавливает, что трудовые дела должны рассматриваться не позднее пяти дней со дня их поступления, а ст. 53-б того же ГПК указывает, в течение какого срока должны быть рассмотрены судом алиментные дела. Но и другие вопросы, касающиеся организации и улучшения работы судов входят в компетенцию Министерства юстиции (см., например, ст. 7 п. «г» Положения о Народном Комиссариате юстиции РСФСР)¹.

Поэтому следует прийти к заключению, что издание такого рода постановлений не входит в компетенцию Пленума Верховного Суда СССР.

Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР даются по вопросам судебной практики и оказывают решающее влияние на судебную практику, они самым тесным образом связаны с судебной практикой.

Между этими двумя формами правообразования существует самая тесная связь. С одной стороны, руководящие разъяснения оказывают решающее влияние на судебную практику, а с другой стороны — они сами вытекают из судебной практики и обобщают положения, выработанные практикой. Так, например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам о причинении вреда» содержит обобщение положений, выработанных судебной практикой. В частности, в этом постановлении нашли свое подтверждение положения о порядке возмещения вреда в случаях «смешанной вины», еще ранее признанные судебной практикой. Однако между руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда и судебной практикой в собственном смысле следует проводить различие, которое заключается в следующем. Постановления Пленума Верховного Суда СССР не являются решениями по конкретному делу, а представляют собой нормативные акты, содержащие правоположения общего характера. Под судебной

¹ СП РСФСР, 1939 г., № 10, ст. 37.

практикой мы понимаем положения, которые складываются на основании решений по конкретным делам, если эти положения применяются настолько однообразно, что в результате можно констатировать наличие определенного правила, применяемого судами. Между тем, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР даются без ссылки на конкретное дело. Поэтому от руководящих разъяснений нужно отличать постановления Пленума Верховного Суда по отдельным делам, рассмотренным в порядке надзора¹. Эти постановления помещаются в сборниках, издаваемых Верховным Судом СССР, в особом разделе, отдельно от руководящих указаний, и являются определениями по конкретным делам, которые имеют, однако, большое значение как исходящие от высшего судебного органа и оказывают влияние на судебную практику.

Но иногда руководящие указания давались и с указанием конкретного дела, в связи с которым они даются. В этом случае, кроме определения по конкретному делу, Пленум Верховного Суда СССР выносил еще дополнительное постановление: довести это определение до сведения судебных органов в качестве руководящего указания. Так, например, рассмотрев 6 января 1944 г. дело Козырева, Пленум, кроме исправления в порядке надзора определения Судебной коллегии Верховного суда по этому делу, постановил указать судам, в каких случаях работник может требовать расторжения трудового договора в судебном порядке и в каких случаях он может обжаловать отказ администрации в расторжении договора в порядке подчиненности².

Таким образом, постановления Пленума Верховного Суда СССР представляют собою нормативные акты, устанавливающие положения общего характера и обязательные для судов. В опубликованных определениях судебных коллегий Верховного Суда СССР встречаются ссылки на постановления Пленума, как на основания для отмены решений, противоречащих этим постановлениям. Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР в своем определении от 30 сентября 1950 г. № 36/1962 по делу Фельдмана отменила решение суда как противоречащее постановлению Пленума Верховного Суда от 29 июня 1945 г. «О порядке судебного установления фактов» и прекратила производство в части установления факта принадлежности дома в порядке особого производства, в соответствии с указанным постановле-

¹ Теперь такие определения Пленума Верховного Суда СССР по конкретным делам, в связи с ограничением надзорных функций, не будут занимать такого места в практике Верховного Суда, как прежде.

² Судебная практика Верховного Суда СССР, 1944 г., вып. III/IX, стр. 15.

нием Пленума. Определением Судебной коллегии по гражданским делам от 24 мая 1952 г. по делу Тарашвили-Бедашвили об установлении факта усыновления отменено решение народного суда, как рассмотренное «с нарушением постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1945 г.». В 1944 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР в своем определении по делу фабрики им. Полторацкого, ссылаясь на ст. 20 Постановления Пленума Верховного Суда от 29 января 1942 г., отменила решение суда, как противоречащее постановлению Пленума¹.

Подобно тому, как всякий другой нормативный акт может быть изменен или отменен более поздним нормативным актом, изданным в том же порядке, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР могут дополняться, изменяться или отменяться последующими руководящими разъяснениями. Так, например, постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1949 г. «О судебной практике по делам о расторжении брака» отменено постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 мая 1948 г. по этому же вопросу. 3 марта 1950 г. Пленум Верховного Суда СССР постановил внести изменения в свое постановление от 29 января 1942 г. «О процессуальных нарушениях по делам, рассматриваемым судами на основании Устава ж. д. СССР и Устава внутреннего водного транспорта». Того же числа Пленум постановил внести изменения в свое постановление от 1 июня 1944 г. о судебной практике по делам, вытекающим из перевозки грузов в смешанном сообщении и т. д. Эти изменения вызываются иногда тем обстоятельством, что изменено законодательство, на основе которого было дано прежнее руководящее указание. Так как руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР представляют собою подзаконные нормативные акты, то само собою разумеется, что с отменой или изменением закона, на основе которого дано руководящее разъяснение, подлежит отмене или изменению и это разъяснение. В этих случаях Пленум Верховного Суда СССР отменяет свои прежние указания как пришедшие в противоречие с действующим законодательством. Но в приведенных выше примерах Пленум Верховного Суда СССР выносил новые постановления, опираясь на законодательство, не подвергнутое изменению, в целях усовершенствования судебной практики. Такой же характер носит и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам», которым были отменены некоторые предшествующие постановления Пленума.

---

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1944 г., вып. III/IX, стр. 15.

Можно привести еще один пример такого руководящего указания Пленума Верховного Суда СССР, которое не было вызвано изменением законодательства. Согласно ст. 405 ГК РСФСР, за вред, причиненный несовершеннолетними, «наряду с несовершеннолетними» (в ст. 405 ГК УССР сказано «вместе с несовершеннолетними») отвечают также родители и опекуны. В 1943 г. Пленум Верховного Суда разъяснил, что в этом случае возмещение вреда присуждается «солидарно» как с несовершеннолетних причинителей вреда, так и с их родителей и опекунов (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г., п. 3). В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 марта 1950 г. «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.», п. 3 этого постановления изложен в новой редакции, причем разъясняется, что в этих случаях ответственность родителей или опекунов (попечителей) является дополнительной, и на имущество этих лиц взыскание может быть обращено лишь при отсутствии у несовершеннолетних имущества, заработка или иных источников дохода, достаточных для возмещения вреда. Вместе с тем было внесено уточнение в постановление Пленума от 10 июня 1943 г., а именно: в этих случаях суды должны привлекать родителей или опекунов в качестве соответчиков не только по просьбе истца (как было сказано в постановлении Пленума от 10 июня 1943 г.), *но и по собственной инициативе*, что соответствует общим принципам советского процесса.

Таким образом, следует признать за руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР значение нормативных актов¹.

Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР завоевали себе прочное место в развитии советского социалистического права. Они отзываются на самые актуальные вопросы судебной практики, содействуют единообразному применению и пониманию советского права, устраняют пробелы, неясности и противоречия, неизбежные в законодательстве и тем самым укрепляют социалистическую законность.

Само собою разумеется, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР являются подзаконными актами. В тех случаях, когда эти руководящие разъяснения дополняют, развивают и совершенствуют положения, выраженные в отдельных законах, они исходят из общих начал советского социалистического права, заложенных в Конституции

---

¹ См. письмо П. Боровицкого (прокурора г. Камышина) в журнале «Социалистическая законность», 1952 г., № 9: «практикам кажется, что самой верной является последняя точка зрения, так как она по существу выражает действительность», пишет Боровицкий, имея в виду мнение проф. Денисова, что эти указания можно рассматривать, как результат нормотворческой деятельности Верховного Суда СССР.

СССР. Пленуму Верховного Суда не предоставлено право проверки советских законов с точки зрения соответствия их Конституции, подвергать сомнению «конституционность» советских законов. Такого рода проверка «конституционности» законов приводит в капиталистических странах к крушению буржуазной законности в интересах монополистического капитала¹.

Конституция СССР 1924 г. возложила на Верховный Суд СССР функцию конституционного надзора, состоявшего в обязанности Верховного Суда наблюдать за соответствием постановлений союзных республик и центральных органов СССР Конституции СССР и общесоюзному законодательству, а также в обязанности давать высшим судебным органам союзных республик руководящие разъяснения и толкования общесоюзных законов.

Но конституционный надзор Верховного Суда СССР ничего общего не имел с так называемым «конституционным» надзором Верховного суда США, который присвоил себе власть объявлять недействующими отдельные законы. Верховный Суд СССР не контролировал деятельность высших органов власти и не имел права самостоятельно отменять постановления органов власти. Верховный Суд мог опротестовать постановление, противоречащее общесоюзному законодательству или интересам другой республики перед Президиумом ЦИК Союза ССР. В 1933 г. функции надзора за законностью перешли к прокуратуре СССР.

Новое Положение о Верховном Суде СССР не только не принижает, а наоборот, поднимает на более высокую ступень руководящую роль в деле единообразного применения законов судебными органами². Руководящие разъяснения Верховного Суда СССР, пишет Заместитель Председателя Верховно-

---

¹ Здесь интересно отметить, что в некоторых конституциях стран народной демократии, освободившихся от капиталистического рабства, специально оговаривается, что судебным органам не предоставляется права проверки «конституционности» законов. Так, например, в конституционном законе Польской республики от 19 февраля 1947 г. было сказано: «Судьи не имеют права судить о действительности законов и декретов, имеющих силу закона, надлежащим образом опубликованных (ст. 24, п. 9). На основании § 65 Конституции Чехословацкой республики, только Президиум Национального Собрания решает вопрос, противоречит ли данный закон конституции. На основании ст. 89 Конституции Германской демократической республики, судьи не имеют права проверять соответствие конституции опубликованным в надлежащем порядке законам. Напротив, в Германской Федеративной Республике создан так называемый «конституционный суд», на правах самостоятельного не подчиненного правительству органа, которому предоставлено право произвольного толкования конституции в интересах правящих реакционных кругов, в том числе с целью преследования Коммунистической партии в Западной Германии.

² А. Горкин. Цит. статья, стр. 5.

го Суда СССР, будут оказывать все возрастающее действительное и плодотворное влияние на судебную практику¹.

Не изменяя по существу советского законодательства (также как не изменяют по существу, но развивают закон и другие подзаконные нормативные акты), руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда дополняют, развивают и обогащают содержание советского социалистического права.

---

¹ Л. Н. Смирнов. Новое Положение о Верховном Суде СССР, «Советское государство и право», 1957 г., стр. 25.

Аспирант И. М. ПОЛУНОВ

О СУЩНОСТИ И ГАРАНТИЯХ ПРАВА НА ТРУД В СССР

1. Понятие права на труд вплоть до возникновения социалистического общества не отражало соответствующей ему действительности. Общественная практика предоставления каждому гражданину гарантированной государственно организованным обществом работы с оплатой труда по его количеству и качеству тогда еще отсутствовала.

Право на труд возникло как мечта прогрессивных мыслителей и общественных деятелей, выступило в ходе исторического развития общества, как лозунг в революционных движениях народных масс и только после победы социализма, как реализованный принцип социализма, как реальное право на труд гражданина социалистического общества.

Требование права на труд в различных исторических условиях развития классового общества имело разное содержание и значение.

Право работать, провозглашенное Тюрго еще в период феодализма, не означало признания за человеком права иметь работу. Тюрго хотел лишь уничтожить препятствия, которые буржуазия встречала в начале своего развития со стороны феодализма¹.

Во время лионских восстаний 1831 и 1834 гг., рабочие выдвинули лозунг: «жить работая или умереть сражаясь». Восстания были подавлены буржуазией, однако в 1848 г. французский пролетариат, «неуклюже» формулируя свои революционные требования, снова боролся под лозунгом «droit au travail»².

«Право на труд французского рабочего половины XIX века выражало пожелание обновить *все* мелкое производство на

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные произведения, ОГИЗ, 1948 г., т. 1, стр. 646.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Госполитиздат, 1948 г., т. 1, стр. 141.

началах кооперации, социализма и проч., а это было *экономически невозможно*»¹.

В требовании «права на труд» русского крестьянина начала XX века, кроме ложной социалистической теории, было реальное буржуазное содержание. Это требование выражало «пожелание обновить мелкое *земледельческое* производство на *национализированной* земле, а это *экономически* вполне возможно»².

Требование права на труд в первой половине XIX столетия являлось изолированным требованием. Оно не содержало и не могло содержать конкретной программы борьбы в силу незрелости капиталистического производства и социалистических теорий.

В дальнейшем рабочий класс, борющийся под руководством Коммунистической партии, выдвигает требование права на труд, как одно из требований в общей программе борьбы с устоями капиталистического общества.

Понимание права на труд в духе научного социализма исходит из того, что для осуществления права на труд необходима отмена капиталистической собственности на средства производства, ликвидация капиталистической системы хозяйства и построение социалистического общества.

В. И. Ленин определил право на труд, как право всех граждан на «*одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее»³.

В социалистическом обществе, строящем коммунизм, трудовые отношения регулируются нормами социалистического права. Отношение между гражданином, обязанным трудиться, и социалистическим государством, обязанным предоставить ему гарантированную работу, лежит в основе понятия права на труд.

Понятие права на труд в СССР отражает реальную действительность страны социализма. Содержание этого понятия определяется в первую очередь тем фактом, что в результате осуществления социалистической революции, впервые в истории классового общества работники производства соединились с орудиями и средствами производства во всенародном масштабе как непосредственные хозяева этих средств производства. Построенный трудящимися СССР под руководством Коммунистической партии в полном соответствии с познанными и научно-используемыми закономерностями развития челове-

¹ В. И. Ленин. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции 1905—1907 гг., Соч., т. 13, стр. 363—364.

² Там же, стр. 364.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 128.

ского общества новый социалистический государственный и общественный строй — дает реальное содержание этому понятию.

Понятие права на труд определено в ст. 118 Конституции СССР, как право граждан СССР на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством.

Получение работы предполагает ее соответствие профессии, специальности и квалификации гражданина и дальнейшее устойчивое осуществление полученной работы в определенном месте, так как труд является источником существования граждан социалистического общества и одновременно основным условием развития самого общества.

Поэтому в содержание понятия права на труд, как права на получение гарантированной работы, следует включить:

а) право на получение гарантированной работы, соответствующей профессии, специальности и квалификации гражданина;

б) право на устойчивое осуществление полученной работы в обусловленном месте по обусловленной профессии, специальности с полным использованием квалификации;

в) право на оплату труда по его количеству и качеству.

В СССР труд является конституционной обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина.

Ст. 12 Конституции СССР подчеркивает и закрепляет новое значение труда в социалистическом обществе. Право на трудовую честь выражает неимущественный интерес в праве на труд. Однако, имущественный и неимущественный интерес в праве на труд неразрывно связаны.

Реализация права на труд, как права на получение гарантированной работы, выражает интерес советского гражданина в получении источника существования с одной стороны и в удовлетворении его нравственной потребности участвовать в общем деле строительства коммунистического общества с другой стороны.

Реализация права на труд, как права на осуществление работы по своей профессии, специальности и квалификации, выражает интерес советского гражданина в максимальной производительности своего труда (и в соответствующей оплате труда), применяемого в производстве в полном соответствии с подготовкой, опытом и знаниями гражданина. Одновременно она выражает нравственную потребность гражданина в творческом раскрытии и росте сил в работе, соответствующей его способности к труду.

«В нашей стране уже сейчас общественный труд стал выра-

жением новых социалистических отношений между людьми, показателем высоких моральных качеств человека»¹.

Неправильное применение администрацией предприятия (учреждения) мер дисциплинарного воздействия или неправильная формулировка записи об увольнении одновременно нарушает как имущественный интерес (лишает права на получение премий, создает затруднения при поступлении на другую работу и т. д.), так и неимущественный интерес, т. е. право гражданина на трудовую честь.

Право на трудовую честь охраняется нормами советского права.

Поэтому в содержание права на труд входит также:

г) право на трудовую честь гражданина.

Включение в содержание понятия права на труд права на устойчивое осуществление полученной работы по обусловленной профессии, специальности с полным использованием квалификации может встретить возражения, — будто в данном случае допущено смешение содержания понятия права на труд с содержанием правомочий в конкретном трудовом правоотношении. Право на труд, по мнению цивилистов, есть общая, абстрактная категория, есть элемент правоспособности граждан и т. п.

Разрешение вопроса о содержании понятия права на труд поэтому связано с определением сущности права на труд. Последний вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В зависимости от его разрешения, в частности, определяются способы и пределы защиты права на труд от его нарушения.

В юридической литературе этот вопрос недостаточно разработан. Подавляющее большинство юристов полагает, что право на труд есть элемент правоспособности граждан СССР. Различие между сторонниками этой точки зрения заключается лишь в том, что одни не проводят четкого различия между гражданской правоспособностью и правоспособностью граждан². Другие относят право на труд к содержанию «общей» правоспособности граждан в качестве ее «элемента»³. Третьи рассматривают право на труд как «элемент трудовой право-

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, Госполитиздат, 1959 г., стр. 87.

² М. С. Строгович. Учебник теории государства и права, Госюриздат, 1949 г., стр. 404.

³ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950 г., стр. 13, 33.

³ Н. Г. Александров. Трудовое правоотношение, Юриздат Министерства юстиции СССР, 1948 г., стр. 177.

субъектности», разумея под этим термином трудовую правоспособность¹.

С определением права на труд как «элемента общей правоспособности» нельзя согласиться. Понятие «общей» правоспособности не раскрывает существа основных прав граждан (к числу которых относится право на труд), так же как, например, право на образование нельзя свести к понятию правоспособности.

Не обосновывает утверждений сторонников приведенной точки зрения и конструкция Н. Г. Александрова. Он считает, что в Конституции СССР закреплены основные «элементы» социалистической правоспособности граждан, характеризующие правовое положение советского гражданина в экономической, политической и культурной жизни страны. Право на труд в указанной конструкции Н. Г. Александров относит к числу «элементов» экономического статуса советского гражданина².

Понятие «элементов» правоспособности является неопределенным. Если правоспособность — есть признанная законом способность быть носителем прав и обязанностей, то никаких особых «элементов» у нее быть не может.

По тем же соображениям нельзя согласиться с Н. Г. Юркевичем. Он классифицирует «права — элементы правоспособности советских граждан», выделяя в них три группы: политические, социально-экономические и гражданские. Право на труд он относит к социально-экономическим правам³.

Особый интерес вызывает мнение А. В. Венедиктова, решающего вопрос о праве на труд в свете проблемы общей и отраслевой правосубъектности⁴.

Общая правосубъектность определяется А. В. Венедиктовым, как признаваемая законом способность советских людей быть носителями прав и обязанностей в различных сферах правоотношений. Отраслевая правосубъектность определяется как способность гражданина быть носителем прав и обязанностей в определенной области правоотношений (например, трудовых). Право на труд, по мнению А. В. Венедиктова, представляет собой элемент трудовой правосубъектности.

---

¹ А. В. Венедиктов. О субъектах социалистических правоотношений «Советское государство и право», 1955 г., № 6, стр. 20—22.

² Н. Г. Александров. Трудовое правоотношение, Юриздат, 1948 г., стр. 199.

³ Н. Г. Юркевич. Автореферат кандидатской диссертации «Правоспособность гражданина СССР по советскому гражданскому праву», Минск, 1955 г., стр. 9.

⁴ А. В. Венедиктов. О субъектах социалистических правоотношений, «Советское государство и право», 1944 г., № 6, стр. 17—23.

С таким определением природы права на труд нельзя согласиться по следующим соображениям.

Ранее А. В. Венедиктов рассматривал (наряду с другими юристами)¹ понятие правосубъектности и правоспособности как равнозначные понятия². В настоящее время он признает равнозначность этих понятий лишь в применении к тем отраслям или отдельным институтам советского права, для которых закон устанавливает различные предпосылки (условия) правоспособности и дееспособности (например, в гражданском праве). В применении же к тем отраслям и институтам, для которых закон устанавливает одинаковые предпосылки, условия (например, в трудовом праве), — правоспособность и дееспособность представляют собой единый институт (правосубъектность). Поэтому, вместо термина «трудовая правоспособность» (примененного Н. Г. Александровым — И. П.), он рекомендует термин «трудовая правосубъектность».

Поскольку А. В. Венедиктов расшифровывает право на труд как «элемент трудовой правосубъектности», следует, вслед за ним, прийти к тому выводу, что право на труд есть элемент трудовой правоспособности (что с нашей точки зрения является неправильным).

Поэтому возражения, выдвинутые против определения права на труд, как «элемента правоспособности», полностью сохраняют свою силу и при определении права на труд как «элемента трудовой правосубъектности».

Вопрос о праве на труд следует разрешать исходя из значения труда в социалистическом обществе и сущности права на труд как коренного из основных прав гражданина.

Труд—есть «...первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»³. Однако, «...политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде»⁴.

В отличие от общественных отношений, составляющих необходимые предпосылки труда (отношений собственности и т. п.) общественные отношения, возникающие между людьми непосредственно по поводу приведения в действие способности

¹ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950 г., стр. 6.

² А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, изд. АН СССР, 1948 г., стр. 615.

³ Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1950 г., стр. 132.

⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 6, стр. 236.

к труду, выделяются как трудовые отношения, как одно из звеньев производственных отношений¹.

Обусловленные действием основного экономического закона социализма и активной ролью социалистического государства и права, трудовые отношения в Советском социалистическом государстве складываются и осуществляются на основе принципов социалистической организации труда.

Выполнение трудовых обязанностей составляет не только морально-политический долг советского гражданина, но и его правовую обязанность. Выполнение ее обеспечивается методами государственно-правового воздействия, закрепленными в правовых нормах. Однако, обязанность трудиться не означает правового принуждения к труду.

Предпосылкой для выполнения обязанности трудиться является право на труд, закрепленное в ст. 118 Конституции СССР.

Специфика права на труд, как основного права гражданина СССР, характеризуется диалектической связью этого права с обязанностью гражданина трудиться и с обязанностью государства предоставить ему работу.

В диалектической взаимосвязи права на труд (личного интереса) и обязанности трудиться (общественного интереса) определяющим является обязанность гражданина трудиться по способности. Это отражает принцип сочетания в социалистическом обществе личных и общественных интересов при подчинении личных интересов общественным интересам.

Из сопоставления ст. 12 и ст. 118 Конституции СССР следует, что право на труд шире обязанности трудиться². Обязанность трудиться установлена лишь в отношении трудоспособных граждан, между тем как право на труд предоставлено всем гражданам без исключения. Это соответствует новому значению труда в социалистическом обществе, как делу чести и отражает действительность социалистического общества, идущего к коммунизму. В нем трудовая инициатива и активность масс имеет исключительное значение, а сам процесс труда превратился в средство развития личности и воспитания коммунистического отношения к труду. Советские люди, даже освобожденные по закону от обязанности трудиться, в силу наличия определенных условий (инвалидности и т. п.), стремятся добровольно продолжать творческую работу по строительству нового общества. Если такие лица пожелают осуществлять свое право на труд — государство обязано предоста-

¹ Н. Г. Александров. Трудовое правоотношение, Юриздат, МЮ СССР, 1948 г., стр. 6—7.

² А. Е. Пашерстник. Право на труд, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 30.

вить также и им гарантированную работу по их способности к труду¹.

Специфика права на труд определяется также взаимосвязью права на труд с обязанностью социалистического государства предоставить каждому гражданину гарантированную работу по способности гражданина к труду. Право на труд есть, в первую очередь, право на получение гарантированной работы. Этому праву соответствует обязанность государственно организованного общества предоставить работу в предприятиях, учреждениях, организациях, в которых возникает в этом потребность.

Все отмеченное определяет сущность и значение права на труд как коренного из основных прав советского гражданина, как нового права, возникшего только в результате построения социалистического общества.

Отсюда — особое значение права на труд.

Право на труд не является общей юридической возможностью или способностью иметь трудовые права и обязанности (т. е. оно не является правоспособностью или ее «элементом» или правосубъектностью и т. п.).

Право на труд является новым, реальным, субъективным правом советского гражданина, его правом на работу, которую он обязан выполнять и которую поэтому государство обязано ему гарантировать.

Право на труд осуществляется путем вступления гражданина в трудовые отношения. Для этого гражданин должен обладать трудовой правоспособностью, т. е. способностью иметь и осуществлять трудовые права и обязанности².

Трудовая правоспособность по существу есть разновидность гражданской правоспособности и дееспособности. Понятие гражданской правоспособности лежит в основе понятия субъективных прав как правомочий, возникающих из гражданских правоотношений. Однако, право на труд к числу таких прав не относится (право на труд — не гражданское право).

Сущность права на труд, как субъективного права советского гражданина, состоит в праве гражданина на получение гарантированной государством работы (ст. 118 Конституции СССР), а осуществление права на труд связано с использованием гражданско-правовых категорий правоспособности и дееспособности (правоспособности). Поэтому само право на труд не может быть подменено таким использованием, не

¹ Отсюда, в частности, вытекает то принципиальное положение, что трудоустройство инвалидов в СССР является не актом общественного призрения, а имеет правовое обоснование в самом праве на труд каждого гражданина СССР.

² А. Е. Пашерстник. Право на труд, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 25.

может быть сведено к правоспособности (трудовой правосубъектности) или ее элементам.

В юридической литературе только проф. Е. А. Флейшиц¹ и В. Н. Кудрявцев² ясно определяют право на труд, как субъективное право советского гражданина.

Можно полагать, что Ц. А. Ямпольская также относит право на труд к числу субъективных прав граждан. Подчеркивая особое значение раздела советского административного права о субъективных правах граждан в области государственного управления и об организационно-правовых гарантиях реализации гражданами этих прав — она отмечает, что «...правильная организация деятельности органов советского государственного управления обязательно предполагает такой порядок в деятельности этих органов, при котором создаются максимально благоприятные условия для реализации гражданами их законных прав (право на участие в государственном управлении, право на труд, на отдых и др.)»³.

Поэтому можно прийти к выводу, что Ц. А. Ямпольская проводит грань между самим правом на труд и осуществлением этого права, а также относит право на труд к числу субъективных прав граждан, реализация которых (прав) обеспечивается соответствующими организационно-правовыми гарантиями.

П. М. Карпушин, обосновывая тезис о том, что правоспособность является особым правовым отношением, исходит из того, что конституционные права граждан СССР являются субъективными правами⁴.

Однако в юридической литературе признание права на труд субъективным правом советского гражданина является исключением.

С. Н. Братусь пришел к тому выводу, что право на труд, реализация которого порождает субъективные права у соответствующих лиц, само субъективным правом не является, но есть элемент правоспособности советского гражданина⁵. В своем утверждении С. Н. Братусь исходил из того, что пра-

¹ См. рецензию Е. А. Флейшиц на работу С. Н. Братуся «Юридические лица в советском гражданском праве», «Социалистическая законность», 1948 г., № 2, стр. 28.

² В. Н. Кудрявцев. Юридическая природа и сущность основных прав гражданина СССР, Сборник научных работ слушателей юридической Академии, вып. 1, РИО ВЮА, 1948 г.

³ Ц. А. Ямпольская. О месте административного права в системе советского социалистического права, «Советское государство и право», 1956 г., № 9, стр. 98.

⁴ М. П. Карпушин. Социалистическое трудовое правоотношение, Госюриздат, 1958 г., стр. 77.

⁵ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950 г., стр. 47.

воспособность есть необходимая предпосылка субъективного права, конкретное проявление которой становится содержанием субъективного права¹.

Сущность права на труд, как субъективного права граждан СССР, хотя и отрицаемая Н. Г. Александровым, очевидно заставила его в более ранней работе дать определение сущности правоспособности (к которой он относит право на труд), почти неотделимое от субъективного права. «Правоспособность,— писал Н. Г. Александров,— состоит в том, что ее обладатель, при наличии известных юридических фактов, может требовать известного поведения от других лиц, опираясь на возможную поддержку со стороны государственного аппарата².

Ряд юристов отмечает лишь способ осуществления права на труд, не раскрывая его сущности³. А. Е. Пашерстник, критикуя положение Н. Г. Александрова об ограниченной и специальной трудовой правоспособности, пишет: «автор смешивает здесь трудовую правоспособность, как право на получение работы с вступлением в конкретное трудовое правоотношение, общее с частным»⁴. Отсюда можно было бы сделать вывод, что А. Е. Пашерстник считает право на труд трудовой правоспособностью, так как «право на получение работы» есть право на труд по ст. 118 Конституции СССР. Однако, в другом месте этой же работы он расчленяет и различает эти понятия как отдельные и неравнозначные⁵.

Следует полагать, что признание права на труд элементом правоспособности исходит из традиционного цивилистического определения субъективного права, как правомочия стороны в установленном правоотношении.

Между тем, среди юридических институтов имеются категории прав, существующих безотносительно к установлению конкретных правоотношений. К их числу относятся, например, личные неимущественные права граждан СССР⁶.

¹ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950 г., стр. 6 и 11—13.

² Н. Г. Александров. Юридическая норма и правоотношения, Юриздат, 1947 г., стр. 16.

³ А. С. Краснопольский. Трудовое правоотношение и трудовой договор по советскому праву «Вопросы советского гражданского и трудового права», 1952 г., стр. 124—125; П. Д. Каминская. Понятие трудового договора в советском праве «Вопросы трудового права», изд. АН СССР, 1948 г., стр. 87; Е. И. Филиппов. Право на труд и его защита в советском гражданском процессе, Автореферат кандидатской диссертации, 1953 г.

⁴ А. Е. Пашерстник. Право на труд, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 30.

⁵ А. Е. Пашерстник. Право на труд, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 25.

⁶ А. Е. Флейшиц. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран, 1941 г.

Большинство имеющихся в юридической литературе определений личных неимущественных прав исходит из того, что эти права являются субъективными гражданскими правами, понимаемыми как элементы гражданского правоотношения, возникающего на основе определенных фактов. В противоположность этому, К. Ф. Егоров правильно отмечает, что личные неимущественные права составляют особую категорию прав¹. Их наличие обусловлено новым значением личного труда в социалистическом обществе как дела чести и славы. Они имеют совершенно иную юридическую природу, чем субъективные имущественные гражданские права. В отличие от последних они не требуют для своего возникновения фактических составов. Следует полагать, что основные гражданские права, записанные в главе X Конституции (в число которых входит право на труд) — это особая категория прав, отличная от гражданских субъективных прав, понимаемых как правомочия сторон в установленном правоотношении.

Юристы-процессуалисты также могут не согласиться с определением права на труд, как субъективного права, исходя из положения: «нет истинного гражданского субъективного права без присущей ему возможности быть осуществленным в принудительном порядке»².

Возможное их возражение можно сформулировать, примерно, следующим образом. Иск представляет собой обращение к суду о защите определенного субъективного права. Право гражданина требовать предоставления ему работы в предприятии (учреждении), с которым он не состоял в трудовых правоотношениях, путем предъявления иска, законом не предусмотрено. Поэтому, право на труд, как право на получение гарантированной работы, субъективным правом не является.

Приведенное соображение, однако, не может опровергнуть выдвинутого нами положения. Во-первых, право на труд не гражданское право, а основное право гражданина СССР. Во-вторых, хотя разрешая иски граждан суд защищает от нарушений субъективные права граждан, — но субъективные права граждан могут защищаться не только судом. В частности, для защиты права на труд, как права на получение работы, гражданин осуществляет не право на иск, а право на жалобу в соответствующие органы. Право на жалобу это не только право подать жалобу, а право на определенное решение вопроса по жалобе.

Поэтому отсутствие защиты в исковом порядке права на

¹ К. Ф. Егоров. Личные неимущественные права граждан СССР «Вопросы советского права», Ленинград, 1953 г., стр. 139—157.

² М. А. Гурвич. Право на иск, изд. АН СССР, 1949 г., стр. 43.

труд, как права на получение гарантированной работы, не лишает право на труд его сущности — как основного субъективного права гражданина социалистического общества и не превращает его в элемент правоотношения, с одной стороны, или элемент правоспособности — с другой.

Утверждение о том, что право на труд есть субъективное право советского гражданина не может быть опровергнуто ссылкой Н. Г. Александрова¹ на известные слова Маркса: «собственник рабочей силы и собственник денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец, следовательно оба — юридически равные лица»².

Н. Г. Александров приходит к тому выводу, что К. Маркс под словами «юридически равные лица» имел в виду равенство в правоспособности, но не равенство в субъективных правах и обязанностях по трудовому правоотношению. Несответствие правоспособности субъективным трудовым правам, т. е. правомочиям сторон в установленном правоотношении, в условиях буржуазного общества не вызывает сомнений. Нормы буржуазного права затушевывают сущность трудовых отношений как отношений эксплуатации труда капиталом. Однако, последующее обоснование Н. Г. Александровым права на труд, как элемента общей правоспособности, — а трудовых прав, в установленном трудовом правоотношении, как субъективных прав — следует считать неправильным по таким соображениям.

Во-первых, слова Маркса относились к сделке купли-продажи рабочей силы в условиях капиталистического общества. Вывод из этих слов неприменим в отношении трудового договора в СССР, посредством которого гражданин СССР реализует свое право на творческий труд, как строитель нового общества, идущего к коммунизму. Во-вторых, в своих выводах Н. Г. Александров не отделяет понятия права на труд как субъективного права гражданина, от использования гражданско-правовых категорий правоспособности и дееспособности при осуществлении права на труд. Поэтому он вынужден употреблять самый термин «право» не в двух, а в трех смыслах: право, как юридическая норма (право в объективном смысле), право, как элемент правоотношения, (право в субъективном смысле, равнозначашее правомочию в установлен-

¹ Н. Г. Александров. Трудовое правоотношение, Юриздат, 1948 г., стр. 166—167.

² К. Маркс. Капитал, т. 1. Государственное издательство политической литературы, 1951 г., стр. 174.

ном правоотношении) и право, как те или иные элементы правоспособности¹.

Элементом правоспособности Н. Г. Александров и считает право на труд. О неопределенности содержания и научной несостоятельности понятия «элемента» правоспособности мы уже упоминали.

Мы полагаем, что следует различать и разграничивать в отношении права на труд следующие понятия: 1) право на труд (субъективное право гражданина социалистического общества на получение гарантированной работы); 2) праводее-способность (т. е. способность иметь и осуществлять трудовые права и обязанности); 3) правомочия и обязанности гражданина, как стороны в установленном трудовом правоотношении (т. е. его трудовые права и обязанности).

Взаимоотношение права на труд и трудовых прав в установленном трудовом правоотношении может быть определено как диалектическая взаимосвязь общего и отдельного². Право на труд и трудовые права гражданина в отдельных трудовых правоотношениях качественно однородны (поскольку общее существует в отдельном, через отдельное; отдельное есть так или иначе общее) и одновременно дифференцированы.

Единство принципов социалистической организации труда и трудовых отношений в социалистическом обществе претворяется, в результате осуществления норм права, выражающих государственную волю трудящихся социалистического общества, руководимого Коммунистической партией, в единство права на труд членов этого общества и их трудовых прав в установленных трудовых правоотношениях.

С другой стороны, трудовые отношения дифференцируются в зависимости от форм социалистической собственности (государственной и колхозно-кооперативной), с которыми они связаны.

Они образуют два вида отношений: трудовые отношения рабочих и служащих и трудовые отношения членов производственно-кооперативных объединений. Поэтому и нормы, регулирующие эти отношения, также соответственно различаются.

Все это определяет различие субъективного права на труд гражданина (общего) и его трудовых прав (правомочий) в установленных различных трудовых правоотношениях (отдельного).

Признание права на труд субъективным правом советского гражданина связано с вопросом о понятии права.

¹ Н. Г. Александров. Трудовое правоотношение, Юриздат, 1948 г., стр. 194.

² В. И. Ленин. Философские тетради, Госполитиздат, 1947 г., стр. 329.

Полемика И. Е. Фарбера¹ с А. А. Пионтковским² и С. Ф. Кечекьяном³ по вопросу о понятии права исходит из одинакового понимания ими субъективного права, как правомочия субъекта в установленном правоотношении. А. А. Пионтковский полагает, что правоотношения совместно с правовыми нормами образуют право, что понятие права охватывает право в объективном и субъективном смысле. И. Е. Фарбер считает, что к праву следует относить только юридические нормы, создаваемые государством, только право в объективном смысле; субъективные же права граждан есть лишь реализация на деле юридических норм, в которых эти права провозглашены.

Соглашаясь с И. Е. Фарбером в том, что нельзя смешивать осуществления нормы права (правоотношения) с самой нормой права, мы считаем, что признание права на труд субъективным правом советского гражданина не означает такого смешения.

Как мы уже отметили, право на труд это не элемент правоотношения и не правомочие гражданина в установленном трудовом правоотношении, а новое субъективное право советского гражданина, возникшее после построения социалистического базиса в нашей стране.

Нормы Советской Конституции являются нормами, определяющими содержание этого права. Диалектическая связь конституционно закрепленных прав и обязанностей (обязанности трудоспособных граждан трудиться по способности, права всех граждан на труд и трудовую честь и обязанности государства гарантировать работу), — характеризует право на труд, как субъективное право советского гражданина, безотносительно к наличию или отсутствию правоотношения гражданина с тем или иным предприятием (учреждением).

И. Е. Фарбер полагает, что правомочие гражданина есть превращение его демократических прав из возможности в действительность, из нормы объективного права и правоспособности — в субъективное право гражданина. Однако, тут же он отмечает, что термин «субъективное право» следует заменить другим, а именно термином «правомочие». Отсюда можно сделать вывод, что демократические права граждан — есть лишь норма объективного права. Из реализации этой нормы и правоспособности гражданина возникает его правомочие в правоотношении.

При таком построении, во-первых, демократические права

¹ И. Е. Фарбер. К вопросу о понятии права, «Советское государство и право», 1957 г., № 1.

² А. А. Пионтковский. Некоторые вопросы общей теории государства и права. «Советское государство и право», 1956 г., № 1.

³ С. Ф. Кечекьян. Нормы права и правоотношения, «Советское государство и право», 1955 г., № 2.

граждан выступают лишь как возможность, а не действительность социалистического общества, обеспеченная экономическими и юридическими гарантиями, что неверно. Во-вторых, категория субъективных прав граждан целиком сливается с правомочиями в правоотношениях и исчезает, как реальность.

2. Возможность осуществления права на труд возникла впервые в истории человечества в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако, эта возможность не стала и не могла стать действительностью, в качестве всеобщего равного права на труд для всех способных к труду граждан, вплоть до окончательной ликвидации безработицы.

Ни в первых декретах Октября, ни в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа¹, ни в Конституции РСФСР 1918 года² не было законодательно зарегистрировано право на труд, хотя труд был признан обязанностью всех граждан республики.

Первый советский Кодекс законов о труде (1918 г.)³ провозгласил право всех трудоспособных граждан на применение труда. Однако, он не содержал и не мог содержать указаний на экономические гарантии осуществления права на труд. Советское общество и государство в тех условиях еще не могли обеспечить реализацию права на труд всем гражданам. Эти гарантии не могли быть предусмотрены и в Конституции СССР 1924 года, принятой в первый период нэпа⁴.

Экономические гарантии права на труд создавались в процессе дальнейшей борьбы рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии за перестройку народного хозяйства на социалистической основе.

В результате ликвидации кулачества как класса, на базе сплошной коллективизации, были окончательно уничтожены все формы эксплуатации. Был построен социалистический базис, создана экономическая основа социалистического общества.

Факт построения экономического базиса советского социалистического общества был зафиксирован в 1934 году, в отчетном докладе о деятельности ЦК ВКП(б) XVII съезду партии⁵ и в постановлении XVII съезда о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР⁶.

¹ С. У. 1918 г., № 15, ст. 215.

² С. У. 1918 г., № 51, ст. 582.

³ С. У. 1918 г., № 87—88, ст. 905.

⁴ А. Е. Пашерстник. Право на труд, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 6, 7 и др.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть III, Госполитиздат, 1954 г., стр. 76.

⁶ Там же, стр. 201.

Полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства была отмечена в докладе Чрезвычайному VIII Всесоюзному съезду Советов 25 ноября 1936 г. «О проекте Конституции Союза ССР».

Это означало наличие для всех граждан реальных экономических гарантий права на труд в социалистическом обществе.

В соответствии с фактом полной ликвидации капиталистического базиса и построения нового социалистического базиса — произошли изменения в общественной надстройке.

Отражая этот факт, Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 года, расширила круг основных прав граждан и в их числе закрепила в ст. 118 гарантированное всем гражданам СССР право на труд, указав экономические гарантии его осуществления.

Провозглашенное в 1918 году как программное положение, право на труд — стало теперь уже реальным правом всех граждан СССР. Осуществление этого права полностью обеспечивается экономическими гарантиями социалистического общества и юридическими гарантиями Советского государства.

Эти гарантии непрерывно качественно и количественно растут в связи с постепенным переходом к коммунизму.

Величественные планы хозяйственного и культурного строительства, осуществляемые в нашей стране, направлены к тому, чтобы неуклонно улучшалось благосостояние советского народа, непрерывно повышался культурный уровень всех советских людей и полнее удовлетворялись их материальные и культурные потребности.

Так возникла и упрочилась реальная экономическая и правовая основа права на труд в СССР.

3. Сущность всякого государства и права определяется тем, какому базису они служат, диктатуру какого класса они осуществляют. Социалистическое государство является государством нового и высшего исторического типа в силу того, что оно ведет к высшему общественному строю. Оно воплощает в своей политике, определяемой Коммунистической партией, и в своей повседневной деятельности принципы социализма, свободы, равенства и товарищеского сотрудничества людей, оно содействует осуществлению культурной революции.

Юридические гарантии права на труд конкретизируются в нормах советского права и других государственно-правовых актах. В основе этих норм лежит политика Коммунистической партии и Советского государства, базирующаяся на научном познании экономических законов общественного развития. Отражая социалистические общественные отношения страны социализма, нормы права, в свою очередь, активно воздей-

ствуют на эти отношения, на базис социалистического общества, а через него на производительные силы.

Нормы советского права выражают порядок общественных отношений, отвечающий интересам и воле трудящихся страны Советов, и регулируют поведение людей в советском социалистическом обществе.

Юридические гарантии права на труд выражаются: 1) в нормах права, сочетающих принцип подбора, расстановки и использования кадров по их политическому и деловому признакам с правом гражданина на получение и устойчивое осуществление работы по его профессии, специальности и квалификации; 2) в обеспечении полного соответствия этим нормам, предусмотренных ими прав и обязанностей путем точного соблюдения этих норм всеми гражданами и правильного и неуклонного применения этих норм государственными и управомоченными общественными органами; 3) в защите права на труд, осуществляемой Советским государством и его органами.

Особое значение в деле укрепления социалистической законности имеет право обжалования незаконных действий должностных лиц и учреждений.

В отношении существа и роли права на жалобу нельзя согласиться с С. С. Студеникиным, считающим, что «право жалобы не является способом обеспечения законности», а лишь «гарантирует гражданину то, что орган, принявший жалобу, действительно в определенный срок рассмотрит ее, произведет необходимую проверку и, в зависимости от результатов проверки, разрешит ее, т. е. примет соответствующие меры»¹.

Следует согласиться с мнением по этому вопросу Ц. А. Ямпольской². Она исходит из того, что субъективные права советских граждан не провозглашаются, а реально обеспечиваются тем, что им соответствуют обязанности государственных органов. Право на жалобу подкреплено обязанностью соответствующего органа довести до конца начатое жалобой дело вплоть до восстановления нарушенного права и наложения взыскания на виновных должностных лиц. Поэтому право на жалобу — есть субъективное право гражданина СССР.

Предоставленное нормами действующего права субъективное право гражданина на жалобу является, в частности, юридическим средством обеспечения защиты его права на труд, как права на получение работы в определенном предприятии (учреждении). Администрация в своей деятельности должна исходить из принципа подбора и расстановки кадров по их де-

¹ С. С. Студеникин. Социалистическая законность в советском государственном управлении, Юриздат, 1948 г., стр. 108—109.

² Ц. А. Ямпольская. Органы советского государственного управления в современный период, изд. Академии Наук СССР, 1954 г., стр. 148—149.

ловому и политическому признакам. Если в данном предприятии (учреждении) имеется вакансия по работе, соответствующая способности к труду данного гражданина, желающего ее получить,—то, при отсутствии более квалифицированных претендентов, администрация обязана принять данное лицо. Отказ от приема на работу в этом случае следует расценивать как нарушение права гражданина на труд. Юридическим средством защиты нарушенного права гражданина на труд в данном случае является реализация гражданином его субъективного права на жалобу.

Действующее право предусматривает и прямые юридические гарантии, в случае незаконного отказа гражданину СССР в приеме на работу. В частности, оно: 1) обязывает органы прокуратуры опротестовывать такие отказы в вышестоящие в отношении данной организации инстанции¹, 2) запрещает отказ в приеме на работу по мотивам социального происхождения, прошлой судимости, осуждения родителей или родственников и т. п., поскольку иное не предусмотрено специальными нормативными актами².

Особо устанавливаются специальные гарантии права на труд женщин в связи с материнством. Под угрозой уголовной ответственности запрещается отказ в приеме на работу по мотивам беременности женщин, непрерывно проработавших в государственных предприятиях (учреждениях) не менее года при наличии последнего перерыва в работе не свыше месяца³, предусматривается ответственность за отказ в приеме на работу женщин, кормящих грудью, если отказ последовал по этим же мотивам⁴.

Каждый гражданин, право на труд которого нарушено незаконным отказом в приеме на работу, может реализовать свое субъективное право на жалобу не только в органы прокуратуры, но и в вышестоящие органы той системы, в которую входит данная организация. Последние обязаны проверить жалобу в установленные сроки и принять меры к восстановлению нарушенного права на труд.

4. Судебная защита права на труд, как права на получение работы, имеющейся в конкретном предприятии, нормами действующего права не предусмотрена. Поэтому в практике отсутствуют иски граждан к администрации о предоставлении имеющейся в данном предприятии (учреждении) работы. Воз-

¹ П. 4 приказа Прокурора СССР от 25 мая 1938 г., № 547.

² Ст. 1 Постановления Комиссии Советского Контроля, утвержденного СНК СССР 30 мая 1936 г. (СЗ СССР № 31, 1936 г.).

³ Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. и 9 апреля 1937 г. (СЗ СССР 1936 г. № 34, ст. 309, № 51, ст. 419 и 1937 г. № 25, ст. 99).

⁴ Ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1949 г. Ведомости Верховного Совета СССР, 1949 г., № 26.

возможность предъявления таких исков в юридической литературе, как исключение, ранее признавалась.

Так, Д. М. Генкин¹ полагал, что независимо от ответственности администратора, неосновательно отказавшего в приеме на работу, лицо, право на получение работы которому обеспечено специальными юридическими гарантиями, вправе добиваться судебного решения, обязывающего принять его на работу. В этом случае имеют место так называемые правообразующие иски. При рассмотрении их суд, на основе норм объективного права, выносит решение, создающее трудовое правоотношение.

Решение суда, по вступлении его в законную силу, явится юридическим фактом, обуславливающим возникновение трудового отношения, наряду с прочими основаниями возникновения трудовых правоотношений (соглашением сторон, административным актом)

В последующих изданиях учебника трудового права это соображение выпущено. Остается предполагать, что либо Д. М. Генкин отказался от трехчленной классификации исков, либо вопрос о правообразующих исках в советском праве, ввиду его спорности, не был включен в учебник.

В юридической литературе вопрос о преобразовательных исках является спорным. Одни полагают, что в советском процессе нет никаких оснований для существования исков, направленных на создание, изменение или прекращение гражданских правоотношений². Преобразовательные иски, по их мнению, следует отнести либо к искам о присуждении, если в них содержится требование о принудительном осуществлении права, либо к искам о признании, если это требование сводится к установлению наличия или отсутствия правоотношения между истцом и ответчиком в соответствии с возникшими новыми обстоятельствами³. Сторонники этой точки зрения полагают, что присвоение судебному решению правообразующей силы, а суду правообразующих функций ведет к неправильному представлению о задачах социалистического правосудия и советского суда. Суд призван к защите наличных прав, а не к установлению и регулированию правоотношений⁴.

Другие признают, что сущность советского гражданского процесса состоит не в образовании, а в подтверждении существующих правоотношений, что процесс не рождает права, а

¹ См. Учебник советского трудового права, Юриздат, 1946 г., стр. 65—66.

² См. Учебник гражданского процесса для юридических институтов, ВИЮН, Юриздат, 1938 г., стр. 120—121.

³ Гражданский процесс под редакцией Клейнмана А. Ф. Юриздат НКЮ СССР, 1940 г., стр. 122—123.

⁴ См. Учебник гражданского процесса, Юриздат, 1948 г., стр. 108—109.

наоборот, право объективно и реально существует вне и до всякого процесса и служит мирному урегулированию общественных отношений. Вместе с тем, они отмечают, что приведенному положению не противоречит существование преобразовательных полномочий суда. Суд, в случаях указанных в законе, восполняет посредством этих полномочий содержание правоотношения или участвует в осуществлении преобразовательного правомочия истца, контролируя тем самым его закономерность¹.

Они признают трехчленную классификацию исков по их содержанию, различая иски о присуждении, иски о признании и преобразовательные иски².

В гражданском праве право преобразовательного полномочия суда выявляется, в частности, при разрешении вопроса об участии в приобретении или создании объекта общей собственности или при разделе общей собственности³.

Мы отмечаем, что практика осуществления судебной защиты права на труд предполагает и обосновывает наличие преобразовательных исков. Это подтверждается следующим примером. Согласно п. 14 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 января 1952 г. «О судебной практике по гражданским трудовым делам»⁴ суд обязан был при рассмотрении исков о восстановлении на работе лиц, уволенных по сокращению штата, проверить ряд обстоятельств, гарантирующих устойчивость трудовых правоотношений. В том числе суд обязан был проверить, была ли учтена администрацией возможность перевода увольняемого работника, при наличии его согласия, на другую работу, имеющуюся в том же предприятии (учреждении). Иск работника, уволенного по сокращению штата без учета администрацией указанной возможности о предоставлении ему другой имеющейся работы в предприятии (учреждении), являлся преобразовательным иском. В основе решения суда, обязывавшего администрацию предоставить такому работнику другую работу, лежал факт наличия ранее установленного между данными сторонами трудового правоотношения. Однако, в результате судебного решения, оно преобразовалось в правоотношение сторон по новой работе, безотносительно к согла-

¹ Ст. М. А. Гурвич. Право на иск, изд. АН СССР, 1949 г., стр. 35—37.

² М. А. Гурвич. Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву «Известия отд. экономики и права АН СССР», № 2, 1945 г., стр. 37; Иски о присуждении, «Ученые записки», ВЮЗИ, 1948 г., стр. 99, Право на иск, изд. АН СССР, 1949 г., стр. 152 и 179.

³ М. В. Зимелева. Общая собственность в советском гражданском праве «Ученые записки» ВИЮН НКЮ СССР, Юриздат, 1941 г., стр. 20—21, 70—74.

⁴ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1952 г., № 3, стр. 1.

сию на то администрации. Решение судом выносилось как в интересах трудящегося, в порядке защиты его права на устойчивый труд в данном предприятии (учреждении), так и в интересах самого предприятия (учреждения), в коллективе которого данное лицо уже состояло. Труд лица в знакомом ему коллективе, хотя и на другой работе, как правило, обладает большей эффективностью по сравнению с трудом вновь принятого лица.

Теоретической основой такого преобразовательного иска являлось не правомочие, возникшее в результате установления первоначального трудового правоотношения между данным лицом и данным предприятием (учреждением). В содержание этого правомочия не входит право требовать, в случае сокращения штата, перевода на другую, имеющуюся в данном предприятии (учреждении) работу по желанию работника безотносительно к желанию администрации. Основой таких исков являлось право на труд, как право гражданина СССР на получение гарантированной государством работы. В данном случае оно было связано с обязанностью конкретного предприятия (учреждения), с которым уже были установлены трудовые правоотношения, предоставить работнику, с его согласия, иную имеющуюся работу по его способности. Выдвинутое положение соответствовало норме, выраженной в п. 14 указанного постановления Пленума № 1 от 11 января 1952 года. Это постановление было отменено постановлением № 13 Пленума Верховного Суда СССР от 13 сентября 1957 года «О судебной практике по гражданским трудовым делам», не установившим обязанности суда проверять факт учета администрацией возможности перевода увольняемого по сокращению штата работника, при наличии его согласия на другую работу, имеющуюся в том же учреждении или предприятии¹. Такую гарантию права на труд, по нашему мнению, следовало сохранить. Она соответствует принципу устойчивости трудовых правоотношений, установленных между данным работником и данным предприятием (учреждением). Это расширяет сферу применения принципа устойчивости трудовых правоотношений, который распространяется не только на трудовые правоотношения сторон, установленные по данной конкретной работе, но и на их правоотношения, могущие быть установленными по иной имеющейся работе по желанию увольняемого по сокращению штата работника. Последнее обстоятельство имеет весьма существенное практическое значение для трудящихся в отношении оплаты труда.

Еще более наглядным примером, иллюстрирующим значение преобразовательных исков в деле защиты права на труд,

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957 г., № 5, стр. 18—23.

является следующий пример: гр-н А. был принят на временную работу для замещения работника, отсутствующего по болезни, и добросовестно выполнял обязанности последнего. Через три месяца основной работник умер. Администрация учреждения уволила гр-на А., как временного работника, а на освободившуюся вакансию приняла другое лицо. Гр-н А. обратился в суд с иском о восстановлении на работе. Администрация полагала, что она вправе заполнить штатную должность, освободившуюся после смерти основного работника, по своему усмотрению, так как временный (т. е. нештатный) работник на занятие этой должности особых преимуществ иметь не может.

С этим соображением нельзя согласиться. Лицо, временно принятое на работу для замещения основного работника, хотя и является нештатным работником, но целиком подпадает под общий режим работы данного предприятия (учреждения) и получает оплату за счет ассигнований на основную зарплату¹.

В случае выбытия основного работника его временный заместитель должен иметь преимущественное право на сохранение безупречно выполняемой работы по данной должности.

Поэтому иск гр-на А. о восстановлении на работе подлежит удовлетворению. Этот иск является преобразовательным. В результате решения суда, временно установленное трудовое правоотношение преобразуется в устойчивое, постоянное трудовое правоотношение по работе фактически выполняемой работником. Основой иска гр-на А. является его право на труд.

Таким образом понятие права на труд нельзя свести ни к правоспособности, ни к правомочию.

Право на труд не способность, не возможность вступления в трудовые правоотношения, а самостоятельное субъективное право, защищаемое и гарантированное Конституцией СССР и всем правопорядком и общественным строем социалистического государства.

Право на труд возникает не в результате вступления в трудовое правоотношение, а до этого, т. е. не может быть сведено к правомочию.

Право на труд в числе других основных субъективных прав, гарантированных Конституцией, самостоятельное субъективное право.

Только такая трактовка права на труд дает возможность сделать практические выводы относительно возможности защиты этого права средствами, показанными выше.

¹ А. Л. Эпштейн. Правовые вопросы регулирования труда нештатных работников, «Вопросы советского гражданского и трудового права», изд. АН СССР, 1952 г., стр. 205.

Аспирант В. П. ЕЖОВА

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСТВ ТОРГОВЛИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Величественная программа развития народного хозяйства СССР, утвержденная внеочередным XXI съездом КПСС, предусматривает, в соответствии с ростом промышленного и сельскохозяйственного производства и доходов населения, значительный рост объема товарооборота. Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли возрастет за семилетие на 62 процента. Значительно увеличится продажа населению продуктов питания, еще в большей мере возрастет продажа товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, особенно товаров облегчающих труд женщин в быту, значительно улучшится бытовое и торговое обслуживание населения¹.

Увеличение производства товаров народного потребления, повышение доходов населения требуют улучшения и развития торговли.

Одним из условий крутого подъема народного благосостояния является всемерное развитие советской торговли. Ввиду того значения, которое имеет и еще долго будет иметь торговля в нашем народном хозяйстве, Коммунистическая партия и Советское правительство большое внимание уделяют ее развитию и организации.

Основная задача в области организации советской торговли состоит в том, чтобы торговые организации и предприятия быстро и с минимальными затратами средств доводили промышленную и сельскохозяйственную продукцию до потребителей в целях наилучшего удовлетворения запросов населения.

¹ См. Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. (Материалы внеочередного XXI съезда КПСС). Госполитиздат, 1959 г., стр. 237—238.

Юридическое оформление построения аппарата советской торговли характеризуется тем, что государственные торговые предприятия созданы как субъекты гражданского права, способные к самостоятельному выступлению в экономическом обороте и несущие самостоятельную ответственность по своим обязательствам.

Наделение торговых предприятий правами юридического лица позволяет использовать и другие институты советского гражданского права для развития товарооборота. Например, ответственность предприятия за выполнение планов товарооборота состоит в том, в частности, что в договорах, заключаемых хозяйственными торговыми предприятиями, предусматриваются санкции за невыполнение договорных обязательств, обеспечивающие «контроль рублем» над выполнением планов товарооборота.

Важное значение имеют также и права банков по осуществлению контроля рублем. Такой контроль может иметь место лишь при наличии определенных взаимоотношений банка с торговым предприятием, т. е. при наличии правосубъектности предприятия.

Таким образом, гражданско-правовая регламентация деятельности торговых предприятий является одним из средств организации контроля за выполнением торговыми предприятиями планов товарооборота, обеспечивает их заинтересованность в выполнении плана, повышает ответственность за результаты своей деятельности.

Декабрьский (1956 г.) и февральский (1957 г.) Пленумы ЦК КПСС, а также принятый VII сессией Верховного Совета СССР закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» ориентируют на коренную перестройку в управлении народным хозяйством в направлении расширения инициативы и повышения ответственности местных государственных, партийных, профсоюзных органов. В свете этих новых постановлений ясна актуальность анализа состояния правового оформления организации всех государственных предприятий и организаций, в том числе и торговых.

В связи с тем, что правовое оформление торговых организаций относится к проблеме юридического лица, полезно остановиться на одном из теоретических вопросов — вопросе о «признаках» юридического лица. Этот термин употребляется подавляющим большинством исследователей.

С. Н. Братусь под решающим признаком юридического лица понимает юридическую основу или предпосылку, наличие которой обуславливает возможность признания госоргана или общественной организации юридическим ли-

цом¹. Такой «основой» или предпосылкой для признания организации юридическим лицом С. Н. Братусь считает имущественную обособленность. Д. М. Генкин считает, однако, неправильным говорить о признаках юридического лица², так как «организации не становятся юридическими лицами потому, что они обладают известными признаками, а, наоборот, государство, считая необходимым... предоставить тем или другим организациям права юридического лица, наделяет их определенными правомочиями и возлагает на них определенные обязанности». Поэтому, по мнению Д. М. Генкина, следует говорить не о «признаках» юридического лица, а о тех правовых качествах, которыми наделяется организация, признаваемая государством юридическим лицом, т. е. об элементах понятия юридического лица³.

Д. М. Генкин вообще отрицает возможность постановки вопроса о признании той или иной организации юридическим лицом. По существу мнение Д. М. Генкина сводится к тому, что юридическим лицом является организация, которая при ее создании официально объявляется юридическим лицом. Д. М. Генкин считает, что вообще «неправильно говорить, что организация признается юридическим лицом потому, что она обладает обособленным имуществом. Наделение обособленным имуществом — это лишь стадия, и притом не первая, в создании государственной организации как юридического лица». Советское государство в лице соответствующих органов, постановляя о создании организации, разрешает вопрос о наделении ее правами юридического лица, а в связи с этим и о наделении ее обособленным имуществом³.

Однако это не всегда бывает так. Фигура юридического лица играет активную служебную роль в социалистическом хозяйствовании и государство использует этот важнейший инструмент, наделяя социалистические организации и предприятия правосубъектностью. Но можно отметить немало случаев, когда социалистические организации перерастают ту правовую форму, в которой они были созданы. Так, например, случилось с трестированными предприятиями. Так, например, было с переведенными на полный хозрасчет главками, которые вначале не были официально признаны юридическими лицами. Во всех этих случаях перед юристами-практиками возникает вопрос: могут ли такие организации выступать сторо-

¹ С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, 1950, стр. 135.

² Д. М. Генкин. Значение применения института юридического лица. Сборник научных работ Московского института народного хозяйства, 1956 г., стр. 20.

³ Указанная статья, стр. 23.

ной в гражданских правоотношениях? Теория обязана помочь в решении этого вопроса, проанализировать, какие качества необходимо иметь организации, чтобы быть признанной юридическим лицом.

Вывод в данном случае будет основываться на логическом заключении о необходимости признания правосубъектности за организацией, обладающей этими качествами.

Вот такие, имеющие большое практическое значение, случаи и упускает из виду Д. М. Генкин, считая, что все государственные юридические лица с самого начала создаются правосубъектными и ради их правосубъектности наделяются, в частности, обособленным имуществом.

Следует согласиться с мнением Д. М. Генкина, что организационное единство, необходимое для выработки единой воли юридического лица, не является самостоятельным элементом юридического лица¹. Поэтому оно должно быть отнесено к условиям правосубъектности, а не к признакам юридического лица, выражающим его сущность. Этот порядок выражается и закрепляется в уставе организации или положении о ней. Наличие устава или положения означает, что перед нами не просто группа, а организация, волю которой выражают ее органы².

Вторым условием правосубъектности следует считать имущественную обособленность организации. Анализ имущественной обособленности как «предпосылки, наличие которой обуславливает возможность признания госоргана или общественной организации юридическим лицом», дан С. Н. Братусем. Гражданская правосубъектность означает возможность приобретения и отчуждения имущества в гражданском обороте, иначе — предполагает наличие у юридического лица права распоряжения имуществом. Наличие такого права невозможно без достаточного обособления того имущества, на которое это право распространяется. Поэтому имущественная обособленность является вторым необходимым условием правосубъектности.

Имущественная обособленность государственных организаций может быть различной. Однако в литературе принято мнение, что необходимой и достаточной степенью имуществен-

¹ Указанная статья в сборнике, стр. 24.

² Необходимо однако иметь в виду, что наличие положения о той или иной организации еще не свидетельствует о том, что эта организация является юридическим лицом. На основании положения действуют и такие организации, которые выполняют функции управления и в гражданском обороте не участвуют. Необходимо, чтобы из содержания положения явствовало самостоятельная ответственность и самостоятельное участие в гражданском обороте. Поэтому правильнее было бы, чтобы юридические лица имели устав, а не положение.

ной обособленности государственных организаций является полный хозяйственный расчет.

Таким образом, базой, необходимыми и достаточными предпосылками или условиями существования (и признания) государственной организации в качестве юридического лица (как, впрочем, и всякого юридического лица) являются: организационное единство и имущественная самостоятельность. Имущественная самостоятельность создает имущественную базу для выступления в гражданском обороте, а организационное единство формирует волю юридического лица.

Организационное единство создает возможность дееспособности, организуя процесс формирования воли субъекта права. Определенная степень обособления имущества организации создает условия для предоставления организации определенных прав на это имущество.

В литературе называют еще два признака юридического лица: самостоятельное, от своего имени, выступление в гражданских правоотношениях и самостоятельная ответственность по своим обязательствам.

В самом деле, в чем проявляется право и дееспособность? В самостоятельном выступлении в гражданском обороте, прежде всего. В том, что организация от своего имени заключает договоры, т. е. принимает на себя определенные обязательства и приобретает определенные права, проявляется дееспособность этой организации.

Совершенно справедливо С. Н. Братусь подчеркивает: «способность к выступлению в гражданском обороте от своего имени — это не предпосылка, не элемент и не критерий правосубъектности, а проявление и выражение уже существующей правосубъектности»¹. Но С. Н. Братусь не считает самостоятельное выступление в обороте признаком юридического лица: «этот признак является скорее закономерным следствием признания того или иного общественного образования субъектом права — юридическим лицом»². Конечно, это — следствие признания организации юридическим лицом. Но следствием оно является именно потому, что в самостоятельном выступлении в обороте проявляется сущность юридического лица. Анализируя признаки юридического лица, А. В. Венедиктов подчеркивает³, что выступление от своего имени — единый для всех юридических лиц признак: право- и дееспособность необходимо проявятся в выступлении от своего имени. Однако, вызывает сомнение утверждение А. В. Венедиктова, что в противоположность организацион-

¹ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, стр. 135, сноска.

² Там же, стр. 92.

³ См. А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, стр. 175 и другие.

ному единству, имущественной обособленности и самостоятельной ответственности, которые имеют значительное разнообразие у различных юридических лиц, выступление от своего имени для всех однообразно. Выступление от своего имени связано с правоспособностью и дееспособностью юридических лиц, является выражением их право- и дееспособности. Последние же не могут быть однообразны. В силу плановости социалистической экономики юридические лица обладают специальной право- и дееспособностью. Поэтому и выступление в обороте всегда различно у различных видов юридических лиц.

Необходимым признаком правосубъектности следует считать самостоятельную имущественную ответственность организации по своим обязательствам.

В литературе высказано мнение, что именно самостоятельная ответственность есть главный признак юридического лица¹. Самостоятельная ответственность юридического лица по своим обязательствам так же как и самостоятельное выступление в гражданском обороте необходимо присущи всем юридическим лицам. Правосубъектная организация всегда самостоятельно отвечает по своим обязательствам. Независимо от степени ответственности, как это неоднократно подчеркивалось в литературе, юридическое лицо всегда является «адресатом ответственности», т. е. самостоятельно несет ответственность по своим обязательствам. Это обстоятельство не исключает, однако, возможности дополнительной, субсидиарной ответственности одних субъектов права по обязательствам других. Но субсидиарная (дополнительная) ответственность других лиц не превращает «адресата ответственности» в субъекта, не несущего ответственности по своим долгам.

Итак, самостоятельное выступление в гражданском обороте и самостоятельная имущественная ответственность организации — таковы признаки, выражающие сущность ее правосубъектности. По этим признакам практически определяется, в случае отсутствия официального о том указания, признана ли практикой организация в качестве юридического лица или нет. Но если стоит вопрос не о том, признана ли организация правосубъектной, а о возможности признания ее таковой, то следует иметь в виду наличие условий, предпосылок, необходимых для такого признания.

---

¹ А. А. Пушкин. См. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 5, 1954 г., стр. 59. Да и С. Н. Братусь считает, что самостоятельная имущественная собственность является тем «важным признаком», наличие или отсутствие которого является показателем наличия или отсутствия имущественной самостоятельности организации. Цит. работы, стр. 138.

Из этих положений следует исходить при исследовании правового положения торговых организаций и руководящих звеньев торговой системы.

Руководство розничной торговлей сосредоточено в Министерствах торговли союзных республик.

Государственную розничную торговлю осуществляют и торговые предприятия в системах промышленных министерств и совнархозов, например, орсы, аптеки и аптекарские магазины в системе Министерства здравоохранения, магазины военторгов в системе Министерства обороны СССР. Все эти торговые системы имеют свою специфику, обуславливающую необходимость специального рассмотрения их правовой организации.

Руководство торговыми предприятиями Министерства торговли союзных республик осуществляют через местные органы Министерства торговли и только в отдельных случаях через республиканские конторы.

Местные органы Министерства торговли—Управления торговли¹ созданы на основе и взамен двух органов: отдела торговли исполкома местного Совета депутатов трудящихся и Управления местными торговыми предприятиями. Эта реорганизация привела к серьезному изменению в руководстве торговлей на местах. Руководство торговлей значительно улучшилось; оно стало оперативнее, сократились источники бюрократической волокиты, связанной с параллельным существованием двух организаций. Улучшилось снабжение торговых предприятий товарами. Теперь Управление торговли имеет большие возможности для распределения товарных ресурсов между всеми предприятиями торговли, расположенными на территории деятельности Управления, независимо от того, являются ли они местными торговыми предприятиями или входят в состав систем республиканских контор розничной торговли. Это позволяет более равномерно снабжать товарами все районы области (города). Повысилась ответственность органа государственного управления за рентабельность торговых предприятий, создан серьезный материальный стимул к сокращению административно-управленческих расходов, так как Управление торговли прямо заинтересовано в уменьшении отчислений у подчиненных торговых и подсобных предприятий.

Местные Управления торговлей имеют своей целью организацию государственной и колхозной торговли и общественного питания, осуществление руководства, регулирования и контроля за деятельностью всех торгующих организаций, независимо от их ведомственной подчиненности, а также руко-

¹ См., например, Положение о Харьковском городском управлении торговли Исполкома Горсовета, утв. решением Исполкома Харьковского Горсовета от 27 июля 1955 г., № 562.

водство хозяйственной деятельностью местных торгов, управлений общественного питания и других подчиненных ему организаций и предприятий.

В связи с этим Управления торговли осуществляют два рода функций: функции по общему руководству, контролю и регулированию торговли в районе своей деятельности и функции по руководству подчиненными организациями и предприятиями. Такое объединение функций создало своеобразный орган государственного управления.

Функции по общему руководству и регулированию торговли включают в себя обширный круг правомочий по расширению торговли, использованию местных товарных ресурсов, реконструкции старых и размещению новых торговых предприятий, принятию оперативных мер по обеспечению бесперебойной торговли и реализации излишних и залежалых товаров. Сюда входят правомочия по контролю за осуществлением торговли всеми торгующими предприятиями всех систем, правомочия по контролю за поставками товаров промышленностью в отношении их качества и сроков поставки. Только местные Управления торговли управомочены выдавать свидетельства об установлении разрядов торговым предприятиям, предприятиям общественного питания и ателье мод и выдавать разрешения на их открытие или закрытие.

Функции по руководству подчиненными предприятиями заключаются в следующем: Управление торговли планирует товарооборот и производственные программы подчиненных ему торговых и подсобных промышленных и транспортных предприятий. В соответствии с утвержденными планами Управление торговли определяет количество необходимых для их выполнения оборотных средств и выделяет эти оборотные средства указанным выше предприятиям. Управление торговли руководит капитальным строительством, ремонтом и реконструкцией своих предприятий, осуществляя распоряжение амортизационными отчислениями. Управлению торговли принадлежит право ревизии торговой и финансовой деятельности предприятий, контроля за соблюдением правил торговли.

Функции по руководству подчиненными предприятиями неразрывно связаны с функциями по руководству и регулированию торговли вообще. Управление торговли не может составить план товарооборота по области (городу, району), не утвердив соответствующих планов по отдельным предприятиям. Принятие оперативных мер по реализации излишков товаров означает одновременно конкретную помощь со стороны Управления торговли в налаживании торгово-финансовой деятельности предприятий. Поэтому указанное деление функций Управлений торговли можно проводить весьма условно.

В финансовом отношении Управления торговли организованы следующим образом: из местного бюджета выделяются оборотные средства, которые Управления торговли распределяют между подчиненными предприятиями. Выделенные средства распределяются все, за исключением относительно небольшого специального фонда — резерва оборотных средств — в размере до 3% общей суммы всех выделенных Управлению торговли оборотных средств.

Резервные оборотные средства хранятся на отдельном от собственных средств Управления счете в Госбанке. Распоряжается резервом начальник Управления торговли. Средства из резерва могут быть использованы только для оказания временной финансовой помощи подчиненным предприятиям. Помощь эта носит характер кратковременных (срок 3 месяца) ссуд с той, однако, особенностью, что по ним не взимаются проценты и не требуется товарного обеспечения.

Несмотря на то, что оборотные средства для местных торгов выделяются в целом Управлению торговли, которое осуществляет их распределение между предприятиями, дальнейшие расчеты с бюджетом ведет не Управление торговли, а непосредственно сами предприятия. В связи с этим право на самостоятельное перераспределение оборотных средств хозяйственная практика за Управлениями торговли не признает. Такая практика приводит к затруднениям в хозяйственном руководстве со стороны Управлений торговли. В самом деле: программа товарооборота предприятий весьма подвижна; этим вызывается подвижность в необходимых оборотных средствах. Но обеспечить такую подвижность средств Управления торговли не могут, так как перераспределение оборотных средств возможно только через соответствующий исполком Совета депутатов трудящихся, через финотдел. Такое стеснение прав Управлений торговли ничем не оправдано. Следует заметить, что проект типового положения о местном управлении торговлей (п. «в» ст. 41) предусматривает предоставление им права перераспределения оборотных средств. Оно прямо предусмотрено и в конкретных положениях о том или ином Управлении торговлей. Например, п. «г» ст. 40 Положения о Харьковском городском Управлении торговлей гласит, что Управление торговли «производит в установленном порядке перераспределение амортизационных отчислений и собственных оборотных средств подчиненных организаций и предприятий». В пределах финансового плана, утвержденного финансовыми органами для Управлений торговли, последние обязаны произвести предусмотренное этим планом перераспределение средств. Но Управление торговли выступает в этом случае не столько как хозяйственный руководитель, сколько как исполнитель воли финансовых органов.

Представляется, что правильнее было бы предоставить это право Управлениям торговли. Предоставление права распределения оборотных средств и запрещение их перераспределения, это полумера, по существу разрывающая единую хозяйственную функцию и не приносящая ничего, кроме помех в хозяйственном руководстве торговыми предприятиями, в рациональной организации их деятельности.

Проект типового положения независимо от того, что Управления торговли не связаны с бюджетом, считает их бюджетными учреждениями и предоставляет им право на открытие текущих счетов (ст. 5, п. «б», ст. 41).

В хозяйственной практике существуют различные мнения. В литературе ни экономической, ни юридической этот вопрос не нашел своего отражения.

Управления торговли содержатся за счет отчислений от оборота подчиненных предприятий. Для расчетов с предприятиями и оплаты своих административных расходов Управлениям торговли открываются в Госбанке расчетные счета. Суммы на этот расчетный счет поступают от предприятий согласно разрядке, составляемой самим Управлением торговли.

Общая сумма поступления определяется заранее планируемыми расходами Управления торговли. В случае неиспользования по той или иной причине перечисленных Управлению торговли средств остаток их возвращается предприятиям. Таким образом, финансовая база Управлений торговли своеобразна: с одной стороны, они не связаны с бюджетом, содержатся в конечном счете за счет торговой накладки, с другой стороны, режим выделенных Управлениям торговли средств, аналогичен режиму средств бюджетных учреждений. Вряд ли можно, однако, из необычного для хозрасчетного метода порядка использования средств делать вывод, что Управления торговли являются хозрасчетными организациями. То, что Управления торговли существуют не за счет бюджетных ассигнований, а за счет отчислений от оборота подчиненных им организаций, не превращает их в хозрасчетные предприятия. Балансы подчиненных предприятий в баланс Управления торговли не входят. Управления торговли ведут по существу статистический учет имеющегося в подчиненных организациях имущества¹.

Хозрасчетными Управления местной торговли называют потому, что они содержатся не за счет бюджета, а за счет отчислений хозрасчетных предприятий.

---

¹ В положениях не говорится, что Управления торговли действуют на хозрасчете.

Как известно, под хозяйственным расчетом понимается такой метод планового ведения хозяйства в социалистических предприятиях, который заключается в покрытии предприятиями своих расходов за счет собственных доходов и в возложении на предприятия материальной ответственности за выполнение плана. Между тем эти основные признаки хозрасчета не присущи Управлению торговли.

Местное Управление торговли не выступает в гражданском обороте от своего имени, не заключает хозяйственных договоров и, следовательно, не несет самостоятельной имущественной ответственности.

Местные Управления торговли имеют «расчетный» счет в Госбанке. Правильнее было бы называть его текущим счетом.

И действительно, этот счет не служит для расчетов с поставщиками и покупателями. Его назначение — хранение отпущенных на содержание Управления средств (из отчислений подчиненных предприятий).

Местные Управления торговли являются отделами исполкомов, осуществляющими планово-регулирующие функции. Это административные органы, близкие по характеру своей деятельности к другим отделам исполкомов. Отличие состоит только в том, что они существуют не за счет местного бюджета, а за счет отчислений подчиненных предприятий.

Имеющимися на расчетном счете Управления торговли средствами начальник распоряжается самостоятельно, расходуя их на нужды Управления: выплачивается заработная плата, покрываются другие административно-управленческие расходы, из этих средств оплачиваются приобретаемые предметы оборудования помещения и т. п. Таким образом, Управления торговли имеют такую самостоятельность, какую имеют бюджетные учреждения.

Здесь не место останавливаться на вопросе о том, являются ли бюджетные учреждения юридическими лицами. Вопрос этот, как известно, является дискуссионным в нашей литературе. Но и сторонники признания за бюджетными учреждениями прав юридического лица говорят только об ограниченной правоспособности их. Между тем юридические лица обладают специальной правоспособностью, круг совершаемых ими сделок определяется предметом их деятельности.

А сделки, совершаемые Управлениями местной торговли, не составляют предмета их деятельности, они направлены на обеспечение их существования (покупка хозяйственных и канцелярских принадлежностей и т. п.).

Следует ли на Управление местной торговли распространять действие законодательства о возникновении юридических лиц? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Законодательство о возникновении, реорганизации и прекращении

юридических лиц¹ не может быть применено к деятельности местных Управлений торговли. Управления торговли являются не предприятиями, а органами государственного управления, возникают на основе Конституции (Основного Закона) союзной республики² и Положений о городских Советах депутатов трудящихся (см., напр., ст. 52 положения о городском Совете депутатов трудящихся УССР). Право организации и реорганизации Управлений торговли предоставлено соответствующим Советам депутатов трудящихся.

Розничную торговлю в системе министерств торговли союзных республик осуществляют торги. Положение о торгах утверждено ЦИК и СНК СССР 17 августа 1927 года³.

В настоящее время это Положение в значительной степени устарело и не отражает действительное правовое положение торговых предприятий. Приказом Министра торговли СССР от 23 марта 1957 года № 148 утвержден типовой устав торгова системы Министерства торговли СССР. Типовой устав серьезно отличается от Положения о торгах и даже не содержит ссылки на него, несмотря на то, что Положение о торгах 1927 года не отменено. Это еще раз говорит о необходимости издания нового Положения.

Типовой устав учитывает изменения, происшедшие в экономической организации органов розничной торговли за истекшее время и в основном соответствует требованиям сегодняшнего дня.

Основное отличие Типового устава от Положения о торгах состоит в следующем: согласно Положению о торгах, государственным торгом признается государственное торговое предприятие, организованное на основе особого устава, в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица, действующее на началах хозяйственного расчета. Каждый торг является единым предприятием, в состав которого могут входить одна или несколько оперативных единиц, как-то магазинов, контор, отделений, складов и т. п.⁴. Поскольку отдельные магазины признаются только как «оперативные единицы», какие-либо статьи о взаимоотношениях торгова и магазина отсутствуют.

Типовой устав торгова рассматривает торг как торговую организацию (а не предприятие), осуществляющую «через подчиненные предприятия торговли» установленные планы и соз-

¹СЗ СССР. 1936 г., № 18, ст. 151 с дополнениями и изменениями от 1955 г.

²Харьковское Городское Управление торговли, например, образовано на основании ст. 69 Конституции УССР — см. Положение об этом Управлении.

³СЗ СССР 1927 г., № 49, ст. 502.

⁴Ст. ст. 2 и 3-я Положения о торгах 1927 г.

даваемую «для организации розничной торговли» (а не для ее осуществления)¹.

Следовательно, предприятием розничной торговли по смыслу и тексту Типового устава является не торг, а магазин. Торг должен осуществлять в основном управленческие, организаторские функции. В ст. 8 Типового устава так и говорится: На торг возлагается: а) выполнение через подчиненные предприятия торговли... установленных планов, руководство подведомственными предприятиями; организация и оборудование новых предприятий розничной торговли..., складов и баз в районе своей деятельности, организация и развитие мелко-розничной торговой сети, развозно-разносной, сезонной и предпраздничной торговли.

Однако, кроме всестороннего руководства предприятиями торговли, на торг возложено и непосредственное заключение договоров на поставку товаров, закупка товаров по разовым договорам, снабжение имеющихся у торгового предприятия сырья, материалами и отходами, а также осуществление своевременного завоза товаров в торговую сеть и предприятия общественного питания и бесперебойная торговля ими².

Таким образом, по смыслу Типового устава, торг — это такая организация, которая принимает непосредственное участие в товарообороте помимо осуществления возложенного на него оперативного хозяйственного руководства торговыми предприятиями.

Торг организован на началах полного хозяйственного расчета и действует в соответствии с планами, заданиями и лимитами, утвержденными вышестоящей организацией.

Торг пользуется правами юридического лица. По своим обязательствам отвечает всем имуществом, на которое, согласно действующим законам, может быть обращено взыскание. Государство по долгам торгового предприятия не отвечает³.

Директор торгового предприятия управляет всеми делами торгового предприятия и находящимся в оперативном управлении торгового предприятия имуществом, самостоятельно, на основе единоначалия. Директор осуществляет представительство торгового предприятия в государственных, кооперативных и общественных организациях; участие в суде и арбитраже по вопросам, относящимся к деятельности торгового предприятия, с правами, предоставленными истцу, ответчику, третьей стороне. Директор совершает от имени торгового предприятия все операции в государственном и специальном банках и совершает все сделки и операции, входящие в круг деятельности торгового предприятия⁴.

¹ См. ст. 1 и 8 Типового устава.

² См. п. «г» и «д» ст. 8 Типового устава.

³ Ст. ст. 4, 5 Типового устава.

⁴ Ст. 14 Типового устава.

Торговые предприятия могут быть организованы на основах полного хозяйственного расчета, иметь самостоятельный баланс, право самостоятельного кредитования в банке, то есть быть хозяйственно самостоятельными. Вместе с тем предприятия входят в состав торгового объединения как единой организации.

Торговое объединение осуществляет всестороннее хозяйственное руководство предприятием: утверждает для предприятий планы торгово-финансовой и хозяйственной деятельности, наделяет их необходимыми оборотными средствами и устанавливает лимиты кредитования, утверждает положение об открываемых предприятиях, штаты административно-управленческого персонала. В целях наиболее рационального использования средств, выделенных торговому объединению в целом, директор торгового объединения имеет право на перераспределение собственных оборотных средств, прибыли и амортизации между хозяйственными предприятиями. Торговое объединение организует инструктаж по вопросам бухгалтерского учета, проверяет, анализирует и утверждает отчеты и балансы предприятий. Руководит и наблюдает за заключением и выполнением ими хозяйственных договоров.

Несмотря на свое большое положительное значение, Типовой устав не лишен некоторых недостатков.

Типовой устав не содержит четких положений, допускающих возможность организации торговых предприятий как на полном, так и на внутреннем неполном хозрасчете, хотя такой вывод логически вытекает из всего смысла устава. Различие в отношении торгового объединения к предприятию, переведенному только на внутренний хозрасчет, и к самостоятельному предприятию проводится крайне неясно. По существу оба вида предприятий уравниваются в их отношении к торговому объединению. Между тем действия предприятия, состоящего на внутреннем хозрасчете — это действия самого торгового объединения; управляющий таким предприятием не может, например, иметь право приема и увольнения работников; в договорах, заключаемых таким предприятием, стороной выступает торговое объединение. Действия самостоятельного предприятия носят иной характер. Метод хозрасчетного управления предприятием неразрывно связан с его правосубъектностью. В Типовом уставе содержатся основания для признания за такими переведенными на полный хозрасчет предприятиями прав юридического лица: они имеют утвержденное положение (ст. 14 п. «е» Типового устава) и имущественную самостоятельность (ст. 14 п. «в» и «д»). Практика твердо стоит на позиции признания правосубъектности за торговыми предприятиями, переведенными на полный хозрасчет. Следовало бы внести соответствующее положение и в Типовой устав торгового объединения, поскольку торговые предприятия входят в его состав.

Так как самостоятельные торговые предприятия являются юридическими лицами, в договорах выступают от своего име-

ни, то возникает вопрос: возможна ли взаимная ответственность торгового предприятия по обязательствам друг друга? Типовой устав на этот существенный вопрос не дает ответа. В целях укрепления хозяйственного расчета следует дополнить Типовой устав констатацией существующего положения: торговое предприятие не отвечает по долгам своих самостоятельных предприятий; предприятия не отвечают по долгам торгового предприятия.

Переходя к анализу правового положения конкретных торговых предприятий, следует прежде всего отметить, что в системе министерств торговли находятся два вида торговых предприятий: местные торговые предприятия и торговые предприятия республиканского подчинения. Руководство местными торговыми предприятиями осуществляют местные Управления торговли. Торговые предприятия республиканского подчинения объединены конторами, находящимися в ведении Министерства торговли республики и возглавляющими крупные хозяйственные организации.

Структура местных торговых предприятий не одинакова. Она зависит от ряда обстоятельств: во-первых, от территории деятельности торгового предприятия, во-вторых, от номенклатуры реализуемых товаров.

В зависимости от номенклатуры товаров, реализуемых торговым предприятием, различаются пищевые торговые предприятия, промышленные торговые предприятия и смешанные торговые предприятия (т. е. торговые предприятия, осуществляющие розничную торговлю продовольственными и промышленными товарами). Отдельно пищевые торговые предприятия и промышленные торговые предприятия организуются в крупных городах с районным делением или в городах областного подчинения: смешанные торговые предприятия — в более мелких городах и рабочих поселках, при этом один смешанный торговый пункт может иметь магазины и отделения в нескольких населенных пунктах. Местные торговые предприятия могут быть районного, городского и межрайонного масштаба.

В зависимости от этих обстоятельств торговые предприятия организуются или как единые предприятия, в основном соответствующие Положению о торговых предприятиях 1927 года, — таковы районные пищевые торговые предприятия в городах с районным делением или же как сложные составные торговые организации, имеющие в своем составе самостоятельные предприятия, но и непосредственно осуществляющие оперативную деятельность через необособленные магазины — таковы чаще смешанные торговые предприятия и промышленные торговые предприятия.

Общим для обоих видов местных торговых предприятий является следующее: все торговые предприятия являются уставными торговыми организациями, имеющими обособленный уставный фонд, собственные расчетные и другие счета в банках, пользуются банковским кредитом, ведут все расчеты с финансовыми органами, имеют право распределения и перераспределения оборотных средств, прибыли и капиталовложений подчиненных предприятий. Все торговые предприятия являются официально признанными юридическими лицами, самостоятельно заключают хозяйственные договоры и

несут самостоятельную ответственность по своим обязательствам.

Различие в правовом положении торгов относится к их внутренней структуре и зависит от наличия или отсутствия в составе торгового предприятия самостоятельных, переведенных на полный хозяйственный расчет магазинов и других предприятий. Рамки данной статьи не дают возможности дать анализ правового положения магазинов, поэтому внутренняя структура торгового предприятия остается здесь вне поля зрения, к тому же, этот вопрос уже нашел свое отражение в литературе¹.

Республиканские торговые организации объединяют и руководят деятельностью торговых предприятий, специализирующихся на торговле товарами определенной номенклатуры².

Республиканские конторы розничной торговли нельзя считать торговыми. Это в большей степени чисто управленческие организации, руководящие работой торгов.

На торговых предприятиях находятся отдельные универсальные магазины (как самостоятельные торговые предприятия), пользующиеся правами юридического лица.

Универсам имеет в своем составе целый ряд магазинов, правовое положение которых аналогично правовому положению магазинов, входящих в состав торгов. Поэтому универсам правильнее считать не магазином, а крупным торговым предприятием.

В настоящее время на местах созданы специализированные торговые предприятия по отдельным отраслям розничной торговли, которые непосредственно подчинены управлениям торговли местных Советов депутатов трудящихся.

Торговые предприятия могут иметь отделения.

Отделения следует считать филиалами соответствующих торгов.

«Филиал — это составная часть юридического лица, осуществляющая на определенной территории (вне обычного места деятельности юридического лица) все или часть его функций»³.

Отделения официально юридическими лицами не признаны, руководители их действуют на основании доверенности от руководителя торгового предприятия. С другой стороны, отделения действуют на основании утвержденных положений, имеют собственные оборотные средства и в соответствии с этим самостоятельно заключают договоры и несут самостоятельную ответственность по своим

¹ См. Л. С. Джомарджидзе. Этапы развития и правовое положение торговых предприятий. Сборник научных работ МИНХ, 1955 г.

² В настоящее время в УССР такими торговыми организациями являются «Укрювелирторг» и «Укрлесстройторг».

³ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, стр. 369.

обязательствам. Ни устав торго, ни положение об отделении не предусматривают возможности их взаимной ответственности. Такая непоследовательность в правовой регламентации этих филиалов не может быть признана нормальной. Филиалу могут быть выделены оборотные средства, может быть предоставлено право использования их на определенные цели. Однако филиал не может быть полностью обособлен в финансовом и организационном отношении от образующей его организации. В данном случае оборотные средства филиалов — отделений должны входить в сумму оборотных средств торгов. Филиалам может быть предоставлено (и это целесообразно в целях наибольшего уточнения условий договоров!) право заключения договоров, но не от своего имени, а от имени образовавшего их торго. Филиалам может быть предоставлено право непосредственных расчетов по заключенным ими договорам из тех средств, которые им выделены, но это не означает самостоятельной ответственности филиалов. В случае недостаточности сумм, имеющих на счете филиала, недостающее может быть взыскано с самого организовавшего их торго. И, наоборот, по долгам торго взыскание может быть, при недостаточности оставшихся у него средств, обращено на оборотные средства, выделенные его филиалам. Следовательно, в положениях о таких отделениях следует ясно зафиксировать, что они являются филиалами образовавших их торгов, руководители их действуют по доверенности от торго, имеют право заключения хозяйственных договоров, учитывающих интересы филиала, от имени торго, наконец, следует зафиксировать взаимную субсидиарную ответственность торго и его филиала.

Демократический централизм в управлении народным хозяйством означает максимальное развитие инициативы местных организаций, их оперативности и самостоятельности при сохранении централизованного руководства по основным, принципиальным вопросам.

Закон от 10 мая 1957 года «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» осуществил коренную перестройку хозяйственного аппарата в промышленности и строительстве в целях полнейшего осуществления принципов демократического централизма. Осуществление принципов демократического централизма в области торговли должно привести к некоторым изменениям в аппарате государственной торговли.

Во-первых, возрастает роль торгов, как основных государственных торговых предприятий. Необходимо издание нового Положения о торгах, которое отразило бы не только взаимоотношения торго с другими организациями и предприятиями,

но и многообразии взаимоотношений между структурными звеньями внутри торгога.

Во-вторых, следует четко урегулировать положение местных Управлений торговли.

Местные Управления торговли, надо полагать, являются основными звеньями государственного управления торговлей.

В-третьих, необходима более четкая правовая регламентация торгов, входящих в системы республиканских хозяйственных контор. Их уставы должны быть приведены в соответствие с новым Положением о торгах. Подчиненные им отделения следует считать филиалами. Филиалы торгов не могут иметь полную самостоятельность, а должны иметь внутренний хозрасчет (с правом самостоятельной оплаты своих долгов), директора филиалов могут заключать договоры только от имени торгога по доверенности от имени последнего. Торг должен нести полную ответственность по обязательствам филиалов.

Эти вопросы правового оформления торговых организаций и предприятий требуют скорейшего разрешения в целях более четкого регулирования товарооборота.

Аспирант С. К. ВЕТКИН

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЕЖКОЛХОЗНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

1. Контрольными цифрами развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы предусматривается небывалый рост строительства в колхозах.

Значительное увеличение объема строительных работ в колхозах влечет за собою создание новых организационных форм строительства.

Одному колхозу не под силу приобретение необходимого количества строительных механизмов, станков, автомашин. Кроме того, в хозяйстве одного колхоза их невозможно использовать на полную мощность.

Вот почему XX съезд Коммунистической партии Советского Союза рекомендовал в тех районах, где это экономически выгодно, создавать межколхозные строительные организации, позволяющие максимально механизировать и индустриализировать строительные работы, а следовательно, быстрее и при меньших затратах сооружать различные постройки.

Выполняя указания XX съезда КПСС, колхозы начали создавать межколхозные строительные организации, сосредоточивающие в своих руках непосредственное осуществление строительных работ в колхозах-пайщиках.

Первые организации такого рода начали возникать сразу же после XX съезда КПСС.

К маю 1956 года только на Украине их было создано уже 39, к дню строителя, т. е. к 12 августа 1956 года — 65¹, а на 1 октября 1957 года таких организаций на Украине насчитывалось уже 316, причем пайщиками их состояло около семи тысяч колхозов.

Характерно, что в ряде случаев межколхозные строительные организации возникали на базе межколхозных предприятий по производству строительных материалов, число которых к осени 1957 года на Украине достигло 134, а иногда — на ба-

¹ Радостный всенародный праздник, Сельское строительство, № 8, 1956 г., стр. 2.

зе товариществ, созданных для строительства межколхозных электростанций, функции которых расширялись, как это, например, имело место в Плисковском районе Винницкой области¹.

В оформлении вновь создаваемых организаций важную роль сыграл опыт работы межколхозных электростанций. Опыт этот вместе с опытом работы первых колхозных предприятий по производству стройматериалов и строительных организаций был положен в основу для разработки Примерного положения о межколхозной строительной организации, утвержденного Министерством сельского хозяйства и Министерством городского и сельского строительства Союза ССР, 16—21 ноября 1955 г.².

На основе этого Примерного положения Главколхозстроем Министерства городского и сельского строительства УССР было разработано Примерное положение о межколхозной строительной организации³.

2. Межколхозная строительная организация (Межколхозстрой) создается за счет колхозов-участников, из взносов которых первоначально образуются ее основные и оборотные средства.

Примерное положение СССР ничего не говорит о принципах определения размера паевых взносов каждого колхоза. Примерное же положение УССР указывает, что размер этот может определяться объемом строительных работ, запланированных в колхозах-участниках, суммой капиталовложений на счет неделимых фондов, наличием пахотной или облагаемой земли. Практика, однако, знает и распределение всех расходов по созданию межколхозной организации поровну между всеми участниками.

При создании Веселовского Межколхозстроя был применен следующий принцип определения размера паевых взносов колхозов.

Было подсчитано, что основные фонды по затратам на приобретение необходимого оборудования будут выражаться в сумме 200 тыс. рублей или 10% к объему работ 1956 года. Ис-

¹ См. Г. Степанов, Хорошая инициатива, Сельское строительство, № 7, 1956 г., стр. 6.

² Кроме того, теми же Министерствами утверждено Примерное положение о межколхозных предприятиях по производству местных строительных материалов. Содержание этих обоих положений изложено в статье «Положение о межколхозных организациях по строительству и производству строительных материалов», см. журнал «Сельское строительство», № 3 за 1956 г.

³ Примерное положение о межколхозной строительной организации, издание Главколхозстроя Министерства городского и сельского хозяйства УССР, Киев, 1956 г. В этой статье Примерные положения, утвержденные Министерствами СССР и УССР для краткости обозначаются: Примерное положение СССР и Примерное положение УССР.

ходя из этого, паевое участие каждого колхоза в Межколхозстрое определялось в размере 10% от объема строительных работ текущего года¹.

В Царичанском Межколхозстрое размер вноса был определен в зависимости от экономической мощности колхозов-участников².

В Борисовском Межколхозстрое Белгородской области размер вноса определялся из расчета 20 рублей с каждого гектара закрепленной за колхозом земли. А в Верхне-Рогачикском районе, Херсонской области, при создании Межколхозстроя все расходы были распределены между участниками поровну³.

Хотя последний принцип и не предусмотрен Примерным положением УССР и не может быть рекомендован как общее правило, в отдельных случаях он может оказаться целесообразным: если, например, участники Межколхозстроя по экономической мощности примерно равны, а меньший объем работ для одного колхоза в текущем году по намеченному плану будет компенсирован значительным увеличением объема работ в следующем году и наоборот.

Что касается погектарного принципа, то нельзя согласиться с З. С. Беляевой, отвергающей этот принцип полностью⁴.

Погектарный принцип позволяет учитывать перспективы развития колхоза, а следовательно, и объем строительно-монтажных работ в этом колхозе в будущем.

Таким образом, наличие нескольких принципов определения размеров паевых взносов колхозов в Межколхозстрой позволяет наиболее правильно учитывать не только планы строительства данного колхоза на ближайшее время, но и перспективы развития этого колхоза.

Взносы производятся как деньгами, так и материальными ценностями, а также путем передачи Межколхозстрою подсобных предприятий, различных помещений, оборудований и т. п.

В тех районах, где до образования Межколхозстроя существовали межколхозные предприятия по производству строительных материалов, они, как правило, передавались Межколхозстрою в счет взносов.

¹ Опыт работы Веселовской районной колхозной строительной организации. Издание Министерства городского и сельского строительства УССР, Киев, 1956, стр. 4.

² И. Курькин. Межколхозная строительная организация, Партийная жизнь № 12, 1956 г., стр. 70.

³ А. Канаров. Объединенными усилиями. Сельское строительство № 6, 1956 г., стр. 7.

⁴ З. С. Беляева. Правовое положение межколхозных строительных организаций, Советское государство и право, 1957 г., № 1. Позднее З. С. Беляева высказалась за этот принцип. См. З. С. Беляева, Правовое положение межколхозных организаций, 1958, стр. 17.

Если стоимость передаваемого имущества превышает размер взноса, принятого на себя по договору, то колхоз-участник получает соответствующее возмещение.

На практике новое оборудование и транспортные средства передаются Межколхозстрою в счет паевого взноса по балансовой стоимости, а бывшие в употреблении — по стоимости с учетом износа.

3. Образование Межколхозстрою оформляется письменным договором, в котором должны быть указаны: состав участников, размер и сроки уплаты взносов, порядок оплаты труда, условия расчета за выполненные работы и другие условия.

Содержание договора определяется Примерным положением СССР. Примерное положение УССР прямо ничего не говорит о содержании договора, отмечая лишь, что «юридическим документом о создании «Межколхозстрою» является протокол собрания уполномоченных колхозов, подписанный всеми уполномоченными и утвержденный райисполкомом»¹.

Сопоставление же функций собрания уполномоченных, содержащихся в ст. 7 Примерного положения УССР с указанным выше содержанием договора приводит к выводу, что и в УССР в протоколе первого собрания уполномоченных должны быть указаны все перечисленные выше условия, за исключением условий расчета за выполненные работы и что, следовательно, «протокол» первого собрания уполномоченных, который должен быть подписан уполномоченными от всех колхозов-участников, представляет собой не что иное как договор.

Условия расчета за выполненные работы — один из важнейших моментов договора подряда. Практика уже показала, что при производстве подрядных работ Межколхозстроем (а эти работы могут производиться только при условии заключения специального подрядного договора) неизбежны значительные отклонения от норм, общепринятых в договоре строительного подряда. Поэтому условия расчета за выполненные работы следует включать в договор об образовании Межколхозстрою, как этого требует Примерное положение СССР.

Нередко в договорах об образовании Межколхозстрою указывается, какова должна быть собственная производственная база строительной организации. Такие указания содержит, например, договор об образовании Межколхозстрою в Палемском районе, Пензенской области².

Ст. 2 Примерного положения УССР гласит: «Вопрос о принятии колхозами участия в «Межколхозстрое» решается на общих собраниях колхозов, на которых избираются уполномо-

¹ Ст. 3 Примерного положения УССР.

² А. М а н е в и ч. Первая районная межколхозная строительная организация в области, Сельский строитель, № 6, 1956 г., стр. 10.

моченные в количестве 2—3 человек от каждого колхоза». Затем, как мы уже видели, уполномоченные подписывают протокол, который подлежит утверждению райисполкомом. Таким образом, получается, что общие собрания колхозов не рассматривают основных положений договора, не утверждают его, а лишь решают вопрос, участвовать им в Межколхозстрой или нет.

Вместе с тем, такие вопросы, как размер взноса, как установление перечня имущества, вносимого в качестве взноса в Межколхозстрой, могут быть решены только общим собранием колхоза.

Поэтому следовало бы установить такой порядок, при котором протокол первого организационного собрания уполномоченных обсуждался бы на общих собраниях колхозов, а затем уже с соответствующими изменениями и дополнениями рассматривался бы райисполкомом.

4. Межколхозстрой — социалистическая организация. Отсюда вытекает принцип государственного руководства ее деятельностью.

Государственное руководство прежде всего находит свое выражение в том, что райисполком утверждает не только договор (протокол) об образовании Межколхозстроя¹, но и решение собрания уполномоченных о его ликвидации², т. е. контролирует законность и целесообразность создания Межколхозстроя и прекращение его деятельности.

Непосредственное организационное и техническое руководство деятельностью «Межколхозстроя» осуществляется районным отделом по строительству в колхозах³.

Примерное положение о районном отделе по строительству в колхозах утверждено Министерством городского и сельского строительства СССР 13 января 1956 года⁴.

На районный отдел по строительству в колхозах возлагается осуществление организационно-технического руководства межколхозными строительными организациями, организация обеспечения их оборудованием и материалами, типовыми проектами и другой технической документацией, а также осуществление контроля за ходом и качеством строительства, производством строительных материалов и соблюдением правил застройки.

5. Межколхозстрой является юридическим лицом⁵. Юридическим документом о создании Межколхозстроя является

¹ Ст. 3 Примерного положения УССР.

² Ст. 46 Примерного положения УССР.

³ См. ст. 6 Примерного положения УССР.

⁴ Примерное положение о районном отделе по строительству в колхозах, Сельский строитель, № 2, 1956 г., стр. 31.

⁵ Ст. 4 Примерного положения СССР, ст. 4 Примерного положения УССР.

договор (в УССР протокол собрания уполномоченных), подлежащий утверждению райисполкома. Однако полезно было бы, чтобы каждая Межколхозная строительная организация действовала на основании Положения (Устава), утверждаемого конкретно для данной организации собранием уполномоченных, как это предусмотрено ст. 47 Примерного положения УССР.

В договоре трудно, да и нецелесообразно регламентировать все стороны деятельности и организации Межколхозстроя так подробно, как они регламентируются Положением. Кроме того, специфика местных условий неизбежно должна повлечь за собой целый ряд изменений и дополнений Примерного положения в каждом конкретном случае.

Имущество Межколхозстроя обособлено от имущества его членов. Межколхозстрой имеет самостоятельный баланс. Вся совокупность паевых взносов колхозов-участников образует уставный фонд Межколхозстроя, распадающийся на основные и оборотные средства.

Управление по строительству в колхозах Министерства городского и сельского строительства СССР разъяснило, что размер основных средств межколхозной строительной организации может быть определен в 10—15% от объема намечаемых строительных работ в ближайшем году (в государственных сметных ценах), а размер оборотных средств — примерно в 15% от той же суммы¹.

Следовательно, размер уставного фонда должен составлять 25—35% от годового объема строительных работ.

Такое соотношение размеров основных и оборотных средств далеко не всегда выдерживается. Так, например, при создании Ставищанской межколхозной строительной организации (Киевской области) общая сумма взносов составила 1 млн. 800 тысяч рублей, из которых на образование основных средств было ассигновано 1 млн. 720 тыс. рублей², а при создании Межколхозстроя в Палемском районе, Пензенской области, из общей суммы взносов в 420 тыс. рублей на приобретение механизмов, оборудования и аренду помещений было направлено 345 тыс. рублей³.

Примеры эти не единичны. Нам представляется, что необходимо усилить контроль за соотношением основных и оборотных средств и приведением их в соответствие с указаниями Министерства городского и сельского строительства СССР, ибо в противном случае обеспечение бесперебойной работы

¹ Консультация, Сельский строитель, № 7, 1956 г., стр. 39.

² Создаем собственную производственную базу, Сельский строитель, № 7, 1956 г., стр. 3.

³ А. Маневич. Первая межколхозная строительная организация в области, Сельский строитель, № 7, 1956 г., стр. 19.

Межколхозстрой требует от колхозов-участников дополнительных взносов, которые нужно будет направить на пополнение собственных оборотных средств.

Помимо уставного фонда, Межколхозстрой имеет амортизационный фонд, фонд расширения и укрепления организации.

Амортизационный фонд образуется за счет отчислений от стоимости основных средств. Размер отчислений устанавливается Советом Межколхозстрой применительно к нормам, действующим в аналогичных государственных строительных организациях.

Средства эти используются на капитальное строительство, капитальный ремонт, приобретение оборудования и механизмов¹.

Фонд председателя Совета Межколхозстрой предусмотрен только Примерным положением, действующим в УССР. Размер и порядок его образования устанавливается собранием уполномоченных. Использоваться этот фонд должен для поощрения передовых работников Межколхозстрой. Надо полагать, что образование этого фонда должно проводиться на таких же началах, как и в промышленных предприятиях.

Фонд расширения и укрепления Межколхозстрой образуется за счет ежегодных отчислений от прибыли. Размер отчислений Примерным положением СССР установлен не менее 30%, а Примерным положением УССР — не менее 80% прибыли. Фонд этот расходуется на капитальные вложения и пополнение собственных оборотных средств. Кроме того, если в результате деятельности Межколхозстрой будут иметь место убытки, они в первую очередь покрываются из средств этого фонда. При недостаточности указанных средств убытки покрываются колхозами-пайщиками пропорционально их паевому взносу и без каких-либо ограничений.

Нельзя не согласиться с З. С. Беляевой, полагающей, что данное обстоятельство не свидетельствует о дополнительной ответственности колхозов за долги Межколхозстрой, ибо дополнительная ответственность — это всегда ответственность перед третьими лицами². Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о самостоятельной имущественной ответственности Межколхозстрой.

Межколхозстрой имеет свой расчетный счет и особые счета капитальных вложений и капитального ремонта в банке.

Все строительные работы, проводимые Межколхозстроем для колхозов-участников, равно как и для иных организаций, проводятся только при условии заключения подрядного до-

¹ Ст. 21 Примерного положения УССР.

² З. С. Беляева. Цитированная статья, стр. 34.

говора и подлежат оплате. Это положение непосредственно вытекает из факта признания Межколхозстройа хозрасчетной организацией.

Межколхозстрой имеет печать со своим наименованием, вступает в обязательства от своего имени (заключает подрядные договоры, договоры поставки и т. д.), ищет и отвечает на суде. Иными словами, Межколхозстрой выступает в гражданском обороте от своего имени.

Правоспособность Межколхозстройа возникает с момента утверждения райисполкомом договора (в УССР протокола собрания уполномоченных колхозов-участников).

Как и всякое юридическое лицо, Межколхозстрой участвует в гражданском обороте через посредство своих органов или через своих представителей.

Собрание уполномоченных, избираемое в указанном выше порядке, является органом, осуществляющим общее наблюдение за работой Межколхозстройа и выполняет следующие функции: избирает Совет Межколхозстройа и ревизионную комиссию, определяет размер и принципы паевого участия, утверждает планы работ и штатные расписания, сметы затрат и административно-хозяйственных расходов, годовой отчет и баланс, распределение прибылей и покрытие убытков, производит оценку имущества, вносимого в счет долевого участия, решает вопрос о принятии новых колхозов в число участников Межколхозстройа, устанавливает порядок оплаты труда работников Межколхозстройа¹.

Примерное положение СССР не предоставляет собранию уполномоченных права избирать Совет Межколхозстройа и ревизионную комиссию, возлагая обязанность избрания Совета на общие собрания колхозов (по 1—2 человека от каждого колхоза), а избрание ревизионной комиссии — на специальных представителей, выделенных по одному от каждого колхоза-участника.

Практика, однако, не только на Украине, но и в других республиках, чаще всего идет по пути, выраженном в Примерном положении УССР, т. е. Совет Межколхозстройа и ревизионная комиссия избираются собранием уполномоченных, как это, например, имело место в Борисовском Межколхозстрое, Белгородской области. Легко убедиться, что права собрания уполномоченных аналогичны правам общего собрания членов кооперативной организации.

Создание органа, подобного собранию уполномоченных, как известно, не предусматривается Положением о порядке строительства и эксплуатации межколхозных электростанций и электроустановок. Функции, аналогичные функциям собра-

¹ Ст. 7 Примерного положения УССР.

ния уполномоченных в межколхозных электростанциях осуществляются частично общими собраниями колхозов, а частично Межколхозным Советом.

С образованием собрания уполномоченных в межколхозной организации сосредоточиваются все права, связанные с распоряжением имуществом Межколхозстроя, известная часть которых в межколхозных электростанциях принадлежала колхозам.

Оставление части прав по распоряжению имуществом; межколхозной электростанции за членами организации приводило к тому, что юридическим лицом признавалась не сама межколхозная электростанция, не предприятие в целом, а его орган — Межколхозный Совет.

«В данном случае, — пишет проф. Д. М. Генкин, — наделение правом юридического лица не самой организации, а ее органа — Совета, — диктуется тем, что электростанция (электроустановка) является общей собственностью создавших ее колхозов и других организаций, и выступление всех собственников в гражданских правоотношениях электростанции, в частности по опуску электроэнергии самим участникам строительства электростанции, явилось бы слишком сложным с организационно-правовой стороны, а потому и нецелесообразным»¹.

Однако наделение правами юридического лица Совета межколхозной электростанции ничего, кроме неопределенности правового положения самой электростанции, являющейся зачастую крупным предприятием, вызвать не могло.

При создании межколхозных строительных организаций указанный недостаток учтен, и вопрос этот успешно разрешен образованием собрания уполномоченных.

Образование собрания уполномоченных влечет за собой пересмотр одного из основных вопросов, связанных с правовым положением межколхозных организаций, вопроса о праве собственности на имущество этой организации. Применительно к Межколхозстрою вопрос этот будет рассмотрен ниже.

Ревизия хозяйственной и финансовой деятельности Межколхозстроя производится ревизионной комиссией, избираемой собранием уполномоченных в количестве 3-х членов и 2-х кандидатов, сроком на два года, как это предусмотрено Примерным положением УССР² или специальным собранием представителей, избранных общим собранием колхозников по одному от каждого колхоза-участника, как это устанавливается союзным актом. В некоторых Межколхозстроях ревизион-

¹ Д. М. Генкин. Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР, Сборник научных работ МИНХ им. Г. В. Плеханова, вып. IX, 1955 г., стр. 36.

² Ст. ст. 36, 37 Примерного положения УССР.

ную комиссию образовали председатели ревизионных комиссий колхозов-участников. Следует считать, что порядок образования ревизионной комиссии, действующий в УССР, представляется более целесообразным, тем более, что и по союзному акту ревизионная комиссия докладывает свои выводы собранию уполномоченных.

Органом, осуществляющим руководство межколхозной строительной организацией, является и Межколхозный Совет, избираемый сроком на два года в количестве 7—9 человек или по одному человеку от каждого колхоза.

Межколхозный Совет самостоятельно разрешает вопросы, связанные с непосредственным хозяйственным руководством. Кроме того он подготавливает вопросы, подлежащие рассмотрению и утверждению собрания уполномоченных.

Решения его принимаются простым большинством голосов при наличии на заседании не менее $\frac{2}{3}$ членов Совета.

Совет избирает из своих членов Председателя Совета и его заместителя, являющихся членами одного из колхозов-участников, утверждает главного инженера Межколхозстроя. Председатель Совета руководит его работой, совершая от его имени (без доверенности) все операции, входящие в круг деятельности Межколхозстроя, в том числе заключает договоры, осуществляет в банке финансовые операции, предъявляет иски и отвечает по искам, принимает и увольняет рабочих и служащих и т. д.

Председатель Совета освобождается от работы в колхозе на период осуществления им функций председателя¹.

Таковы, вкратце, органы Межколхозстроя, как юридического лица.

6. Штат административно-управленческого персонала Межколхозстроя зависит от объема работ и количества подсобных предприятий и при объеме работ в 5 миллионов рублей составляет, как правило, 12—14 штатных единиц.

Рабочие в Межколхозстроях объединяются в бригады. С этой стороны очень интересен опыт Веселовского Межколхозстроя.

Комплектование бригад там было произведено из расчета производства работ расчлененно-поточным методом. Каждая бригада обслуживает 4 колхоза с годовым объемом строительства до 1 млн. рублей. Бригада делится на четыре специализированных звена, за которыми закреплено соответствующее оборудование. Это позволило сократить количество

---

¹ Ст. 10 Примерного положения УССР. Примерное положение СССР предусматривает лишь возможность освобождения председателя Совета от работы в колхозе. Однако, хозяйство Межколхозстроя, как правило, требует наличие освобожденного председателя Совета.

рабочих на 60% по сравнению с количеством рабочих, занятых в обычной колхозной строительной бригаде¹.

Правовое положение подсобных предприятий Межколхозстроя Примерным положением определено предельно кратко: «В случае необходимости Межколхозный Совет может переводить предприятия «Межколхозстроя» по производству стройматериалов и деталей на самостоятельный баланс»². Иными словами, подсобным предприятиям Межколхозстроя может быть предоставлена имущественная самостоятельность. Вместе с тем нельзя признать такого рода предприятия переведенными на полный хозяйственный расчет, ибо по характеру своей деятельности они призваны обеспечивать продукцией только Межколхозстрой, им не дано право участвовать самостоятельно в гражданских правоотношениях. Значит, это так называемый внутренний хозрасчет. Задача его заключается в учете вложенного в продукцию предприятия труда и материалов в сопоставлении с плановой себестоимостью³.

На такого рода хозрасчет могут быть переведены не только предприятия, но и строительные бригады с таким объемом работ как в Веселовском Межколхозстрое и с закреплением за ними определенных механизмов и оборудования.

Рабочая сила Межколхозстроя комплектуется как за счет колхозников, выделяемых колхозами-участниками, так и за счет привлеченных со стороны рабочих.

Порядок выделения колхозников для работы в Межколхозстрое предусматривается подрядными договорами.

Оплата труда колхозников, занятых на работе в Межколхозстрое, производится либо деньгами, либо в трудоднях по выбору самих колхозников. Оплата труда наемных рабочих производится только деньгами.

В том случае, если труд колхозников оплачивается в трудоднях, Межколхозстрой переводит колхозу заработную плату колхозников в денежном выражении, сообщая одновременно колхозу об объеме работ, выполненных каждым колхозником в отдельности.

7. Согласно ст. 1 Примерного положения УССР «Межколхозная строительная организация, созданная на средства колхозов, является их общей собственностью»⁴.

Несмотря на всю категоричность приведенной нормы, анализ соответствующих директивных актов к такому выводу не приводит.

¹ Опыт работы Веселовской районной колхозной строительной организации, Киев, 1956 г., стр. 5—6.

² Примечание к ст. 5 Примерного положения УССР.

³ См. С. Н. Б р а т у с ь. Субъекты гражданского права, стр. 280—281.

⁴ Аналогично и по Примерному положению СССР.

Так, в докладе т. Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 25 января 1956 г.¹, в постановлении январского Пленума ЦК КПСС², в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии³ подчеркивается, что создание межколхозных строительных организаций и предприятий по производству строительных материалов должно проводиться на паевых началах, которые, как известно, присущи кооперативной организации либо акционерному обществу, а не отношениям, возникающим в связи с общей собственностью.

Правовой режим паевых взносов членов кооперативной организации существенно отличается от правового режима долей в общей собственности и вкладов в договоре товарищества.

Так, на паевые взносы, как правило, нельзя обращать взысканий по личным долгам членов кооперативной организации⁴. На долю же в общей собственности всегда может быть обращено взыскание по долгам того из собственников, кому данная доля принадлежит. Даже нормы, регулирующие договор товарищества, разрешают кредитору одного из товарищей обратиться взыскание на долю его в складочном имуществе⁵.

Затем передача паев другим лицам, равно как и передача права участия в кооперативной организации по наследству не допускается. Что же касается доли в общей собственности, то ее всегда можно передать любому другому лицу, например, подарить, а с соблюдением требований ст. 64 ГК и продать. Ст. 286 ГК допускает передачу права участия в товариществе, правда, с согласия на то остальных товарищей.

Наконец, паевые взносы в случае выхода членов из кооперативной организации возвращаются им только по истечении хозяйственного года⁷. Участники же общей собственности вправе в любое время, если противное не установлено договором, требовать выдела своей доли⁸. Аналогично решается вопрос и в договоре товарищества, где, например, при наличии уважительных причин возможен даже досрочный отказ от уча-

¹ См. «Известия» от 3 февраля 1955 г.

² См. «Правда» от 2 февраля 1955 г.

³ См. Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, М., 1956 г., стр. 79.

⁴ Ст. 10 Положения о потребительской кооперации, ст. 23 Положения о промысловой кооперации, § 18 Примерного устава жилищно-строительного кооператива и ст. 24 Положения о кооперации инвалидов, п. 5, ст. 321 ГПК УССР.

⁵ Ст. 293 ГК УССР.

⁶ Ст. 8 Положения о потребительской кооперации, ст. 21 Положения о промысловой кооперации.

⁷ См., например, ст. 21 Положения о промысловой кооперации.

⁸ Ст. 65 ГК УССР.

ствия в товариществе, учрежденном на определенный срок¹. Доля выбывающего товарища определяется согласно балансу на день выбытия².

Примерные положения о межколхозных строительных организациях характеризуют участие колхозов в Межколхозстроях как долевое³, а взносы колхозов как долевые взносы. Однако, правовой режим этих средств позволяет говорить о неточности такой характеристики. Прежде всего, следует прийти к выводу, что на эти средства не может быть обращено взыскание по долгам колхоза. Обращение взыскания на имущество колхоза, переданное им в счет своего взноса Межколхозстрою, означало бы автоматический вывод данного колхоза из числа участников Межколхозстроя и наносило бы серьезный ущерб остальным участникам строительной организации, затрудняя ее деятельность.

Далее, колхозы не могут передать кому-либо свои взносы в Межколхозстрой, не могут переуступить своего права участия в Межколхозстрое. К такому выводу приводит анализ порядка приема новых членов и выхода колхозов из состава Межколхозстроя. Так, вопрос о приеме решается собранием уполномоченных, которое определяет при этом размер взносов, подлежащих уплате вновь принимаемым колхозом⁴. Собрание уполномоченных рассматривает и вопрос о выходе колхоза из Межколхозстроя⁵, определяет порядок и сроки возврата произведенных взносов⁶.

Характерно, что З. С. Беляева, которая исходит в своих выводах из наличия общей собственности колхозов на имущество Межколхозстроя, отмечает: «Собственники... межколхозной строительной организации не могут свободно распоряжаться своими долями, не могут продать свою долю в общей собственности, требовать ее выдела»⁷.

Наконец, в случае выхода колхозов из числа участников Межколхозстроя расчеты с выбывшим участником производятся только после окончания хозяйственного года и после утверждения отчета Межколхозстроя⁸.

¹ П. «г» ст. 289 и ст. 281 ГК УССР.

² Ст. 292 ГК УССР.

³ См., например, ст. ст. 5, 19 Примерного положения СССР и ст. ст. 5, 18 Примерного положения УССР.

⁴ Ст. 41 Примерного положения СССР, ст. ст. 41, 42 и п. «а» ст. 7 Примерного положения УССР.

⁵ Ст. 43 Примерного положения СССР требует утверждения решения о выходе Райисполкомом.

⁶ Ст. 44 Примерного положения СССР, ст. ст. 44, 45 Примерного положения УССР.

⁷ З. С. Беляева. Правовое положение межколхозной строительной организации. Советское государство и право, № 1, 1957 г., стр. 53.

⁸ Ст. 44 Примерного положения СССР, ст. 45 Примерного положения УССР.

Таким образом, правовой режим взносов, производимых колхозами в Межколхозстрой отличен от правового режима доли в общей собственности и даже вкладов в известных видах товариществ и почти полностью соответствует правовому режиму паевых взносов членов кооперативной организации. Поэтому следует признать, что формулировки приведенных выше партийных документов более точно определяют характер взносов колхозов в Межколхозстрой, чем это делают Примерные положения. Вот почему взносы эти следует считать паевыми.

Паевые взносы колхозов и образуют, главным образом, имущество Межколхозстроя и заносятся на его баланс. Как юридическое лицо, находящееся на полном хозяйственном расчете, Межколхозстрой владеет этим имуществом. Исключается возможность установления колхозами какого-либо иного порядка владения указанным имуществом, равно как и возможности споров между колхозами о порядке владения. Следовательно, как и в любом виде кооперации, право владения имуществом Межколхозстроя принадлежит не пайщикам, а специальному юридическому лицу, образованному пайщиками. Как правильно отмечает З. С. Беляева в своей позднейшей работе, имущество межколхозных строительных организаций обособлено от имущества участников этих организаций¹.

З. С. Беляева отмечает, что «основное правомочие собственника — право на хозяйственное обслуживание межколхозной строительной организацией, право требовать от межколхозной строительной организации производства строительного-монтажных работ в колхозе»². Речь идет о праве пользования имуществом и услугами Межколхозстроя. Не вызывает сомнения, что колхозы-пайщики осуществляют это право пользования. Однако, осуществление этого права имеет одну очень существенную особенность: пользование в приведенном выше смысле возможно только договорное и возмездное, колхозы оплачивают все работы, проводимые у них Межколхозстроем, и все строительные материалы, предоставленные им Межколхозстроем, причем суммы эти не входят в счет паевых взносов.

Опять-таки такое положение характеризует не отношения, вытекающие из общей собственности, а отношения, основанные на членстве в кооперативной организации, где «соединение лиц превращается в юридическое лицо, выступает как са-

---

¹ З. С. Беляева, Правовое положение межколхозных организаций, 1958, стр. 41.

² З. С. Беляева. Указанная статья, стр. 52.

мостоятельный носитель имущественных прав и обязанностей не только во вне, но и во взаимоотношениях с членами»¹.

Выше мы подробно рассматривали функции собрания уполномоченных и могли убедиться, что они аналогичны функциям общего собрания членов кооперативной организации. Собрание уполномоченных, как это видно из ст. 8 Примерного положения СССР и ст. 7 Примерного положения УССР, в полном объеме распоряжается имуществом Межколхозстроя. Конечно собрание уполномоченных состоит из представителей всех колхозов-пайщиков. Однако принятые им решения следует рассматривать как акты высшего органа юридического лица, а не как соглашение сособственников. Так, например, Примерные положения СССР не требуют единогласия уполномоченных при принятии решений², а Примерное положение УССР устанавливает даже правило, по которому собрание уполномоченных считается правомочным при явке на собрание трех четвертей общего числа уполномоченных³.

Кроме того, каждый колхоз направляет в собрание уполномоченных не одного представителя, а 2—3 человек, причем у каждого из них могут быть различные мнения по отдельным вопросам, разрешаемым собранием уполномоченных.

Наконец, если бы уполномоченные являлись бы представителями сособственников колхозов, а собрание уполномоченных распоряжалось бы не имуществом, находящимся в собственности Межколхозстроя, а имуществом колхозов-пайщиков, то разрешение даже незначительных вопросов встречало бы известные трудности, ибо уполномоченные обязаны были бы согласовывать свою позицию с общим собранием либо с правлением своего колхоза. Примерными положениями такой порядок деятельности уполномоченных не предусмотрен, что, конечно, не исключает обязанности уполномоченных отчитываться перед общим собранием своего колхоза. Здесь уместно провести аналогию с кооперативным союзом. Как известно, «высшим органом кооперативного союза является собрание уполномоченных, избранных членами кооперативных организаций, являющихся в свою очередь членами кооперативного союза»⁴. Действия собрания уполномоченных в данном случае всегда рассматривались как действия самого кооперативного союза.

В свете изложенного необходимо отметить одно очень интересное обстоятельство. Согласно письму бывшего Сельхозбан-

1 С. Н. Б р а т у с ь. Субъекты гражданского права, стр. 115.

2 Ст. 9 Примерного положения СССР.

3 Ст. 8 Примерного положения УССР.

4 С. Н. Б р а т у с ь, Субъекты гражданского права, стр. 117.

ка СССР от 6 июня 1956 г.¹ для строительства межколхозных предприятий по производству стройматериалов колхозам может быть предоставлен долгосрочный кредит, направляемый колхозами на паевые взносы. Сразу же после предоставления кредита колхозы-пайщики передают свои права распорядителей кредитов Межколхозстрою. По окончании строительства, но не позднее 15 декабря, Межколхозный Совет сообщает банку сведения об использованных за год кредитах по отдельным колхозам, а банк извещает банки по месту нахождения колхозов-пайщиков о сумме выданных каждому колхозу кредитов для оформления срочными обязательствами. Таким образом порядок и сроки выборки кредитов, предоставленных отдельным колхозам на строительство межколхозных предприятий, от этих колхозов не зависит; распоряжаться этим кредитом колхозы не могут, ибо он имеет строго целевое назначение, а выдачи по нему банк производит только после того, как колхозы произвели первый взнос в счет пая из своих собственных средств.

Из сказанного вытекает, что характеристика межколхозной строительной организации как общей собственности колхозов на Межколхозстрой является неточной. Право собственности на имущество межколхозной строительной организации принадлежит самому Межколхозстрою. Имущество это является общим имуществом колхозов-пайщиков лишь в том смысле, в каком имущество колхоза является общим имуществом его членов.

8. Межколхозстрой является добровольной организацией, в которую колхозы входят на началах членства. В основе руководства Межколхозстроем положен принцип самоуправления, в организации используется труд членов всех колхозов-пайщиков, а средства ее складываются, в основном, за счет паевых взносов. Отмечая все эти черты Межколхозстроя, З. С. Беляева приходит к совершенно правильному выводу о кооперативных началах этой организации², но вместе с тем отрицает возможность отнесения Межколхозстроя к типу кооперативных организаций, ибо он «не является субъектом права собственности»³. Мы выше пришли к противоположному выводу, а следовательно, имеем все основания считать Межколхозстрой организацией кооперативного типа. Вместе с тем, он существенно отличается от известных видов кооперативных организаций.

¹ О кредитовании колхозов на строительство межколхозных предприятий по производству местных строительных материалов, Сельский строитель, № 8, 1956 г., стр. 29.

² З. С. Беляева. Указанная статья, стр. 57.

³ Там же, стр. 58.

Несмотря на то, что членами Межколхозстроя могут быть только кооперативные организации (колхозы), его нельзя отнести к числу кооперативных союзов. Прежде всего, Межколхозстрой не обязательно должен объединять все колхозы данной местности, кроме того, он координирует только часть производственной деятельности своих членов, а именно, ту деятельность, которая связана со строительством, да и то не полностью.

Что же касается первичных кооперативных организаций, то Межколхозстрой отличается от них, кроме того, еще и своими целями.

Перед Межколхозстроем стоит одна задача: улучшение дела строительства в колхозах, лучшее использование материальных и денежных ресурсов, более экономное расходование неделимых фондов, внедрение индустриальных методов строительства и т. п.¹.

Ограничение задач Межколхозстроя достижением определенной хозяйственной цели² значительно усиливает в нем, по сравнению с кооперативными организациями, договорные начала, превращая отношения, возникающие между колхозами-пайщиками по поводу образования Межколхозстроя из колхозных правоотношений в гражданско-правовые. Именно этим можно объяснить отсутствие вступительных взносов, возврат выбывающему члену Межколхозстроя всего пая с учетом причитающейся ему суммы прибылей и полагающейся с него суммы убытков. Отсюда вытекают и такие отличительные черты Межколхозстроя: использование пайщиками услуг Межколхозстроя равно как и распределения между ними прибыли, полученной в результате его деятельности, находится в прямой зависимости от размеров пая, а после ликвидации Межколхозстроя его имущество распределяется между колхозами-пайщиками пропорционально внесенным паям.

Гражданско-правовой договор, по которому стороны объединяют свои средства и усилия для достижения общей хозяйственной цели, теснейшим образом переплетается здесь с отношениями, свойственными кооперативной организации. Поэтому нам представляется наиболее правильным характеризовать Межколхозстрой как паевое кооперативное товарищество.

Основные черты этого товарищества можно сформулировать следующим образом:

1) Межколхозстрой создается в результате добровольного объединения средств и усилий нескольких колхозов;

¹ См. ст. 1 Примерного положения УССР.

² Конечно, способствуя улучшению производственной деятельности своих членов, Межколхозстрой косвенно способствует и выполнению политических задач, стоящих перед колхозами.

2) он является юридическим лицом, построенным на основе членства и самоуправления;

3) имущество его состоит из паевых взносов членов Межколхозстроя и доходов, полученных в результате его деятельности;

4) право собственности на это имущество принадлежит самому Межколхозстрою как хозяйственной организации на самостоятельном балансе;

5) члены Межколхозстроя не несут дополнительной ответственности по его долгам.

В настоящее время известно большое количество иных межколхозных организаций (межколхозные электростанции, мельницы, дома отдыха, дома для престарелых, радиотрансляционные узлы и т. п.). В основе каждой из них лежит договор товарищества в той или иной форме. Тщательное изучение и сопоставление этих форм позволило бы сделать общие выводы, которые необходимо положить в основу соответствующей главы гражданских кодексов союзных республик.

Кандидат юридических наук В. С. ШЕЛЕСТОВ

ЭКСПЕРТИЗА КАЧЕСТВА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Коммунистическая партия и Советское правительство неуклонно проводили и проводят в жизнь основные положения марксизма-ленинизма о ведущей и направляющей роли социалистической промышленности в народном хозяйстве. Социалистическая промышленность является главной отраслью народного хозяйства; от ее развития зависит дальнейшее укрепление обороноспособности нашей Родины, значительное повышение материального благосостояния и культурного уровня граждан СССР. Социалистическая промышленность достигла больших успехов. Под руководством Коммунистической партии советский народ на всех этапах развития советского социалистического государства успешно выполняет величественные планы строительства бесклассового коммунистического общества.

Необходимым условием расширенного социалистического воспроизводства является более быстрое развитие производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Преимущественный рост производства средств производства является экономическим законом социалистического общества, поэтому деятельность Коммунистической партии сообразуется с этим законом.

Грандиозные задачи по укреплению и дальнейшему развитию производительных сил страны наметил XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, который рассмотрел и утвердил «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы».

Семилетний план исходит из того, чтобы в 1965 г. повысить уровень промышленного производства по сравнению с 1958 г. примерно на 80 процентов, в том числе производство средств производства возрастет на 85—88 процентов, а производство предметов потребления — на 62—65 процентов¹.

¹ См. Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы (Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, Госполитиздат, 1959, стр. 185).

В условиях советской действительности качество товаров народного потребления приобретает актуальнейшее значение. Без систематического улучшения качества продукции социалистических предприятий и организаций не могут быть решены вопросы наиболее полного удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Борьба за дальнейшее повышение качества продукции народного потребления является одной из самых существенных задач в деле выполнения решений Партии и Правительства о систематическом подъеме благосостояния советских граждан. Постоянное повышение качества продукции составляло и составляет одну из главных забот нашей Партии и Правительства, оно внутренне присуще советскому социалистическому строю. С особой силой вопросы качества продукции были подняты XXI съездом КПСС¹.

Формы организации производства и методы управления многоотраслевым народным хозяйством СССР из года в год совершенствуются. Проведенная по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР коренная реорганизация управления социалистической промышленностью и социалистическим сельским хозяйством требует дальнейшего и серьезного улучшения дела борьбы за качество продукции народного потребления, а также изменения организационной структуры органов, ведущих эту работу.

Большое значение советское право отводит экспертизе качества товаров народного потребления — одному из средств, при помощи которого осуществляется борьба за качество продукции.

Экспертизой называется заключение, даваемое сведущими лицами, по поводу тех или иных фактов. Обычно, правовые вопросы экспертизы связываются с институтами процессуального права: гражданского или уголовного. Процессуальные кодексы указывают на то, что при разборе вопросов, требующих специальных познаний, суд может назначить экспертов (см., например, ст. 172 ГПК УССР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик). Экспертиза в процессе происходит как в стадии досудебной подготовки, так и в стадии рассмотрения дела в судебном заседании. Однако, экспертиза может иметь значение и независимо от процессуальных проблем. В деле борьбы за качество продукции экспертиза является также средством подготовки материалов по возможному

---

¹ См. доклад Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС и резолюцию XXI съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». (Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, Госполитиздат, 1959, стр. 37, 150).

спору; экспертиза важна здесь, зачастую, для дачи консультации по поводу свойств продукции; она может привести к решению спорного вопроса и без обращения в суд или арбитраж.

Для проведения экспертизы качества товаров народного потребления существует единая система экспертных органов¹. Экспертные органы призваны, в частности, удовлетворять запросы социалистических предприятий и торгующих организаций по контролю за качеством промышленных и продовольственных товаров, поступающих в торговую сеть для реализации населению. В роли экспертных органов выступают бюро товарных экспертиз, которые состоят при министерствах торговли союзных и автономных республик, краевых, областных, городских управлениях торговли исполкомов соответствующих местных Советов депутатов трудящихся. Об объеме работ, проходимых экспертными органами, и о их роли можно судить по некоторым материалам бюро товарных экспертиз управления торговли исполкома Харьковского областного Совета депутатов трудящихся. Основные показатели работы бюро товарных экспертиз могут быть представлены в следующей таблице:

№№ п. п.	Наименование показателей	Ед. изм.	1957 г.	1958 г.
1	Количество составленных актов экспертиз	шт.	7581	8500
2	Сумма стоимости предъявленных товаров	т. р.	218138,1	252429,6
3	Сумма стоимости товаров по счетам поставщиков	"	336547,7	241239,7
4	Сумма уценки	"	18821,2	17295,0
5	Сумма стоимости забракованных товаров	"	12016,3	13878,7
6	Направлено в прокуратуру материалов	шт.	123	116

Приведенные данные свидетельствуют о том, как из года в год увеличивается количество товарных экспертиз, повышается сумма забракованных товаров в связи с предъяв-

¹ Экспертиза качества товаров производится также экспертными органами, состоящими при Всесоюзной торговой палате. Однако эти органы проводят экспертизу качества, как правило, импортных товаров, а также товаров отечественного производства, предназначенных для промышленного потребления. Эти вопросы регламентируются положением «Об отделе товарных экспертиз» Всесоюзной торговой палаты, утвержденным решением Президиума Всесоюзной торговой палаты от 10 января 1955 г.

В отдельных случаях экспертиза проводится Государственной инспекцией по качеству товаров Министерства торговли УССР. (См. постановление Совета Министров УССР от 11 июля 1958 г. № 886 «Об утверждении Положения о Государственной инспекции по качеству товаров Министерства торговли УССР» — СП УССР 1958 г. № 7, ст. 131).

нием потребителями повышенных требований к качеству продукции, улучшается сигнализация о фактах выпуска и поставки социалистическими предприятиями и организациями товаров, не соответствующих по своим технико-экономическим показателям действующим государственным стандартам и техническим условиям, увеличивается количество товаров, которые подвергаются проверке со стороны бюро товарных экспертиз и т. д. Все это указывает на все возрастающую роль бюро товарных экспертиз, как органа, призванного стоять на страже общегосударственных интересов в деле борьбы за качество продукции.

Бюро товарных экспертиз функционирует на началах самокупаемости и содержится за счет специальных средств, поступающих за производство экспертиз. Работа бюро товарных экспертиз строится в соответствии с Типовым положением, предусматривающим права и обязанности бюро товарных экспертиз¹. В соответствии с действующим положением бюро товарных экспертиз производит экспертизу соответствия товаров по качеству государственным стандартам, техническим условиям (кондициям) и договорам. Иногда экспертиза ограничивается суждением о сортности и соответствии государственным стандартам, иногда ее привлекают для подтверждения определенного факта, который получатель желает зафиксировать. В отдельных случаях экспертиза дает консультации по вопросам о путях устранения недостатков качества продукции.

Так, например, при поставке Харьковской конторе «Укропбакалея» Шерсинянским плодоовощным заводом Винницкой области вишневого джема высшего сорта в количестве 6000 банок возник вопрос о качестве джема. Для определения качества полученной продукции был вызван эксперт, который установил, что поставленный джем по отдельным качественным позициям не соответствует требованиям государственного стандарта № 7009-54. По своим качественным признакам джем не мог быть отнесен ни к одному из сортов, предусмотренных государственным стандартом, или переведен в повидло. На основе объективных данных эксперт, руководствуясь ГОСТом № 7009-54, дал заключение о несоответствии поставленной продукции действующему государственному стандарту.

В другом случае по заявке специализированного магазина № 7 «Харьковтекстильшвейторг» эксперт вызывался для опре-

---

¹ Типовое положение о бюро товарных экспертиз при Министерстве торговли союзной (автономной) республики, краевом, областном, городском отделе торговли утверждено приказом Министра торговли СССР от 19 июля 1951 г. № 572 «О мерах по улучшению работы бюро товарных экспертиз».

деления качества шелковых тканей, поставленных Харьковской облторгбазой «Укропттекстильторг». Экспертизе было предъявлено полотно штапельное производства 1-й ситценабивной Московской фабрики в количестве 3114,05 м. Осмотром установлено, что на 30 кусках полотна арт. 4212, 1 с, в количестве 1173,55 м имелись местные пороки внешнего вида (пятна до 2-х см), допустимые только в тканях 3-го сорта, а на 53 кусках полотна арт. 4212, 1-й с, в количестве 1940,5 м имелись местные пороки (пятна), допустимые в тканях 1-го сорта. На основании данных осмотра и руководствуясь ГОСТом № 187-41, эксперт установил, что 1173,55 м полотна штапельного арт. 4212 подлежит переводу из первого в третий сорт, а 1940,5 м полотна штапельного арт. 4212, 1-й с, следует сохранить в сортности товаропроизводителя. Так, при помощи проведенной экспертизы заинтересованным сторонам удалось правильно определить качество и сортность продукции и избежать продажи населению товара низшего сорта по цене высшего сорта.

Бюро товарных экспертиз определяет полноценность товаров, размеры снижения стоимости в случаях понижения качества товаров в пределах сортности и качественных показателей, предусмотренных ГОСТами, техническими условиями, правилами разбраковки, а также устанавливает причины, вызвавшие снижение качества. В отдельных случаях бюро товарных экспертиз проверяет наличие производственной марки и товарного знака на тех товарах, для которых они являются обязательными или же проверяет правильность маркировки товаров и ее соответствие требованиям стандартов и технических условий. Харьковская швейная фабрика им. Тинякова, получив от Харьковской облторгбазы «Укропттекстильторг» бязь арт. 21 производства Бакинского текстильного комбината им. Ленина, обнаружила ненадлежащую маркировку ткани. В связи с этим был вызван эксперт бюро товарных экспертиз, которому было предъявлено 29043,95 м бязи на предмет определения правильности ее маркировки. В результате осмотра установлено, что на всех кусках тканей имелись наклеенные ярлыки из тонкой бумаги, вместо ярлыков из плотного картона. Эксперт, руководствуясь ГОСТом № 640-51, дал заключение о том, что маркировка предъявленной партии бязи не соответствует правилам ГОСТа.

Большая роль возлагается на бюро товарных экспертиз по контролю за выработкой качественных показателей продукции широкого потребления, изготовляемой предприятиями местной промышленности и промысловой кооперации. На эти органы возлагается разработка и утверждение технических

условий и образцов¹. До окончательного утверждения проекты технических условий и образцы изделий направляются для согласования в управления торговли исполкомов областных, краевых, городских Советов депутатов трудящихся, а также для заключения — в бюро товарных экспертиз. В 1958 г. бюро товарных экспертиз управления торговли исполкома Харьковского облсовета депутатов трудящихся дало 83 заключения на технические условия и образцы товаров, впервые осваиваемых предприятиями и организациями местной промышленности и промысловой кооперации. В этих случаях бюро товарных экспертиз детально рассматривает представленные материалы и дает свое заключение на технические условия, отмечая при этом возможность обеспечения по этим техническим условиям выпуска доброкачественной продукции и соответствие образца техническим условиям, а также отсутствие ГОСТов на указанную продукцию. Так, например, Киевский райместпромкомбинат Харьковского облместпрома обратился с заявкой в бюро товарных экспертиз дать заключение на бритвенный прибор (ТУ и образец). Эксперт в своем акте отметил целый ряд серьезных недостатков по техническим условиям, в частности: неполное описание, неточные размеры, отсутствие отработанных требований по дефектам для 1 и 2 сортов, отсутствие раздела о хранении и транспортировании и т. д. В связи с наличием таких дефектов эксперт дал заключение о том, что технические условия на бритвенный прибор требуют коренной переработки, образцы должны быть заменены, снабжены пломбами и товарными ярлыками. В этом заключении также отмечалось, что на бритвенный прибор из отходов алюминия ГОСТов или ОСТов не имеется.

В другом случае тот же райместпромкомбинат просил дать заключение на технические условия и образцы шерстяных и полушерстяных головных платков. В акте экспертизы указывалось на то, что технические условия составлены в соответствии с требованиями, обеспечивающими качественный выпуск экспертируемых товаров, образцы соответствуют техническим условиям.

Особо Типовое положение о бюро товарных экспертиз указывает на возможность выделения экспертов-консультантов для участия в комиссиях, создаваемых торгующими организациями, для определения недостатков в товарах, появившихся

¹ См. постановление Совета Министров СССР от 2 марта 1957 г. № 225 «О передаче на решение Советов Министров союзных республик вопросов, связанных с утверждением рецептур, технических условий, стандартов и розничных цен на продовольственные и промышленные товары» (СП СССР 1957 г. № 4, ст. 41); постановление Совета Министров УССР от 3 июня 1957 г. № 554 «О порядке утверждения рецептур, технических условий, стандартов и розничных цен на продовольственные и промышленные товары» (СП УССР 1957 г. № 10, ст. 115).

при хранении в торгующих организациях и не являющихся результатом производственных дефектов. В отдельных случаях бюро товарных экспертиз принимает участие в количественной приемке товаров, когда это необходимо для определения качественного состояния товаров (бой или повреждение товаров при перевозках, определение соотношения рассола и продукта в товарах, залитых рассолом и т. д.), а также при проверке соответствия содержания товара в фабричной розничной фасовке количеству, указанному в этикетке. Так, например, база № 1 Харпромторга получила от Харьковской базы «Укроптгалантерея» различные парфюмерные изделия производства Ленинградской фабрики «Северное сияние» и Харьковской парфюмерной фабрики № 2. Эксперту были предъявлены духи и одеколон в количестве 13840 флаконов для определения характера их боя. В акте экспертизы указывалось, что трещины донышек, плечиков, горловины флаконов произошли под влиянием остаточных термических напряжений в стекле при их обжиге. Трещины корпусов флаконов образовались вследствие неоднородной толщины стекла флаконов. По этим причинам произошел бой 30 флаконов духов и одеколону, которые были признаны браком. В этом случае дело шло, собственно, не о качестве продукции, а о причинах, которые привели к снижению качества.

Вопросами определения количества поставляемой продукции экспертные органы отдельно не занимаются; они исследуют эти вопросы лишь в тех пределах, которые требуются для определения качества продукции. Основные условия поставки товаров народного потребления также указывают лишь на случаи участия экспертов бюро товарных экспертиз при проведении получателями качественной приемки¹. По группе промышленных товаров эксперты бюро товарных экспертиз привлекаются в обязательном порядке к участию в качественной приемке продукции в тех случаях, когда представитель поставщика (изготовителя) или предприятия промышленности в месте нахождения получателя не явился по вызову (если такой вызов обязателен), а также при наличии разногласий между получателем и поставщиком по вопросам оценки качества продукции. В таком же порядке определяются основания для участия экспертов бюро товарных экспертиз по группе продовольственных товаров. Однако здесь обязателен вызов экспертов для участия в качественной приемке товаров лишь в том случае, если в месте нахождения

---

¹ См., например., п. 9 инструкции о приемке промышленных товаров по качеству; п. 32 инструкции о порядке сдачи — приемки продовольственных товаров по количеству и качеству (Сборник основных и особых условий поставки, выпуск 2, Госюриздат, М., 1956, стр. 447, 494).

получателя отсутствуют органы государственной отраслевой инспекции по качеству.

Бюро товарных экспертиз проводят экспертизы качества товаров по заявкам заинтересованных социалистических предприятий и организаций всех министерств и ведомств. Обязанность по вызову эксперта возлагается на получателей товаров. По своей собственной инициативе бюро товарных экспертиз не может направлять экспертов на предмет определения качества продукции. Здесь всегда требуется инициатива со стороны организаций, получающих товары. Зачастую экспертиза качества товаров производится не по вызовом сторон, а по требованию иных организаций. Особо часты случаи проведения экспертизы по требованию Министерства торговли УССР, местных органов государственной власти, арбитражных органов, управлений торговли, а также по ходатайству торговых инспекций. В этих случаях эксперты бюро товарных экспертиз определяют качество товаров, находящихся в промышленных предприятиях и торгующих организациях и непосредственно предназначенных для потребителя. Так, по предложению управления торговли исполкома Харьковского облсовета депутатов трудящихся была произведена экспертиза мебели в магазине № 1 промартели «Заря». Эксперту было предъявлено несколько диванов. В связи с наличием дефектов эксперт, руководствуясь ГОСТом № 6088-51, дал заключение о том, что диваны следует считать браком, который устраним только в производственных условиях; в виду этого диваны были сняты с продажи. В другом случае по ходатайству главного госторгинспектора по Харьковской области был выделен эксперт для экспертизы лаковой дамской обуви. Экспертизе предъявлены 68 пар женских лаковых туфель производства артели им. Шмидта. При осмотре оказалось туфель женских арт. 4544 ВА II с.— 28 пар и III с.— 40 пар; экспертируемая обувь выпуска прошлых лет, устаревших фасонов, потерявшая товарный вид и товарные качества, имела тонкую подошву из рантовой кожи, нависание задников на каблуки, осыпание и трещины лака, пропуски стежков при пошиве обуви. Руководствуясь ТУ № 49753, эксперт в акте экспертизы указал: 1) туфли женские арт. 4544 ВА II с.— 28 пар и III с.— 40 пар по наличию дефектов являются браком и не могут быть допущены к реализации в торговой сети, 2) поскольку дефекты обуви устранить невозможно, обувь может быть реализована только в магазинах уцененных товаров с уценкой на 70% от цены первого сорта.

В отдельных случаях представители бюро товарных экспертиз не могут принимать участия в экспертизах. Это относится к производству товарных экспертиз для прокурорско-след-

ственных органов, поскольку бывшим Министерством торговли СССР запрещено производить экспертизы для этих органов. При этом бюро товарных экспертиз ограничивается лишь общими рекомендациями о возможности использования того или иного эксперта. Эти рекомендации, конечно, не являются обязательными для прокурорско-следственных органов.

Существующий порядок привлечения экспертов бюро к производству экспертиз не соответствует современным требованиям. В практике работы хозяйственных организаций наблюдаются случаи негосударственного подхода к вопросам определения качества продукции, поставляемой одной социалистической организацией другой.

Так, в 1957 г. бюро товарных экспертиз при управлении торговли исполкома Харьковского облсовета депутатов трудящихся зафиксировало 100, а в 1958 г.—68 отказов социалистических предприятий и организаций от производства экспертиз, поскольку сами изготовители и поставщики договорились о возврате или понижении в сортности заведомо недоброкачественной продукции. Это было сделано для того, чтобы не портить взаимоотношений с изготовителями, а также избежать рекламаций и передачи материалов следственным органам для привлечения виновных к ответственности.

О том, к чему приводит подобная практика, видно из следующего примера. В декабре 1957 г. «Харьковобувь» вызвал эксперта для проведения экспертизы качества обуви, полученной от Харьковской обувной фабрики № 16. Экспертом часть обуви была переведена в пониженный сорт, а часть — забракована. К моменту составления акта экспертизы поступило письмо «Харьковобувь» о том, что торг отказывается от экспертизы. По вопросу ликвидации акта экспертизы в бюро товарных экспертиз приходил также представитель фабрики, который заявил: «Вы этим актом лишаете фабрику переходящего знамени...» Комментарии, как говорят, излишни...

Все это, в известной мере, ослабляет борьбу за качество продукции.

В связи с этим целесообразно в действующее положение внести изменение относительно оснований привлечения экспертов бюро к товарным экспертизам.

Следует включить императивную норму, обязывающую руководителей социалистических предприятий и организаций *во всех случаях поставки недоброкачественной продукции вызывать экспертов бюро товарных экспертиз.*

Объектами экспертизы являются продовольственные и промышленные товары, тара и упаковочные материалы. Экспертиза определяет качество инвентаря и оборудования, находя-

щегося в эксплуатации торгующих предприятий и организаций¹.

Для осуществления своих функций бюро товарных экспертиз наделяется определенными правами, в частности: правом давать заключения о переводе в низшие сорта или отнесении к браку товаров, по своему качеству не отвечающих показателям, предусмотренным ГОСТами, техническими условиями, согласованным сторонами образцам и договорам; правом консультировать организации и предприятия о возможном использовании продукции, а также о снижении стоимости неполноценных товаров в соответствии с установленными недостатками их качества в случаях, когда действующими прейскурантами и стандартами размеры уценки не предусмотрены. В связи с поставкой Балахнинским бумажным комбинатом Харьковской книжной фабрике им. Фрунзе недоброкачественного древесного картона, фабрика поставила перед экспертизой вопрос об определении процента повреждения древесного картона. Эксперт, установив подмочку товара при его хранении в ненадлежащих условиях, дал заключение о том, что в связи с подмочкой картона произойдет срыв верхних листов кип и повышенный отход при отрезке листов. Поэтому общая потеря, происшедшая в результате подмочки, составляет 25 процентов всей полученной партии древесного картона. В данном случае при помощи консультации, данной экспертом, было установлено количество бумаги, которое может быть использовано фабрикой для производственных нужд.

Для проведения экспертизы устанавливается определенный срок. Его продолжительность зависит от того, относится ли, подлежащая экспертизе продукция к скоропортящимся товарам или нет. Если товар относится к разряду скоропортящихся, то экспертиза проводится не позднее 24 часов. По остальным товарам экспертиза проводится в срок не позднее 72 часов с момента поступления заявки на производство экспертизы. Приступая к производству экспертизы, эксперт должен потребовать для ознакомления все необходимые документы, подтверждающие происхождение товара и качественные показатели, которым должен соответствовать товар. Кроме того, он проверяет счета, сертификаты, качественные удостоверения, железнодорожные накладные, документы о вызове поставщика, приемные документы получателя товара и все остальные документы, которые потребуются для целей экспертизы. Проверяя качество продукции, эксперт руководствуется существующим между сторонами договором, основными и

¹ См. инструкцию «О порядке проведения товарных экспертиз», утвержденную приказом Министерства торговли СССР от 19 июля 1951 г. № 572 «О мерах по улучшению работы бюро товарных экспертиз» и составляющую одно из приложений к этому приказу.

особыми условиями поставки на данный вид продукции и всеми другими документами, обязательными для сторон. В зависимости от характера продукции, экспертиза может проводиться как относительно всей, прибывшей в адрес получателя, продукции, так и относительно ее определенной части, предъявленной бюро товарных экспертиз. Когда представляются для экспертизы образцы из поступившей партии товаров, заключение эксперта относится лишь к качеству этих, предъявленных для экспертизы, образцов.

Процесс производства экспертизы завершается составлением акта. Показатели акта строго регламентированы; на все вопросы, поставленные формуляром акта, должны быть даны ответы. С этой точки зрения особый интерес представляет п. 22 формуляра акта экспертизы, в котором эксперт фиксирует все то, что им было обнаружено при осмотре и исследовании экспертируемой партии продукции. Характеризуя качественное состояние товара в свете этого раздела акта, эксперт должен указать, как можно подробнее, все недостатки товара, установленные для отдельных частей партии в пределах каждого сорта или сослаться на наличие недостатков, послуживших поводом для перевода их в другой сорт, или признания браком, непригодным для реализации населению через торговую сеть. В акте должно быть также указано количество товара, к которому относится каждый из установленных недостатков качества. Акт экспертизы подписывается всеми лицами, принимавшими участие в проводимой экспертизе. При несогласии с мнением эксперта представители сторон должны сделать об этом отметку на самом акте. Иногда это право называют даже специально правом «контроля» над действием эксперта. В одной монографии, например, отмечалось, что «...контроль над заключениями экспертов должны осуществлять и сами потребители, так как неправильное заключение эксперта может повлечь за собой отказ в иске за недоказанностью и, следовательно, в таком случае материальные последствия поставки недоброкачественной продукции падут на потребителя»¹.

Эксперты бюро товарных экспертиз могут отбирать в установленном порядке пробы товаров, когда это требуется для определения их качества и направлять на лабораторное исследование. Отобранная и опечатанная проба товара передается в лабораторию, предусмотренную договором или по указанию бюро товарных экспертиз. О том, какое большое значение имеет соблюдение порядка отбора проб, можно су-

¹ Я. А. Донде, З. М. Фрейдман, Г. И. Чирков. Хозяйственный договор и его роль в снабжении народного хозяйства СССР, Госюриздат, М., 1953, стр. 143.

доть по следующему примеру: Купянский райпотребсоюз Харьковского облпотребсоюза обратился в госарбитраж при исполкоме Харьковского облсовета депутатов трудящихся с иском о взыскании 3029 руб. с Купянского пивзавода за поставку недоброкачественного пива. В числе мотивов, послуживших основанием к отказу в иске, арбитраж указал на то, что пробы для анализа качества пива были отобраны с нарушением установленного порядка их отбора и отправки в лабораторию, в частности, не было указано, из каких мест взяты пробы, пробы были доставлены в лабораторию неопломбированными и неопечатанными.

Завершающим этапом работы эксперта является заключение, основанное на данных осмотра предъявленной для экспертизы продукции и лабораторном исследовании, если таковое производилось. Эксперт в своем заключении фиксирует точное количество товаров, имеющих отклонения от обязательных для них качественных показателей; высказывает свое мнение о причинах образования дефектов, а также высказывается по вопросу о том, может ли быть товар реализован в таком состоянии, как он получен от поставщика. Здесь также указываются меры, которые необходимо принять для предохранения товара от порчи, если товар хранится в ненадлежащих условиях; отмечаются пути приведения забракованного товара, если это возможно по техническим данным, в состояние, пригодное для продажи. Эксперт может обосновывать свое заключение на результатах выборочной проверки лишь в том случае, когда этот способ проверки предусмотрен ГОСТом, техническими условиями, основными и особыми условиями поставки или договором. Если установленные недостатки качества товара могут быть устранены получателем на месте, то эксперт должен определить размер необходимых затрат для приведения товара в годное для продажи состояние, обосновав это соответствующими расчетами. При экспертизе товаров, залитых рассолом, эксперт должен определить фактическое соотношение количества продукции и рассола. Если же экспертиза проводится относительно изделий из стекла, фарфора, фаянса, эксперт особо определяет количество разбитого и поврежденного товара. Экспертам бюро товарных экспертиз запрещается давать указания об уничтожении или отгрузке поставщику товаров, признанных экспертизой недоброкачественными или нестандартными. Эти товары используются в порядке, предусмотренном инструкцией Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 года «О порядке рассмотрения государственными арбитражами имущественных споров, связанных с поставкой

недоброкачественной и некомплектной продукции» и другими нормативными актами¹.

Иногда эксперт бюро товарных экспертиз приглашается в качестве консультанта для участия в комиссии по установлению степени снижения качества товаров, происшедшего при хранении в предприятиях торгующих организаций по причинам, не являющимся результатом скрытых производственных дефектов; в этом случае по поводу размера снижения стоимости этих товаров и причин, вызвавших ухудшение качества, составляется самостоятельный акт-консультация, независимо от составляемого общего акта.

Акты экспертиз и консультаций приобретают юридическую силу не с момента их составления экспертом, как это имеет место при проведении других экспертиз, а с момента их утверждения начальником бюро товарных экспертиз или лицом, его заменяющим. В этом заключается особенность документального оформления материалов по товарным экспертизам. Такое положение объясняется тем, что товарные экспертизы проводятся нештатным составом экспертов и поэтому здесь требуется тщательная проверка материалов, представленных экспертом.

Особый порядок, установленный для утверждения акта экспертизы (консультации), заставляет поставить вопрос о том, кто же является экспертом в этих случаях: бюро товарных экспертиз в целом или же конкретное лицо—эксперт? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно сравнить изложенное положение с положением экспертов в других случаях применения экспертизы. Известно, что в уголовном процессе судебно-следственным органам часто приходится назначать криминалистические экспертизы, связанные с исследованием различных предметов (например, документов, орудий взлома, огнестрельного оружия и т. д.) Все материалы направляются в этих случаях в криминалистические экспертные учреждения, которые, в свою очередь, выделяют определенных лиц из числа работников этих учреждений и поручают им производство экспертиз. Исследованием конкретных вопросов, поставленных перед экспертизой, занимается не экспертное учреждение, а непосредственно сам эксперт; следовательно, это лицо является экспертом по делу. На основе полученных данных эксперт дает заключение, которое затем вручается экспертным учреждением заинтересованным должностным лицам и организациям. Так именно расценивает вопрос об эксперте большинство советских криминалистов и процессуалистов. Проф. Винберг, например, отмечал, что

¹ См. Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР, выпуск 1, Госюриздат, М., 1955, стр. 129—138.

«...заключение экспертизы исходит всегда от эксперта как физического лица. Экспертиза не может даваться криминалистическим учреждением как юридическим лицом. ...Наше законодательство, предусматривая права и обязанности эксперта, рассматривает эксперта только как физическое лицо»¹.

Таким образом, экспертное криминалистическое учреждение выступает в роли организации, которая решает организационные вопросы, связанные с назначением экспертизы. Экспертом же всегда выступает определенное физическое лицо, обладающее специальными познаниями. Практика работы бюро товарных экспертиз показывает, что роль этой организации вполне сходна с положением криминалистических учреждений. Значит, экспертами при товарных экспертизах выступают не экспертные органы, а конкретные физические лица (граждане), ибо только люди могут обладать специальными познаниями².

Бюро товарных экспертиз проводит также экспертизу качества возвращенных поставщику забракованных товаров. Такая экспертиза допустима исключительно по требованию арбитражных органов. Заинтересованным предприятиям и организациям запрещается ставить эти вопросы. Запрет подобной экспертизы имеет своей целью не допустить повторных споров о качестве после того, как экспертиза на месте получения товара отвергла его доброкачественность. Повторная экспертиза тут служила бы чаще всего средством оправдать поставщика и поставить под сомнение уже решенный вопрос

¹ А. И. Винберг. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. Госюриздат, М., 1949, стр. 74; эти же взгляды выражает Г. Арзумян, который указывает, что «заключение дает не само учреждение, как юридическое лицо, а соответствующее физическое лицо, по указанию администрации выполняющее поручение судебно-следственных органов». (Г. Арзумян. Некоторые вопросы организации экспертизы, «Социалистическая законность», 1952 г., № 4, стр. 31).

² Л. В. Молочкова указывала, что «экспертом может быть лишь физическое лицо (дееспособное), обладающее специальными знаниями в определенной области деятельности. В качестве эксперта не может выступать юридическое лицо. Признание за юридическим лицом прав эксперта противоречило бы правовому положению эксперта в процессе» (Л. В. Молочкова. Экспертиза как вид доказательств в советском гражданском процессе, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Л., 1953, стр. 10).

Иной точки зрения по рассматриваемому вопросу придерживается Э. Б. Геккер, который считает, вопреки господствующему в процессуальной литературе мнению, что юридические лица, как таковые, могут выступать в роли экспертов. «Отрицание за юридическим лицом или учреждением, — указывает Э. Б. Геккер, — права на дачу экспертного заключения на том основании, что оно может быть лишь атрибутом живых людей, логически приводит к отрицанию правосубъектности юридического лица» (Э. Б. Геккер, Основные вопросы экспертизы в советском гражданском процессе, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Л., 1956, стр. 15).

о возврате недоброкачественной продукции. Для проведения повторной экспертизы по инициативе арбитражных органов назначается экспертная комиссия с привлечением в ее состав высококвалифицированных специалистов. О предстоящей работе экспертной комиссии ставится в известность то бюро товарных экспертиз, которое забраковало партию товаров, возвращенную поставщику. Если представитель этого бюро не явится, то ему направляется по окончании работы экспертной комиссии акт экспертизы на возвращенную партию товаров.

Особый порядок проведения экспертизы устанавливается для случаев, когда на продукцию выдан сертификат государственной отраслевой инспекции по качеству. По этой продукции экспертиза качества может производиться экспертами бюро товарных экспертиз лишь при отсутствии в месте нахождения получателя государственной отраслевой инспекции, отказа инспекции в актировании данной партии продукции либо неявки ее представителя по вызову получателя товара. Только в этих случаях допустимо участие экспертов бюро товарных экспертиз.

Особый порядок экспертизы также существует при проверке качества в момент составления коммерческих актов. В процессе их составления могут возникать вопросы, требующие специальных знаний. Для определения причин порчи, повреждения и утечки грузов, размера ущерба при порче и повреждении станцией назначения может и тут ставиться вопрос о проведении экспертизы. Экспертиза по скоропортящимся грузам должна быть проведена в течение 24 часов с момента вскрытия вагона. Право вызова эксперта принадлежит не только начальнику станции, но также и грузополучателю. Правила, существующие на транспорте, указывают, что экспертиза, проведенная грузополучателем без участия начальника станции, не создает никаких правовых последствий для органов транспорта¹. При всяком повреждении груза, когда об этом до выдачи груза был составлен акт на попутной станции или станции назначения, груз может быть выдан не иначе, как после проверки и выяснения характера повреждения груза. В составлении коммерческих актов на железнодорожных станциях, водных пристанях и аэропортах о качестве товаров народного потребления эксперты бюро товарных экспертиз принимают участие на общих основаниях. Практике известны многочисленные случаи привлечения руководителями железнодорожных станций (пристаней) экспертов бюро то-

¹ См. инструкцию по расследованию случаев несохранности грузов при перевозках по железным дорогам, Трансжелдориздат, 1949, стр. 8; А. Я. Феркельман, С. Н. Харламов, Претензии и иски, Госторгиздат, М., 1953, стр. 25.

варных экспертиз для определения качества продукции. Так, по заявке начальника станции Харьков-товарная был вызван эксперт бюро товарных экспертиз для определения качества товара, поступившего от Ленинградской выходной базы «Росопттекстильторг» в адрес Харьковской облторгбазы «Укр-опттекстильторг». Эксперту была предъявлена среди других партий кипа за № 242167 с платками. Осмотром установлено, что на двух платках х/б арт. 933, I с. имеются потертости с боковой стороны размером 2×5 см. Исходя из характера повреждений, имевшихся на товаре, эксперт пришел к выводу, что повреждения эти произошли в связи с нарушением правил транспортирования грузов по железной дороге. Предъявленные для экспертизы платки были признаны браком. Стандартные формы бланков коммерческих актов отводят специальное место для заключения экспертизы. Эксперт свое заключение по качеству товара фиксирует в разделе «Е» коммерческого акта. Однако, это не указывает на то, что результаты экспертизы не могут быть отражены в специальных актах, применяемых в подобных случаях бюро товарных экспертиз.

Кроме основной экспертизы, бюро товарных экспертиз может проводить повторные и дополнительные экспертизы. Эти экспертизы назначаются в тех случаях, когда заинтересованные организации представляют обоснованные возражения по поводу неправильности заключений экспертов как в целом, так и по отдельным вопросам. Если эти материалы дают основание полагать, что заключение эксперта не отражает фактического положения дел, бюро товарных экспертиз назначает экспертов для проведения дополнительной или повторной экспертизы. Акты дополнительной или повторной экспертизы должны содержать исчерпывающие ответы на вопросы, в связи с которыми назначена повторная или дополнительная экспертиза. При отклонении возражений, поступивших от организаций по поводу заключения экспертов, бюро товарных экспертиз должно сообщить мотивированный отказ в назначении повторной или дополнительной экспертизы. Повторная экспертиза назначается, обычно, в тех случаях, когда заключение эксперта не утверждается начальником бюро товарных экспертиз. Во всех случаях, когда начальник бюро товарных экспертиз утверждает заключения экспертов, он не связан мнениями иных лиц, принимавших участие в проведении экспертизы.

Товарные экспертизы проводятся составом штатных экспертов бюро товарных экспертиз; состав экспертов утверждается Министром торговли союзной (автономной) республики, начальником краевого, областного, городского управления торговли. Одновременно с утверждением эксперта опре-

деляется список товаров, по которым ему разрешается проводить экспертизы.

Практика привлечения для проведения экспертизы нештатных экспертов показывает, что этот порядок не всегда оправдывается интересами дела. Бывает так, что эксперты попустительствуют бракоделам. Об этих фактах сообщалось на страницах печати¹. Наличие такого положения в работе бюро товарных экспертиз заставляет поставить вопрос о целесообразности привлечения для этой работы нештатных экспертов. Нештатные эксперты в известной степени находятся в материальной зависимости от руководителей предприятий и организаций, по заявкам которых проводятся экспертизы. О какой беспристрастности может идти речь, если потребитель, пригласивший эксперта, обязан оформить эксперту справку о продолжительности экспертизы (консультации). Это приводит к нарушению принципа материальной заинтересованности, к ослаблению борьбы за высокое качество продукции.

В целях устранения этих отрицательных явлений следовало бы внести структурные изменения в организацию построения экспертных органов. По нашему мнению, эти изменения можно было бы провести по двум желательным направлениям: 1) путем укомплектования существующих бюро товарных экспертиз штатным составом экспертов. Одним из достоинств комплектования экспертных органов в таком порядке наряду с другими достоинствами является то, что он в определенной мере будет способствовать сокращению общегосударственных непроизводительных расходов. Это находит свое подтверждение на практике работы бюро товарных экспертиз при управлении торговли исполкома Харьковского облсовета депутатов трудящихся. Установлено, что безлюдный фонд за 1958 г. с дополнительными ассигнованиями этого бюро составил 230000 рублей. Если учесть существующие штатный и нештатный контингенты бюро, то эти ассигнования позволили бы иметь в штате бюро свыше 20 постоянных экспертов, не считая 5 штатных единиц административного персонала, вместо 4 — ныне существующих; 2) либо путем упразднения бюро товарных экспертиз с возложением их обязанностей на государственные отраслевые инспекции по качеству промышленных и продовольственных товаров народного потребления, включив их в единую систему контрольных органов. Такая организационная структура инспекционных органов, производящих товарные экспертизы, являлась бы наиболее приемлемой, она устранила бы узковедомственный

¹ См., например, М. К л ю ш к и н а, «Эксперт попустительствует бракоделам» («Советская торговля» от 2 сентября 1954 г.).

подход к вопросам экспертизы, который, к сожалению, все еще имеет место в работе действующих бюро товарных экспертиз. Это соответствует также и общегосударственным интересам, поскольку экспертизы проводятся для всех предприятий и организаций, независимо от их служебной подчиненности.

Решение этих вопросов в таком порядке должным образом обеспечит государственный подход к вопросам дальнейшего развертывания борьбы за качество продукции широкого потребления и на деле будет способствовать выполнению задач большой государственной важности.

Одновременно с этим следует признать нецелесообразным создание при Советах народного хозяйства экономических административных районов как контрольных, так и экспертных органов.

Введение новых форм управления промышленностью было обусловлено необходимостью дальнейшего развития производительных сил страны, лучшим использованием имеющихся у нас огромных резервов, дальнейшим развитием творческой инициативы и активности трудящихся масс, обеспечением мощного подъема народного хозяйства и повышения благосостояния советских граждан, приближения оперативного и конкретного руководства непосредственно к предприятиям и организациям, ликвидации ведомственных барьеров, наносивших огромный ущерб народному хозяйству и т. д.¹ Имевшиеся в прошлом недостатки в управлении промышленностью, как показывает опыт работы Советов народного хозяйства, успешно устраняются. Система децентрализованного управления промышленностью показывает свои неисчерпаемые преимущества. Однако такая децентрализация немыслима в органах, производящих проверку качества промышленной продукции, в т. ч. и продукции народного потребления. Здесь следует использовать форму централизованного построения этих органов с наличием единого центра, ведающего проверкой исполнения директив Партии и Правительства по вопросам качества продукции. Единая система контрольных органов может быть представлена в таком плане. При Совете Министров СССР необходимо создать Главное Управление государственной инспекции по качеству промышленной продукции с пребыванием их представителей по экономическим административным районам, промышленным предприятиям и организациям. В свою очередь, в экономических административных районах следовало бы создать Управления государственной инспекции по качеству промышленной продукции с системой

¹ См. Н. С. Хрущев, О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, доклад на VII сессии Верховного Совета СССР, Госполитиздат, М., 1957.

отделов или секторов по отраслевому признаку. Ныне существующие на промышленных предприятиях отделы технического контроля и соответствующие им органы заменить техническими инспекторами государственной инспекции, определив их правовое положение по типу представителей отдельных ведомств, например, военпредов. Это также устранил существующий параллелизм в работе по проверке качества продукции, ибо Правительством СССР в значительной мере повышена роль мастера и начальника производственного участка на предприятии¹. Теперь, главными обязанностями мастера и начальника производственного участка, как непосредственных организаторов производства, являются: выполнение участком плановых заданий по объему производства, неуклонное повышение производительности труда, изготовление продукции высокого качества и в строгом соответствии с государственными общесоюзными стандартами, техническими условиями, эталонами, точное соблюдение технологической дисциплины и т. д. Для выполнения этих обязанностей мастеру и начальнику участка на производстве предоставлены большие права; серьезным образом улучшена система оплаты их труда, повышена их материальная заинтересованность в результатах труда. Достаточно указать лишь на то, что за соблюдение качественных показателей при изготовлении продукции в сочетании с некоторыми другими установлена дополнительная система оплаты труда, причем она производится по результатам работы их участка и смены и не зависит от результатов работы цеха или предприятия в целом. Переход работы по проверке качества продукции от отделов технического контроля непосредственно к мастерам и начальникам участков предприятия вызывает необходимость усиления экспертной работы. Эта работа должна проводиться органами, независимыми от администрации предприятия. Известно, что ныне действующие отделы технического контроля находятся в полной зависимости от руководителей предприятий и организаций и поэтому они не в состоянии в достаточной мере обеспечить надлежащее проведение работы по контролю за качеством изготавливаемой на предприятии продукции. Эти функции с успехом могли бы быть выполнены только независимыми от администрации предприятий и организаций орга-

¹ См. постановление Совета Министров СССР от 20 сентября 1955 г. «О повышении роли мастера и начальника производственного участка на предприятиях горной, металлургической, нефтяной, химической, лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, машиностроения, промышленности строительных материалов, электростанциях, а также на промышленных предприятиях транспортных министерств и об упорядочении оплаты их труда» (Постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР по вопросам промышленности и строительства, Госполитиздат, М., 1956, стр. 127—134).

нами. Такой порядок обеспечил бы значительное улучшение работы по проверке качества продукции внутри производящего предприятия.

Как в технической, так и в правовой литературе в свое время высказывались мнения об изменении структуры и правового положения органов по проверке качества промышленной продукции¹. Эти предложения заслуживают особого внимания, поскольку они направлены на создание централизованного, самостоятельного органа, осуществляющего свои функции независимо от непосредственных производителей материальных ценностей. Положительными чертами такого органа являются: вневедомственный характер его деятельности, единство структуры, отсутствие давления со стороны изготовителей продукции, ликвидация множественности органов, ведающих вопросами качества продукции, сочетание как контрольных, так и экспертных функций. Не случайно поэтому проф. Гордон писал: «Создание таких инспекций, выполняющих контрольные и экспертные функции по отраслевому, но вневедомственному принципу, было бы одним из серьезнейших способов в борьбе за качество»².

Строгой централизацией была бы устранена разобщенность и узковедомственный подход в решении вопросов качества продукции. Это тем более необходимо, что на значительную часть товарной продукции, которая в ближайшие годы будет полностью стандартизована, качественные показатели устанавливаются нормативными актами Совета Министров СССР, Советов Министров союзных республик и их органов.

Принципиальное значение имеет выяснение вопроса о том, кто несет материальную ответственность в случаях дачи экспертом неправильного заключения. Правильное, основанное на материалах проверки, заключение имеет исключительно важное значение, поскольку оно отражает истинное положение дела и, наоборот, неправильное заключение может иногда причинить материальный ущерб. Типовое положение о бюро товарных экспертиз проводит совершенно ясно и последовательно ту мысль, что бюро товарных экспертиз не несет материальной ответственности за убытки, причиненные неправильным заключением эксперта. Решение этого вопроса базируется на том, что заключение эксперта для судебно-арбитражных органов не является обязательным. В случае какого-либо сомнения или наличия материалов, опорочивающих акт экспертизы, заключение эксперта теряет свою доказательную силу.

---

¹ См., например, М. Гордон, Договірно-правові форми боротьби за якість продукції, Видавництво ВУЦВК «Радянське будівництво і право», Київ, 1934, стор. 53—57, 62.

² М. Гордон, там же, стр. 57.

Заключение эксперта, как и другие доказательства, допустимые гражданско-процессуальными нормами, оценивается судебно-арбитражными органами по внутреннему убеждению, основанному на социалистическом правосознании и всех материалах дела. Если экспертиза дана не по конкретному спору, а в качестве консультации для хозяйственных организаций, то руководители этих организаций вправе следовать или не следовать советам экспертов и сами несут ответственность за использование этих советов. Поэтому материальный ущерб, который может возникнуть в связи с дачей неправильного заключения, не может быть переложен на бюро товарных экспертиз. Здесь эксперты не выступают от имени юридического лица в гражданско-правовом смысле. Отношения, существующие между бюро товарных экспертиз и экспертами, не носят характера гражданского представительства; они не могут также рассматриваться как отношения, вытекающие из поручения. От соответствующего экспертного учреждения сведущее лицо получает задание административного порядка. Это учреждение поддерживает авторитет эксперта, но не поручает ему высказать мнение учреждения в целом. При установлении факта причинения ущерба неправильной экспертизой, эксперт привлекается к ответственности и исключается из списков экспертов. Если в его действиях будет усмотрен состав преступления, он привлекается к уголовной ответственности. Сверх того, возможна и ответственность эксперта по ст. 403 ГК УССР и соответствующим статьям ГК других союзных республик. В основе ответственности экспертов всегда лежит начало вины. Они могут нести ответственность только за виновное действие или бездействие. Эксперт не может нести ответственности за добросовестно данное, хотя быть может объективно и ошибочное, заключение. Это положение подтверждается судебной практикой. Так, например, Ново-Украинский лесоторговый склад обратился в нарсуд 2 участка г. Кировограда с иском о взыскании с Тихонравова Н. М. 5714 руб. 59 коп. Материалами дела установлено, что истец 12 февраля 1954 г. получил от Лиспайского лесоторгового склада различную продукцию. Убедившись в том, что эта продукция является недоброкачественной, истец вызвал представителя поставщика и эксперта бюро товарных экспертиз. Для производства экспертизы был командирован эксперт Тихонраков Н. М., который актами от 13—14 февраля 1954 г. установил разницу сортов в поставленной продукции. На этом основании истец выслал акты экспертизы и при оплате счетов не доплатил поставщику с учетом заниженной сортности продукции 5714 руб. 59 коп. Не соглашаясь с этим, поставщик обратился в ведомственный арбитраж с иском о взыскании с получателя недоплаченной суммы. Арбитраж иск удовлетворил и взыскал в пользу по-

ставщика 5714 руб. 59 коп. Обращаясь в нарсуд с иском, истец ставил вопрос о взыскании данной суммы с эксперта в целях возмещения материального ущерба. Суд решением от 20 мая 1955 г. в иске отказал по тем мотивам, что истец не доказал правильности своих действий в ведомственном арбитраже, а также ничем не опроверг заключения эксперта. Кировоградский облсуд, рассматривая это дело по кассационной жалобе истца, определением от 18 июня 1955 г. кассалобу оставил без удовлетворения, а решение нарсуда в силе. В принятом по данному делу определении отмечалось, что истец не представил доказательств о неправильности акта экспертизы, не опроверг правильности выводов эксперта.

Бюро товарных экспертиз в целом не может нести материальной ответственности за результаты экспертизы, даже если будут установлены виновные действия эксперта. В этом смысле представляется неправильной высказанная М. И. Брагинским точка зрения по поводу возмещения ущерба, причиненного неправильным заключением эксперта. М. И. Брагинский пишет, что «в тех случаях, когда неправильными действиями бюро товарных экспертиз причинены хозоргану определенные убытки, надлежит ставить вопрос о материальной ответственности бюро перед хозорганом»¹. По изложенным выше соображениям неправильно и нецелесообразно так решать этот вопрос, ибо ответственность бюро не должна заслонять собою действий участников отношений по договору поставки.

В итоге анализа отдельных вопросов, связанных с экспертизой по качеству продукции, можно обратиться к решению общего вопроса о правовом положении и функциях такой экспертизы и, в частности, о роли бюро товарных экспертиз. Трудности представляет здесь то обстоятельство, что экспертиза по делам о качестве продукции осуществляется в разных видах и случаях и нелегко дать обобщающее определение роли эксперта. Такие трудности существуют не только в области оценки экспертизы по гражданским делам. Такое положение существует в науке советского уголовного процесса. Там эти трудности усиливались тем, что отдельные авторы анализировали роль экспертов на различных стадиях процесса и делали различные выводы о роли экспертов. У абсолютного большинства ученых не вызывает никаких сомнений то положение, что экспертами являются те сведущие лица, которые вызваны судом или арбитражем для дачи заключений по определенным вопросам. Большие сомнения вызывает в литературе вопрос о роли специалистов при осмотрах места проис-

---

¹ М. И. Брагинский. Договор поставки предметов личного потребления в советском гражданском праве, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, К., 1953, стр. 9.

шествия. Так, проф. Терзиев, в связи с поставленным вопросом, отмечал, что «функции специалистов, участвующих в осмотре места преступления, имеют в основном консультативно-технический характер»¹. «Для участия специалистов в осмотре места происшествия, — продолжает проф. Терзиев, — наиболее типичны случаи, когда специалисты привлекаются не для экспертного заключения, а для помощи следователю при собирании и закреплении доказательств в ходе осмотра. В таких случаях деятельность специалиста на месте преступления нельзя считать экспертизой. Для того, чтобы она могла быть признана экспертизой, нужно, чтобы процессуальные функции и условия деятельности данного специалиста отвечали сущности экспертизы как источника доказательств и указаниям закона о порядке назначения и производства экспертизы»². В. М. Никифоров считает, что в данном случае эксперт может быть помощником и консультантом судьи и следователя³. Возражая против такого мнения, проф. Винберг писал: «На основании каких же процессуальных норм выступает в качестве консультанта, например, на месте происшествия, эксперт. Ведь эксперт — процессуальная фигура, призванная к действию только постановлением следователя или определением суда о назначении экспертизы... Все эти функции вовсе не являются компетенцией эксперта»⁴.

Следует отметить, что такая дискуссия представляет интерес и для цивилистов. По делам о качестве продукции эксперт иногда дает заключение в арбитражном процессе, иногда же он бывает консультантом при разбраковке и осмотре продукции. Поэтому те разногласия, которые по поводу роли эксперта существуют в криминалистической литературе, имеют место и у цивилистов; иногда сведущее лицо рассматривается как свидетель или как своеобразный понятой. Эти сомнения для гражданских дел и, в частности, для экспертов,

¹ Н. Терзиев, Процессуальное положение специалистов, участвующих в следственном осмотре места преступления, «Социалистическая законность», 1954 г., № 11, стр. 47. Этим же положением придерживается проф. Авдеев, который отмечает, что судебно-медицинский эксперт «приглашается следователем не для того, чтобы сразу на месте происшествия дать формальное заключение, а для того, чтобы, обладая специальными знаниями в медицине, подсказать следователю, на какие обстоятельства (например: следы крови, поза трупа, повреждения на трупе и т. п.) он должен обратить внимание..., какие вещественные доказательства имеют значение для дела, должны быть осмотрены и изъяты для исследования. Эксперт — не пассивный участник процесса, а активный помощник правосудия в деле изобличения преступников». (М. И. Авдеев, Судебная медицина, издание IV, Госюриздат, М., 1953, стр. 23—24).

² Н. Терзиев, там же, стр. 49.

³ См. В. Никифоров, Экспертиза в советском уголовном процессе, РИО ВЮА, 1947, стр. 105—106.

⁴ А. И. Винберг, Основные принципы советской криминалистической экспертизы, Госюриздат, М., 1949, стр. 72.

выступающих по заданию бюро товарных экспертиз, связаны с тем, что функции таких экспертов, действительно, двойственны. В одних случаях они выступают, по нашему мнению, в роли консультантов, а в других—в роли экспертов. Вызов экспертов, как ранее уже отмечалось, предполагается во всех тех случаях, когда представитель поставщика (изготовителя) не прибыл по вызову получателя, если вызов поставщика (изготовителя) не обязателен, при наличии разногласий между получателем и поставщиком по вопросам определения качества продукции. Здесь представитель бюро выступает не как эксперт в процессуальном смысле, а как эксперт-консультант, обладающий комплексом определенных знаний и призванный дать разъяснение, консультацию о характере и пороках продукции, поступившей от поставщика к получателю. В этих случаях не выносятся никакие постановления по поводу назначения экспертизы, экспертам не ставятся вопросы, не решается вопрос об отводах, они не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и т. д. Все это лишь указывает на то, что на этой стадии эксперт не является процессуальной фигурой. Эксперт в этих случаях выступает в роли консультанта, специалиста, разъясняющего отдельные вопросы из области товароведения. В связи с этим представляется правильным, чтобы результаты консультаций, даваемых при разбраковке продукции на складе получателя, оформлялись не актом экспертизы, а общим актом, в котором нашла бы отражение консультация эксперта. Однако, для арбитражных споров и эти акты имеют значение. Практике известны многочисленные случаи, когда арбитражные органы, рассматривая имущественные споры, обосновывают свои решения, именно, актами таких консультаций. Так, в деле по иску Харьковской облторгбазы «Укропттекстильторг» к Тбилисской шелко-ткацкой фабрике о взыскании 5365 руб. 07 коп. за поставку недоброкачественных шелковых тканей госарбитраж при исполкоме Харьковского Облсовета депутатов трудящихся, удовлетворяя исковые требования истца, указал, что они доказаны актом госэкспертизы, составленным экспертом бюро товарных экспертиз. В приведенном примере арбитраж консультацию эксперта рассматривал как один из видов доказательств. Арбитраж как в этом, так и во многих других случаях рассматривает акты экспертиз (точнее консультаций) не в качестве заключений экспертов, а как письменные доказательства, предусмотренные статьями 160—171 ГПК УССР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик. Конечно, нельзя заключение такого эксперта-консультанта расценивать, как показание свидетеля. В области уголовного процесса на это давно обращено внимание. А. Я. Вышинский отмечал, что «спорный вопрос о природе экспертизы, как вида

доказательств, должен быть разрешен в пользу недопустимости смещения эксперта со свидетелями. Экспертиза — особый, самостоятельный вид доказательств»¹. А. Ф. Клейнман в связи с этим писал, что «свидетель всегда вносит в процесс свое индивидуальное наблюдение, которое по-разному преломляется у всех граждан. Эксперт же излагает на базе определенных фактов знание опытных положений, обоснованных наукой, длительной практикой. Ошибочно отождествлять эксперта со свидетелем ввиду различия в характере суждений свидетеля и эксперта»².

Эксперт в роли процессуальной фигуры появляется лишь с момента его привлечения к работе судом, арбитражем. В этих случаях его положение существенным образом меняется. Именно здесь он приобретает правовой статус эксперта, его заключение является одним из самостоятельных видов судебных доказательств³. Заключение эксперта не равносильно письменному доказательству. Эти два вида доказательств являются самостоятельными доказательствами и подлежат оцен-

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, Госюриздат, изд. III, М., 1950, стр. 276; см. также М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова, Проведение экспертизы в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1954, стр. 21; М. А. Чельцов, «Советский уголовный процесс», учебник для юридических высших учебных заведений, изд. 2, Госюриздат, М., 1951, стр. 169; «Советский уголовный процесс», учебник для юридических институтов и юридических факультетов государственных университетов, Госюриздат, М., 1956, стр. 99.

² А. Ф. Клейнман, «Советский гражданский процесс», издательство Московского университета, 1954, стр. 200. Такую же точку зрения разделяет проф. Юдельсон, который отмечает, что «выводы эксперта в сопоставлении с имеющимися в деле материалами являются новыми данными, качественно отличными от всех предыдущих видов доказательств. Как вид доказательств, установленный процессуальным законом, заключение экспертов является одним из средств установления истинности фактов, необходимых для решения спора». (К. С. Юдельсон, «Советский гражданский процесс», учебник для юридических высших учебных заведений, Госюриздат, М., 1956, стр. 169).

³ Верховный Суд СССР, являясь высшим судебным органом СССР и осуществляя надзор за судебной деятельностью судебных органов Союза ССР и судебных органов союзных республик в пределах, установленных законом, в своих неоднократных определениях подчеркивал, что заключение эксперта — это один из видов доказательств по гражданскому делу и оно подлежит оценке наряду с другими доказательствами. При рассмотрении дела суд должен учитывать заключения экспертов, а в случае несогласия с их выводами — подробно мотивировать свое несогласие. По этому вопросу см. определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу № 03/д-95-56 от 25 февраля 1956 г. по иску Рубина А. и Винокура М. к государственному издательству иностранной литературы и Некипелову П. о признании авторства на переводы (ж. «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1958 г., № 3, стр. 38—40) и от 19 ноября 1955 г. по делу № 03/516-55 по иску Кемского рыбокооп. Карело-Финской ССР к Павлову о взыскании 15494 р. (ж. «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1956 г., № 2, стр. 44—45); см. также, М. Я. Лапиров—Скобло, Вопросы качества и комплектности продукции в практике Госарбитража, Госюриздат, М., 1957, стр. 61—66.

ке каждое в отдельности с учетом всех материалов дела; они не являются обязательными ни для суда, ни для арбитража. Из этих положений исходит и инструкция Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г. В частности, статья 19 отмечает, что в необходимых случаях арбитр может вызывать в заседания лиц, принимавших участие в проверке качества продукции и составлении акта; экспертов, давших заключение о качестве продукции, а также может назначать экспертизу для установления качества продукции. Материалы, имеющиеся в деле, в том числе заключения экспертов, должны подвергаться строгой критической оценке, как и все другие доказательства по делу.

Высказанные положения приводят к выводу о том, что не во всех случаях привлечения экспертов бюро товарных экспертиз правовое положение их одно и то же. Представители бюро товарных экспертиз иногда выступают в роли экспертов, выводы которых приобретают характер заключений по вопросам качества товаров народного потребления, в других же случаях они выступают как консультанты, дающие определенные рекомендации по поводу качества продукции.

Изложенные в статье материалы дают возможность прийти к таким выводам:

1) Теория с убедительной силой доказывает, а практика подтверждает необходимость проведения коренной перестройки организационной структуры экспертных органов. Такая перестройка должна быть осуществлена на принципах строжайшей централизации, единоначалия и исключения ведомственного влияния. Структуру экспертных органов можно было бы, по нашему мнению, представить в следующем виде: а) при Совете Министров СССР создать Главное Управление государственной инспекции по качеству промышленной продукции, б) в экономических административных районах образовать Управления государственной инспекции по качеству промышленной продукции с системой отделов или секторов по отраслевому признаку, в) на промышленных предприятиях и организациях контроль за качеством выпускаемой продукции возложить на технических инспекторов государственной инспекции, определив их правовое положение по типу положения военпредов.

2) Создание инспекторских групп, объединяющих технических инспекторов для обслуживания конкретного предприятия или организации, усилит персональную ответственность руководителей предприятий и организаций за качество выпускаемой ими продукции.

3) На органы государственной инспекции следует возложить не только контрольные, но и экспертные функции.

4) До проведения коренной реорганизации экспертных органов следует существенным образом видоизменить ныне действующие бюро товарных экспертиз. Бюро товарных экспертиз производит товарные экспертизы качества продукции нештатным составом экспертов. Практика показывает, что такой порядок не всегда оправдывается интересами дела. Нештатные эксперты находятся в материальной зависимости от социалистических предприятий и организаций, в которых проводится экспертиза. Привлечение к этой работе штатных экспертов устранило бы случаи сокрытия недостатков в продукции и подготовило бы условия для дальнейшего разворота борьбы за качество продукции.

5) Экспертами по товарным экспертизам являются физические лица (граждане), а не экспертные учреждения, роль которых в этой связи ограничивается функциями чисто организационного характера.

6) Бюро товарных экспертиз не может нести материальной ответственности за вред, причиненный неправильным заключением эксперта. В этих случаях гражданская ответственность возлагается непосредственно на эксперта по ст. 403 ГК УССР и соответствующим статьям ГК других союзных республик.

7) Экспертиза по делам о качестве товаров народного потребления осуществляется в разных видах. Вопрос о роли экспертов по товарным экспертизам следует решить исходя из того, что функции этих экспертов двойственны. В одних случаях они выступают в качестве экспертов, в других — в качестве консультантов. Выступление эксперта в роли консультанта не должно облекаться в какую-либо процессуальную форму. Эксперт, как участник процесса, появляется лишь тогда, когда он привлечен к работе судом или арбитражем. На этой стадии он приобретает правовой статус эксперта, его заключения являются одним из самостоятельных видов судебных доказательств.

Кандидат юридических наук С. Ю. КАЦ

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Теоретическая разработка вопросов защиты государственной социалистической собственности в советской правовой литературе ведется главным образом с точки зрения применения норм гражданского права.

Почти не освещены роль и значение гражданского процессуального права в деле охраны имущественных прав государственных организаций в суде.

Между тем анализ судебной практики показывает, что нередко суды выносят незаконные или необоснованные решения, ущемляющие имущественные права государственных организаций ввиду неправильного применения процессуальных норм.

Следует также отметить, что действующее гражданско-процессуальное законодательство недостаточно гарантирует защиту государственной собственности.

Отдельные процессуальные нормы и институты, имеющие особое значение для охраны государственной собственности сформулированы неудачно и не отражают политику партии и Советского государства по вопросу всемерной охраны и укрепления социалистической собственности как экономической основы СССР.

Полный и всесторонний анализ гражданско-правовых методов защиты социалистической собственности будет иметь место только тогда, когда будут освещены и гражданско-процессуальные средства защиты как неотъемлемая и органическая часть гражданско-правовой защиты социалистической собственности.

Исследование гражданско-процессуальных средств защиты государственной собственности должно также содействовать совершенствованию законодательства и подготовке новых по-

ложений, гарантирующих всемерную охрану государственной социалистической собственности¹.

В данной статье освещаются процессуальные гарантии защиты государственной собственности в стадиях предварительной подготовки и рассмотрения дела.

Досудебная подготовка гражданских дел имеет решающее значение для правильного и быстрого их рассмотрения в судебном заседании и разрешения по существу².

В стадии досудебной подготовки дела судья определяет круг участников процесса, собирает необходимые для разрешения дела доказательства, выясняет вопрос о необходимости принятия мер по обеспечению иска и другие вопросы, связанные с подготовкой дела к слушанию.

1. Правильное рассмотрение и разрешение дела зависит от точного определения круга участников процесса и, в частности, надлежащих сторон по делу.

Между тем суды допускают ошибки при разрешении гражданских дел, в частности, об исключении имущества из описи, связанных с возмещением материального ущерба государственным или кооперативным организациям, причиненного хищением, растратой или недостатчей имущества.

Правильное разрешение этих дел является одним из реальных средств защиты социалистической собственности в целом и государственной в особенности.

Однако вопрос относительно надлежащих сторон в этих делах недостаточно урегулирован.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 марта 1948 года «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи» нет ясного указания о том, кто может обратиться с иском об исключении имущества из описи.

В п. 1 этого постановления указывается, что «иски третьих лиц об исключении имущества из описи представляют собой спор о праве гражданском»³.

Между тем лиц, обращающихся с иском об исключении имущества из описи, нельзя именовать третьими лицами.

---

¹ А. Н. Арзамасцев, отмечая значение гражданско-процессуальных средств защиты социалистической собственности, пишет: «Делу охраны и укрепления социалистической собственности служат разнообразные правовые средства гражданско-процессуального порядка...» (А. Н. Арзамасцев, Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, Изд. Ленинградского университета, 1956 г., стр. 14—15).

² См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 октября 1935 года «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе», Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1957 гг., Госюриздат, 1958 г., стр. 189.

³ См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1957 гг., Госюриздат, 1958 г., стр. 195.

Ввиду того, что в постановлении Пленума Верховного Суда СССР лица, обращающиеся в суд с заявлением об исключении из описи имущества, называются третьими лицами, на практике с такими исками обращаются посторонние лица, не надлежащие истцы по делу¹.

Следовательно, суды разрешают иски об исключении имущества из описи при наличии ненадлежащих истцов, что ведет к ущемлению имущественных прав государственных и иных организаций, в пользу которых было присуждено возмещение ущерба.

Необходимо в ГПК установить, что с исками об исключении из описи имущества могут обратиться только лица, которым описанное имущество принадлежит на праве личной собственности.

Не разрешен в гражданских процессуальных кодексах и вопрос о привлечении ответчиков по этой категории дел, особенно, если имущество описано в связи с приговором о конфискации.

Надлежащими ответчиками по этой категории дел являются не только лица, у которых было конфисковано имущество, но и финансовые органы, которым передано это имущество.

Финансовые органы представляют интересы государства в целом в этих делах. Однако во многих случаях финансовые органы не привлекаются к процессу, в результате чего дело получает одностороннее освещение и разрешение.

То же самое имеет место, когда в качестве ответчиков по этим делам не вызываются те государственные организации, по претензиям которых было описано у должника имущество.

Участие в таких процессах финансовых органов и организаций, по претензиям которых было описано имущество, в значительной степени будет способствовать правильному разрешению дела.

Практика показывает, что нередко родственники и близкие осужденных обращаются с фиктивными исками к должникам об исключении имущества из описи, а должники признают эти иски для того, чтобы имущество было освобождено от описи.

Поэтому в ГПК союзных республик следует установить твердое правило, что в качестве ответчиков по делам об исключении имущества из описи должны быть привлечены как должник, так и взыскатель по исполнительному листу (или финансовый орган в случае предъявления иска об исключении из описи подлежащего конфискации имущества).

---

¹ См. Бирюков. «Больше бдительности при рассмотрении дел об исключении имущества из описи», журнал «Социалистическая законность», № 9, 1951 г.

Допускаются судами ошибки и в вопросе о привлечении надлежащих ответчиков по иным гражданским искам.

Некоторые судебные органы, при наличии ненадлежащего ответчика, отказывают истцу в иске вместо того, чтобы привлечь надлежащего ответчика по делу.

Харьковский политехнический институт обратился с иском к коменданту института К. о взыскании 960 руб. 07 коп. ввиду недостачи материальных ценностей.

В судебном заседании ответчик сослался на то, что материальные ценности отсутствовали еще во время приема им склада от бывшего коменданта гр-на Г.

Народный суд в иске к К. отказал и в решении указал, что истец может обратиться с новым иском к бывшему коменданту Г.

При наличии такой практики государственная организация — истец по делу несет ненужные расходы, связанные с ведением дела (госпошлина и расходы по производству дела).

Кроме того, во многих случаях при отказе истцу в иске по мотивам привлечения ненадлежащего ответчика, государственная организация вторично в суд не обращается, чем также ущемляются ее имущественные права.

Отчасти такая практика имеет место потому, что в процессуальном законе нет прямых указаний относительно привлечения надлежащих ответчиков по делу.

В ст. 166 ГПК РСФСР (ст. 186 ГПК УССР) сказано, что суд может допустить замену ненадлежащего истца или ответчика надлежащим истцом или ответчиком.

В судебной практике выработаны определенные условия замены ненадлежащей стороны надлежащей¹.

Заменить первоначального ответчика надлежащим можно с согласия истца, так как ему принадлежит право указать ответчика. Если же истец такого согласия не дает, а суд по обстоятельствам дела находит необходимым привлечение к делу нового ответчика, он должен, не исключая из дела первоначального ответчика, по своей инициативе привлечь надлежащего ответчика по делу.

Вопрос о том, кто является надлежащим ответчиком, решается в конечном счете судом после проверки всех материалов дела.

Поэтому правило о замене ответчика, содержащееся в ст. 166 ГПК РСФСР (ст. 186 ГПК УССР), следует изменить. Необходимо указать, что замена ответчика, указанного истцом, производится с согласия последнего. При отсутствии согласия истца и необходимости привлечения нового ответчи-

¹ См. выписку из инструктивного письма № 1—1926 г. ГКК Верховного Суда РСФСР в материалах к ст. 166 ГПК РСФСР.

ка по делу суд, не исключая первоначального ответчика, обязан по своей инициативе привлечь надлежащего ответчика.

2. По некоторым гражданским делам защита имущественных прав государственных организаций целиком зависит от инициативы суда в привлечении к делу третьих лиц без самостоятельных требований.

Это, в частности, имеет место тогда, когда судом положительно разрешен вопрос о восстановлении на работе рабочего или служащего, незаконно уволенного по вине администрации.

В ст. 172-а ГПК РСФСР сказано, что по делам о восстановлении в должности или на работе неправильно уволенных работников народный суд может по собственной инициативе привлечь к делу в качестве третьего лица на сторону ответчика должностных лиц государственных, кооперативных и иных общественных предприятий и учреждений, произведших неправильное увольнение, и возложить на этих лиц обязанность возместить предприятию или учреждению убытки, причиненные последнему выплатой вознаграждения неправильно уволенному работнику.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 13 сентября 1957 года «О судебной практике по гражданским трудовым делам» указал: по делам о восстановлении в должности или на работе неправильно уволенных работников суд может по собственной инициативе привлечь к делу в качестве третьего лица на сторону ответчика то должностное лицо, по распоряжению которого было произведено увольнение, и при установлении, что увольнение было произведено с явным нарушением закона, в том же процессе, возложить на виновное должностное лицо обязанность возместить учреждению или предприятию убытки, причиненные выплатой уволенному вознаграждения за прогул (пункт 22)¹.

К большому сожалению, при рассмотрении данной категории дел указания, содержащиеся в ст. 172-а ГПК РСФСР, выполняются судами редко, и должностные лица, виновные в неправильном увольнении работника, к материальной ответственности не привлекаются.

Сошлемся на один характерный пример из судебной практики Харьковских судов.

Народным судом 1 участка Ленинского района г. Харькова решением от 20 января 1957 года были удовлетворены исковые требования гр-на Булавина А. Л. к администрации авторемзавода о восстановлении на работе.

Решение Нарсуда было оставлено в силе определением Харьковского областного суда от 8 февраля 1957 года. 20-го февраля администрация своим приказом формально

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957 г., № 5, стр. 23.

восстановила Булавина на работе и в тот же день уволила по сокращению штата, тогда как никакого сокращения штатов в данном случае не было.

Нарсуд названного участка опять восстановил истца на работе и взыскал в его пользу 943 руб. 16 коп. с завода за время вынужденного прогула.

Харьковский областной суд в своем определении указывает, что дирекция завода дважды незаконно увольняла гр-на Булавина, стараясь избавиться от неугодного работника.

Однако ни народный суд, ни областной суд не поставили на свое обсуждение вопрос о регрессном иске, чем были ущемлены имущественные интересы завода.

В ст. 172-а ГПК РСФСР сказано, что при рассмотрении дел о восстановлении в должности или на работе неправильно уволенных работников народный суд может по собственной инициативе привлечь к делу в качестве третьего лица на сторону ответчика должностных лиц, производших неправильное увольнение. Вместо слов «может по собственной инициативе» следует установить «обязан по собственной инициативе». Лишь при наличии такого указания в законе регрессные иски к должностным лицам, производшим незаконное увольнение, действительно будут рассматриваться судами.

В таких случаях суды должны основной иск рабочего или служащего к организации и регрессный иск организации к должностному лицу, виновному в неправильном увольнении, разрешать одновременно в одном процессе. Разрешение такого регрессного иска является не только средством защиты социалистической собственности, но и важным средством воздействия на руководителей, допускающих незаконные увольнения трудящихся и нарушающих их трудовые права.

Аналогичное положение создается при разрешении дел о возмещении вреда.

По делам о возмещении вреда могут быть предъявлены регрессные иски к непосредственным виновникам в причинении вреда.

Организация, возместившая потерпевшему от увечья ущерб и выплатившая суммы органам социального страхования, может, в свою очередь, при помощи регрессного иска требовать от непосредственных виновников несчастного случая частичного возмещения выплаченных сумм. Гражданско-процессуальные кодексы союзных республик вовсе не регулируют порядок привлечения таких лиц к процессу, а также порядок рассмотрения и разрешения этой категории регрессных исков.

Обычно в судебной практике редко встречаются регрессные иски такого характера. Должностные лица, виновные в причинении вреда, к материальной ответственности не привле-

каются, и вся тяжесть материальной ответственности лежит на организации, где произошел несчастный случай.

В. И. Ленин требовал «обязательно найти виновных»¹ и указывал, что «самое важное — добиться персональной ответственности»².

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда» сказано, что предприятия, учреждения и организации, обязанные на основании 2 ч. ст. 413 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик к возмещению вреда, причиненного по вине их работников, вправе переложить материальную ответственность на виновников причинения вреда в порядке ст. 83 КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик, если вред причинен небрежностью в работе, или в порядке ст. 83¹ КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик, если вред вызван действиями, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке³.

В названном постановлении Пленума содержится прямое указание о возможности регрессных исков предприятий, учреждений и организаций к своим работникам о возмещении сумм, выплаченных в связи с несчастным случаем потерпевшему или органам социального страхования. Однако ответственность в таких случаях регулируется не гражданским кодексом, а трудовым законодательством.

Верховный Суд СССР в ряде своих определений подтверждает возможность и необходимость таких регрессных исков⁴.

Желательно в ГПК установить норму, которая регулировала бы рассмотрение регрессных исков государственных и иных организаций к непосредственным виновникам в причинении вреда.

Такое процессуальное правило будет одновременно средством борьбы с несчастными случаями и способом защиты имущественных прав организаций.

Это правило можно было бы сформулировать примерно следующим образом:

По делам о возмещении вреда, причиненного увечьем либо потерей кормильца, суд обязан по собственной инициативе привлечь к делу в качестве третьего лица на сторону ответчи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 401.

² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 450.

³ См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1957 гг., Госюриздат, 1958 г., стр. 144.

⁴ Определение Судебной Коллегии Верховного Суда СССР по регрессному иску тракторной базы «Сталиннефть» к Коновалову о возмещении ущерба, «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1956 г., № 4, стр. 44.

ка лиц, непосредственно виновных в причинении вреда, и возложить на них обязанность возместить предприятию выплаченные суммы потерпевшим и органам социального страхования в порядке, предусмотренном трудовым законодательством.

3. В судебной практике нередко бывают случаи, когда при наличии вступившего в силу решения об удовлетворении иска оно не может быть исполнено.

Такое положение создается потому, что судом своевременно не были приняты меры к обеспечению иска.

В ст. 82 ГПК РСФСР (ст. 100 ГПК УССР) сказано: во всяком положении дела, пока не вынесено решение, истец может просить об обеспечении иска.

Обеспечение иска состоит в наложении ареста на спорное имущество, либо на другое имущество или денежные суммы, принадлежащие ответчику.

В результате принятия мер по обеспечению иска создается реальная возможность для осуществления будущего решения.

По некоторым категориям гражданских дел суд обязан при приеме их к своему производству по собственной инициативе поставить на свое обсуждение и разрешить вопрос об обеспечении иска (ст. 100 ГПК УССР).

Нам думается, что в процессуальные нормы, регламентирующие институт обеспечения иска, следовало бы внести изменения и дополнения в направлении обязательного обеспечения исков государственных организаций к отдельным гражданам по некоторым категориям дел.

Особое значение в смысле обязательного обеспечения иска приобретает категория исков государственных организаций к отдельным гражданам о возмещении причиненного организации материального ущерба, так как практика показывает, что решения по таким делам нередко не могут быть исполнены вследствие того, что не были приняты меры по обеспечению иска.

Народный суд 2 участка Ленинского района г. Харькова удовлетворил исковые требования Харьковского строительномонтажного управления треста «Мясохладпромстрой» к Просоловой Ф. А. о возмещении недостачи, обнаруженной у ответчицы при проверке склада.

Исковые требования были удовлетворены. Однако при исполнении решения обнаружилось, что ко времени исполнения решения у ответчицы не оказалось имущества, на которое можно было бы обратить взыскание.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по взысканию матери-

ального ущерба, причиненного преступлением»¹ подчеркивает важность и необходимость принятия мер по обеспечению иска. При рассмотрении уголовных дел, — сказано в названном постановлении, — суды должны уделять серьезное внимание гражданскому иску, учитывая его важное значение как средства охраны имущественных интересов государственных и общественных учреждений... Если, несмотря на имеющиеся в деле данные о причинении преступлением ущерба, следственные органы не приняли соответствующих мер к обеспечению заявленного гражданского иска, суд по собственной инициативе должен постановить о принятии этих мер.

Необходимо поэтому в ГПК установить, что при приеме исков государственных организаций к отдельным гражданам о возмещении материального ущерба суд по своей инициативе выносит определение об обеспечении иска.

В ст. 106 ГПК УССР имеется указание о возможности применения института обеспечения иска и в тех случаях, когда ответчиками являются государственные организации.

Есть ли в этом необходимость? Думается, что такой необходимости нет, так как исполнение решений происходит путем обращения взыскания на денежные средства организации и может быть осуществлено в любой момент.

Применение мер по обеспечению иска путем наложения ареста на имущество госорганизации может привести к ущемлению ее интересов и к нарушению ее нормальной деятельности.

Желательно поэтому установить правило, что иски к государственным организациям обеспечению путем ареста их имущества не подлежат. Лишь в виде исключения обеспечение иска в таких случаях может быть допущено только путем запрещения совершения определенных действий.

4. Судебное заседание является главной стадией советского гражданского процесса, в которой происходит непосредственное осуществление правосудия.

В судебном заседании происходит исследование всех материалов дела и проверка доказательств, выясняются действительные права сторон и тем самым создаются основы для вынесения правильного решения.

Правильное рассмотрение дел, в которых затрагиваются имущественные интересы государственных организаций, является важным средством защиты государственной социалистической собственности.

Практика показывает, что гражданские дела, в которых затрагиваются имущественные права государственных организаций, в основном правильно рассматриваются и разрешаются. Однако нередко допускаются процессуальные ошибки,

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», № 5, 1954 г.

неправильно разрешаются важные процессуальные вопросы, в результате чего выносятся незаконные или необоснованные решения, чем ущемляются интересы и права государственных организаций.

В периодической литературе¹ неоднократно отмечались недостатки в практике судебных органов при рассмотрении дел о возмещении материального ущерба, причиненного государственными организациями (авторами статей, помещенных в указанном журнале, являются практические работники суда и прокуратуры, которые ежедневно сталкиваются с этими недостатками).

Анализируя причины этих недостатков, практические работники отмечают как неоперативность судебных органов, так и несовершенство процессуального законодательства.

Следует поэтому выяснить пробелы законодательства в данном вопросе и указать средства их восполнения.

Во многих случаях суды приостанавливают, а затем прекращают производство по гражданским искам государственных организаций о возмещении материального ущерба, причиненного хищением, растратой или недостачей, по тем основаниям, что не разрешено уголовное дело, так как должник скрылся².

Иногда действительно нельзя разрешить гражданский иск без предварительного разрешения уголовного дела, из которого он вытекает. Но во многих случаях гражданский иск может быть разрешен независимо от уголовного дела.

Такой порядок, в частности, может быть применен в тех случаях, когда иск предъявляется к материально-ответственным лицам так как здесь *предполагается* ответственность названных лиц.

Для освобождения от материальной ответственности указанные лица должны доказать свою невиновность. Если же такое лицо скрылось, то виновность его презюмируется, следовательно, есть все основания для разрешения дела по существу.

Поэтому необходимо в ГПК установить правило, что *связанные с уголовным делом гражданские иски организаций о возмещении материального ущерба, которые могут быть рассмотрены в порядке гражданского судопроизводства, должны быть разрешены по существу и в том случае, если должник скрылся.*

¹ См. журнал «Социалистическая законность», №№ 2, 4 за 1951 г.; № 4 за 1954 г.; №№ 5 и 9 за 1955 г.; №№ 3, 4, 5, 8 за 1956 г.

² Народный суд 4-го участка Дзержинского района г. Харькова приостановил производство по иску Дзержинского треста столовых к кладовщику Мошенскому о взыскании 3000 руб., так как ответчик скрылся. Семья ответчика проживает в г. Харькове.

Повестка в таких случаях вручается ответчику по месту его последнего жительства или нахождения имущества (ст. 72 ГПК РСФСР, ст. 86 ГПК УССР).

Когда истцы — государственные органы не могут указать адрес ответчика по гражданскому делу, некоторые судебные органы отказывают в приеме искового заявления, другие, приняв искомое заявление, приостанавливают, а затем прекращают производство по делу.

В таких случаях нарушаются указания, содержащиеся в ст.ст. 72 ГПК РСФСР и 86 ГПК УССР о том, что при неизвестности фактического местопребывания ответчика суд не обязан ожидать извещения о действительном получении повестки вызываемым, а назначает дело к слушанию по поступлении в суд копии повестки с надписью почтового органа или сельского Совета по месту нахождения имущества ответчика либо домоуправления последнего известного местожительства ответчика о получении повестки указанными органами или домоуправлением.

6. Вопрос о приостановлении производства по делу прямо регламентируется законом.

В ГПК РСФСР и УССР, а равно и в ГПК других союзных республик предусмотрены случаи обязательного и факультативного приостановления производства по делу (ст.ст. 113 и 114 ГПК РСФСР; ст.ст. 132 и 133 ГПК УССР).

Между тем нередко суды приостанавливают производство по делу вместо того, чтобы дело слушанием отложить.

Так, например, народный суд 2-го участка Дзержинского района г. Харькова приостановил производство по иску политехнического института к Хоменко о взыскании 185 руб. 61 коп., так как представитель истца не явился в судебное заседание. По истечении месячного срока это дело было производством прекращено.

Таким же образом в этом участке поступили и с делом по иску Харьковского государственного института мер и измерительных приборов к Шелестину П. А. о взыскании 2957 руб. 39 коп. ущерба, причиненного истцу недостатками материальных ценностей.

Такое приостановление и прекращение производства по делу приводит к ущемлению имущественных прав организаций. Ошибки в таких случаях выражаются в том, что отождествляются понятия: отложение дела слушанием и приостановление производства по делу.

Суды неосновательно приостанавливают производство по делу по мотивам неявки представителя государственной организации в суд. Они должны дело слушанием отложить, если необходимы личные объяснения представителя государственной организации (ст. 99 ГПК РСФСР, ст. 117 ГПК УССР).

В ст. 118 ГПК УССР сказано, что в случае неявки стороны без уважительных причин по вторичному вызову дело разрешается на основании имеющихся данных.

Таким образом, процессуальный закон ориентирует судебных работников на то, чтобы при неявке сторон *дело откладывалось слушанием* или *рассматривалось по существу*, исходя из конкретных обстоятельств. Как уже отмечалось, некоторые суды приостанавливают, а затем прекращают производство по мотивам неявки представителя госорганизации в суд. Это формальная, не основанная на законе, практика.

Зачастую не учитывается, что государственная организация не может направить своего представителя в суд (как потому, что у нее нет юридического работника, так и по иным причинам).

Исходя из этих соображений, необходимо в ГПК установить правило, которое совершенно бы исключало возможность неправильного приостановления и прекращения дел по мотивам неявки представителя организации в суд.

Необходимо установить, что *в случае неявки представителя организации в суд, и при невозможности слушания дела, так как необходимы личные объяснения представителя организации, дело слушанием откладывается. Дело рассматривается по существу при отсутствии причин для его отложения.*

7. Ущемляются имущественные права государственных организаций и в результате неправильного прекращения производства по делу.

Нередко судебные органы прекращают производство по делу по «малозначительности исковой суммы» или «за недостаточностью доказательств». Эти основания не могут служить причиной для прекращения производства по делу.

Народный суд 4-го участка Краснозаводского района г. Харькова по иску Орджоникидзевского райпищеторга к Матвиенко о взыскании 18 руб. 80 коп. вынес определение о прекращении дела по мотивам нецелесообразности его рассмотрения ввиду малозначительности исковой суммы.

С процессуальной точки зрения такая постановка вопроса неправильна. Если суд принял исковое заявление к своему производству, он обязан осуществить правосудие по данному иску. Осуществление же правосудия выражается в рассмотрении и разрешении дела по существу. Рассмотрев дело по существу, суд обязан вынести судебное решение.

Прекращение производства по делу по мотивам малозначительности исковой суммы по существу не отличается от отказа в приеме искового заявления. Но отказ в приеме искового заявления в тех случаях, когда дело подсудно суду, есть отказ в осуществлении правосудия.

Поэтому и прекращение производства по делу, когда суд обязан был рассмотреть его, есть также отказ в осуществлении правосудия. Кроме того, прекращение производства по делу по основаниям «незначительности суммы» не соотнобразуется с воспитательными функциями и задачами советского суда.

В практике нередко бывают случаи, когда суды прекращают дела по административным штрафам по основаниям «незначительности суммы», фактически поощряя незаконные действия недобросовестных лиц.

Если сумма иска незначительна и судебные расходы по делу превышают ее, то судья во время приема искового заявления должен указать истцу на нецелесообразность предъявления иска. Однако, если истец все же требует рассмотрения его иска, судья не вправе отказывать в приеме искового заявления.

8. Рассматривая гражданские дела, народные суды и другие судебные органы обнаруживают нарушения законности в деятельности предприятий, учреждений, колхозов и других организаций.

Советский суд не может пройти мимо этих нарушений, а должен принять меры к их устранению. Обнаружив неправильности в деятельности государственных организаций, суд должен вынести специальное определение (в литературе такие определения называются «особыми определениями»), в котором отмечает, в чем эти недостатки выражаются, и указывает на необходимость их ликвидации. Копия такого определения направляется той организации, у которой обнаружены эти недостатки. Кроме того, суд может направить копии этого определения и вышестоящему органу по отношению к этой организации, а также и партийным органам.

Вопрос об особых частных определениях гражданским процессуальным законодательством недостаточно урегулирован. Некоторые важные вопросы, поставленные практикой, до сих пор не разрешены.

В ГПК УССР вообще отсутствуют какие-либо указания по вопросу об особых частных определениях.

В ГПК РСФСР в ст. 246 сказано: «Суд высшей инстанции вправе по рассмотренному делу вынести частное определение с указанием на те допущенные судом неправильности, которые по характеру своему не признаны поводами для отмены решения, в целях устранения их в дальнейшей судебной практике».

Здесь отмечается, что вышестоящие суды могут выносить частные определения о недостатках в деятельности нижестоящих судов. Ничего не сказано о праве судов первой инстанции выносить особые частные определения и о характере этих определений.

Отсутствуют указания общего характера по данному вопросу и со стороны Пленума Верховного Суда СССР.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам»¹ в качестве недостатка в работе судебных органов при разрешении гражданских колхозных дел отмечается то, что «суды редко выносят частные определения по поводу выявленных при рассмотрении дела недостатков в работе колхозов и не сигнализируют о них соответствующим руководящим органам».

К. С. Юдельсон, отмечая значение особых частных определений, пишет: «Их значение очень велико, хотя на них некоторые судебные органы обращают мало внимания. Такое отношение к особым определениям должно быть решительно изменено»².

В правовой литературе неоднократно отмечался действенный характер этих определений в деле борьбы с недостатками в области защиты социалистической собственности.

М. Хмелинин в статье «Положительное в работе Воронежского областного суда»³ сообщает, что Воронежский областной суд, изучив судебную практику по гражданским делам о спорах между колхозами и подрядными организациями, вытекающих из договоров по строительству водохранилищ, насосно-силовых установок и электростанций в колхозах, установил грубые нарушения Устава сельскохозяйственной артели и факты извращения директив партии и правительства об укреплении общественного хозяйства колхозов со стороны отдельных работников треста «Водострой», Областной конторы «Главэлектро», «Гипроводхоз», Краснодарской конторы «Союзводпроект» и некоторых председателей колхозов. Автор сообщает, что областной суд вынес определение по этим вопросам и сообщил об этом директивным органам, в результате чего были приняты меры к наведению порядка в хозяйственных, проектных, строительско-монтажных организациях и ликвидированы факты указанных нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах области.

В судебной практике возникли различные вопросы, относящиеся к особым определениям сигнализационного порядка, поскольку до настоящего момента нет никаких указаний в гражданско-процессуальном законодательстве о порядке их вынесения и обжалования, их юридической силе и т. п.

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1957 гг., стр. 181.

² К. С. Юдельсон. «Основные задачи и формы деятельности суда первой инстанции в советском гражданском процессе». (См. Вопросы советского гражданского права и процесса, Госюриздат, 1955 г., стр. 116).

³ «Социалистическая законность», № 4, 1953 г., стр. 83.

Вопрос о порядке вынесения таких определений не вызывает каких-либо затруднений. Как и другие частные определения, они могут быть вынесены как в период рассмотрения дела, так и при вынесении решения.

Более сложными являются вопросы о возможности обжалования таких определений и об их юридической силе.

О. Степанова считает, что особые частные определения обжалованию не подлежат и что они могут быть опротестованы только в порядке судебного надзора¹.

Другая точка зрения высказана А. Цыпкиным² и В. Пучинским³, которые полагают, что особые частные определения подлежат обжалованию.

В связи с тем, что в ГПК содержатся особые правила обжалования частных определений, следует исходить из содержания этих правил.

В ГПК нет указаний на то, что какие-либо частные определения вообще не подлежат обжалованию. Все частные определения могут быть обжалованы. ГПК устанавливает только особый порядок для обжалования отдельных категорий частных определений. В одних случаях частное определение может быть обжаловано путем подачи отдельной частной жалобы, в других случаях на частные определения можно жаловаться вместе с кассационной жалобой, указав в ней, какие нарушения допустил суд при вынесении того или иного определения. Всякие действия суда могут быть обжалованы вышестоящему суду. Весь вопрос сводится к порядку обжалования особых частных определений.

Для того, чтобы гарантировать правильность определений и права заинтересованных лиц, следует в ГПК определить, что особые определения могут быть обжалованы путем подачи отдельной частной жалобы.

Другой важный вопрос — это вопрос о юридической силе особых определений, об их обязательности для тех организаций, в отношении которых они выносятся.

Поскольку эти определения носят характер сигнализации, они не могут обязывать должностных лиц к совершению тех или иных *конкретных действий*.

Однако, на основе указания суда, должны быть приняты меры к устранению недостатков, отмеченных в особом определении.

---

¹ О. Степанова. Положительный опыт вынесения частных определений по гражданским делам. «Социалистическая законность», 1952 г., № 5 стр. 65.

² А. Цыпкин. Частное определение суда в борьбе с нарушениями закона. «Социалистическая законность», № 7, 1953 г., стр. 34.

³ В. Пучинский. Особые определения суда первой инстанции. «Социалистическая законность», № 1, 1956 г., стр. 42.

Поэтому при разрешении данного вопроса нельзя считать, что выполнение особых определений целиком и полностью зависит от организации (должностных лиц), которой адресовано это определение.

Необходимо в процессуальный закон внести правило, которое регулировало бы вопрос об особых определениях суда, в котором указать, что если во время рассмотрения дела суд обнаруживает нарушения законности в деятельности предприятий, учреждений, колхозов и других организаций, он обязан вынести особое определение, где отмечает недостатки и нарушения, допускаемые должностными лицами и указывает на необходимость их быстрой ликвидации. Должностные лица обязаны произвести соответствующую проверку, принять меры к ликвидации нарушений, отмеченных судом, и сообщить об этом суду.

Судебным органам должно быть предоставлено право проверять исполнение особых определений и принимать меры воздействия к тем лицам, которые уклоняются от их исполнения, путем сообщения об этом вышестоящей организации и партийным органам.

Кандидат юридических наук П. Н. ПОДПАЛЬНЫЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ЧЛЕНСТВА В КОЛХОЗЕ

Социалистическое сельское хозяйство, основанное на передовой технике, создает все условия для успешного решения всенародной задачи крутого подъема всех отраслей сельскохозяйственного производства в наиболее короткое время. Однако уровень сельскохозяйственного производства определяется не только применением новейшей техники и рациональным использованием основного средства производства — земли.

В осуществлении огромных задач, которые ставятся XXI съездом Коммунистической Партии Советского Союза перед сельским хозяйством СССР в предстоящем семилетии, велика роль тружеников сельского хозяйства и прежде всего колхозников, которые своим самоотверженным трудом будут активно участвовать в подъеме и дальнейшем развитии колхозного производства. Труд в колхозе на началах членства материально заинтересовывает работника в развитии колхозного производства, связывает вознаграждение с результатами работы в колхозе, с результатом хозяйственной деятельности колхоза в целом.

Членство в колхозе создает особые условия труда, особую оплату труда, особую материальную заинтересованность члена колхоза в колхозном производстве.

В вопросах правового регулирования возникновения и прекращения отношений членства в колхозе основным источником теперь в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели»¹ является конкретный устав каждого колхоза. Однако надо иметь в виду, что самостоятельность колхозов в правовом регулировании своей деятельности должна осуще-

¹ Госполитиздат, 1956 г.

ствляться в полном соответствии с действующими законами и не должна нарушать основные принципы колхозного строительства, закрепленные Примерным уставом сельскохозяйственной артели и другими нормативными актами, изданными в развитие и дополнение Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 года. Было бы неправильным утверждение, что Примерный устав сельскохозяйственной артели утратил юридическое значение. Критика таких утверждений уже дана в советской юридической литературе¹.

Важнейшие положения, изложенные в ст. ст. 7, 8 и 20 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г. о порядке вступления в колхоз и выхода из него, как-то добровольность, равенство прав, достижения 16-летнего возраста для вступления в колхоз, соблюдение установленного Примерным уставом сельскохозяйственной артели кворума при решении вопросов приема в колхоз и исключения из колхоза не могут быть изменены уставами отдельных колхозов.

I. Возникновение членства в колхозах

Право на объединение трудящихся нашей страны в колхозы закреплено ст. 126 Конституции СССР.

Ст. 7 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г. и соответствующие статьи уставов отдельных колхозов устанавливают условия приема в члены колхоза, порядок оформления членства. Членами колхоза могут быть все граждане СССР, достигшие 16-летнего возраста, независимо от пола, от расовой и национальной принадлежности, происхождения.

Равенство прав и обязанностей членов артели прежде всего выражается в том, что колхозники имеют одинаковое право на труд, на оплату по труду, на отдых, право на ведение подсобного хозяйства, одинаковое право избирать органы управления в колхозах и быть избранными. Колхозники несут равную обязанность соблюдать устав артели, трудовую дисциплину, беречь колхозную собственность.

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. в ст. ст. 1 и 7 и соответствующие статьи уставов отдельных колхозов закрепляют также и принцип добровольности. Принцип добровольности, равенства прав и обязанностей вступающих в артели — важнейшие принципы колхозного строительства.

Еще в 1919 году, в речи на заседании 1-го съезда сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии В. И. Ленин говорил: «Сейчас наша задача — переход к общественной обработке земли, переход к крупному общественному хозяйству.

¹ И. В. Павлов. Существенные изменения в правовом регулировании хозяйственной деятельности колхозов в СССР, «Советское государство и право», 1956 г., № 4, стр. 39—49.

Но никаких принуждений со стороны Советской власти быть не может: никакой закон к этому не принуждает»¹.

В резолюции XVI съезда ВКП(б) (1930 г.) записано: «всякая попытка применения насилия или административного принуждения в отношении беднячко-средняцких масс в целях их присоединения к коллективам является нарушением линии партии и злоупотреблением властью»².

Согласно ст. 1 Примерного устава сельскохозяйственной артели и соответствующим статьям уставов отдельных колхозов трудящиеся крестьяне добровольно объединяются в сельскохозяйственную артель.

Вступление в колхоз является личным правом каждого поступающего. Это право осуществляется путем подачи письменного заявления или путем устного заявления правлению колхоза. Это заявление вносится в протокол заседания правления колхоза. Совершенно недопустимой является подача заявления от главы двора о вступлении в колхоз всех членов двора, ибо в таком случае остальные члены двора ограничивались бы в правоспособности, заключающейся в свободном выборе законом не воспрещенной профессии (ст. 5 Гражданского Кодекса РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик). Этим также нарушается принцип добровольности вступления каждого гражданина в колхоз. Недопустимым является также механическое зачисление в колхоз подростков членов колхозных дворов, достигших шестнадцатилетнего возраста без их заявления. Осуществление подростком трудовых процессов в колхозах в течение ряда лет еще не создает для них права членства в колхозах. Зачисление в члены колхоза подростков без их заявления является нарушением принципа добровольности. Подростки по достижении ими 16 лет должны подать заявление правлению колхоза о желании вступить в колхоз. Вопрос о приеме их в колхоз решает общее собрание колхозников. Вступительные взносы подростки не вносят. Поэтому утверждение П. П. Пятницкого³ о том, что дети колхозников по достижении шестнадцатилетнего возраста приобретают все права колхозников без подачи ими заявлений о приеме в колхоз, а следовательно, и без решения общего собрания колхозников, является неправильным, противоречащим статье 7 Примерного устава сельскохозяйственной артели и нарушающим принцип добровольности. По этим же соображениям является также неверным и утверждение Б. В. Ерофеева о том, что

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 26—27.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть III, издание 7, 1954 г., стр. 52.

³ Доц. Пятницкий. Сборник консультаций по вопросам колхозного права, изд. 1955 г., стр. 95, отв. 230.

дети колхозников по достижении ими 16-летнего возраста автоматически включаются в число членов колхоза («в упрощенном порядке») без особого заявления и без особого обсуждения их кандидатур на общем собрании колхозников¹.

Неправильным поэтому является, например, внесение в новый устав сельскохозяйственной артели Закотенского сельского Совета, Ново-Псковского района, Ворошиловградской области положения, в силу которого «члены семей колхозников, достигшие 16-летнего возраста, зачисляются в члены артели, без решения общего собрания»². Также неправильной является ст. 11 нового устава сельскохозяйственной артели им. Ленина г. Жданова, Сталинской области, в силу которой — дети колхозников, достигшие 16-летнего возраста, автоматически считаются членами колхоза³.

В прошлом в соответствии со ст. 7 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 года в колхоз не принимались кулаки и все лица, лишенные избирательных прав.

В связи с принятием в 1936 году Конституции СССР и законом об отмене лишения избирательных прав по суду⁴ эти ограничения утратили свое политическое и практическое значение.

В настоящее время практически может иметь место только одно ограничение в отношении лиц, желающих вступить в артель. Это — ограничение только возрастного порядка. Не могут быть приняты в члены артели лишь лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста.

К сожалению, еще и теперь в некоторых колхозах имеют место нарушения Примерного устава сельскохозяйственной артели в вопросах приема в члены колхоза. Так, например, не принимали в члены колхоза престарелых, инвалидов, а также осужденных в прошлом за совершение ими преступления и уже отбывших наказание. Для решения вопроса о приеме в члены колхоза необходимо простое большинство присутствующих. Между тем в ряде случаев решения о приеме в члены колхоза выносились и тогда, когда не было простого большинства присутствующих.

Нарушения предусмотренного Примерным уставом сельскохозяйственной артели порядка приема новых лиц в колхозы проявляются и в том, что прием этих лиц производится

¹ Ерофеев Б. В. Особенности правового положения колхозов, расположенных в городах, изд. 1955 г., стр. 18, 21.

² Ст. 2 абзац 2 устава артели, зарегистрированного решением исполкома Ново-Псковского районного Совета депутатов трудящихся 21 марта 1957 года.

³ Устав зарегистрирован решением исполкома Ждановского городского Совета депутатов трудящихся, Сталинской области 21 февраля 1957 года.

⁴ Постановление Верховного Совета СССР от 25 декабря 1958 г. Издательство «Известий Советов депутатов трудящихся СССР. М., 1959 г., стр. 50.

только правлением колхоза, без последующего утверждения решений правления общим собранием колхозников. Например, правление колхоза им. Ворошилова Благодарненского района, Ставропольского края приняло агронома МТС П. Н. Медведеву в члены колхоза, назначило ее бригадиром производственной бригады. Вопрос же о ее приеме в колхоз общим собранием колхозников не обсуждался¹.

Неправильным является внесение в устав сельскохозяйственной артели им. Шевченко Красноградского района Харьковской области положения, в силу которого допускается прием в члены артели лиц, достигших десятилетнего возраста, что и отмечено в решении Харьковского областного Совета депутатов трудящихся 18 февраля 1957 г.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели»² в настоящее время в некоторых колхозах, расположенных на территории нескольких населенных пунктов с большей землеобеспеченностью, создается институт уполномоченных. От каждых десяти (или пяти) членов колхоза на бригадных собраниях избирается один уполномоченный. Там, где создан институт уполномоченных, вопрос о приеме в члены колхоза может решать собрание уполномоченных³.

Одним из условий вступления в колхоз является уплата денежного вступительного взноса, обобществление части имущества крестьянского двора, подлежащего обобществлению, и передача приусадебного участка и земельных угодий, находящихся в пользовании крестьянского двора, в земельный фонд колхоза. Однако в новый устав сельскохозяйственной артели «Шлях Ленина», им. Ленина Харьковского района все не включен раздел об обобществлении имущества при вступлении в артель.

Конечно, могут иметь место случаи принятия в члены артели лиц, не имеющих имущества, подлежащего обобществлению (рабочих, служащих, пенсионеров).

Отсутствие у вступающих в артель имущества, подлежащего обобществлению, создает положение, при котором у этих членов артели нет паевого взноса, но невнесение паевого взноса не влияет на права этих лиц, как членов колхоза.

Неправильным являются действия некоторых правлений

¹ «Сельское хозяйство» от 24 сентября 1955 года.

² Госполитиздат 1956 г.

³ Ст. 19 п. «б» Устава сельскохозяйственной артели им. Андреева Вознесенского сельского Совета, Шебекинского района, Белгородской области, РСФСР; ст. 28 Устава сельскохозяйственной артели «Здобуток Жовтня» с. Тального, Тальненского района, Черкасской области, УССР.

колхозов, которые при наличии в колхозном дворе продуктивного скота или пчел сверх норм, предусмотренных уставом, выносят решения об обобществлении продуктивного скота или, например, пчел. Наличие в колхозном дворе продуктивного скота сверх норм, предусмотренных уставом артели, или наличие пчелиных ульев сверх норм является нарушением устава сельскохозяйственной артели и влечет последствия, предусмотренные ст. 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели. Продуктивный скот, пчелы в этом случае подлежат реализации главой двора путем продажи или другим способом.

Внесение вступительных и паевых взносов характерно для всякого кооперативного объединения. Однако паевой взнос колхозников существенно отличается от паевых взносов, например, в промысловой кооперации. Крестьянин, вступающий в колхоз, не может внести свой пай в денежном виде. Крестьянский двор, не имеющий имущества, подлежащего обобществлению, при вступлении в колхоз паевого взноса не производит. В промысловой кооперации паевые взносы вносятся деньгами. Паевые взносы промысловой кооперации вносятся каждым вступающим в отдельности. В колхозе же они вносятся двором в целом.

Паевые взносы составляют не личную собственность членов колхоза, а общественную, колхозную собственность. Суммы паевых взносов членов артели принято называть паевым фондом колхоза. Поэтому на паевые взносы нельзя обращать взыскания по долговым обязательствам колхозников. Требовать возврата паевых взносов в денежном выражении может только колхозный двор, прекративший свое существование, а не отдельные его члены, выбывающие из колхоза.

Членство в колхозе сохраняется за колхозниками, призванными в ряды Советской Армии, Военно-Морского, Воздушного Флота, за избранным и откомандированным на партийную, советскую, профсоюзную работу или на иные выборные должности, за ушедшими в отходничество в установленном в законе порядке, за лицами, посланными колхозом на учебу в порядке подготовки колхозных кадров. Старость, нетрудоспособность, инвалидность не прекращает членства в колхозе.

Между тем на практике имеют место исключения из колхозов в связи со старостью, инвалидностью, отходничеством. Отходничество — это правовая форма набора рабочей силы в колхозах для промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства на основе договоров с колхозами и колхозниками.

Все правоотношения колхозника-отходника с хозяйственной организацией регулируются трудовым договором, заключенным на основе утвержденного Правительством типового

договора по данной отрасли народного хозяйства. Поскольку колхозник-отходник вступает в трудовые правоотношения с государственной хозяйственной организацией, на него распространяются нормы трудового законодательства, т. е. он пользуется всеми правами рабочего и несет обязанности, предусмотренные нормами трудового права. Но переход колхозников на работу в промышленность и другие отрасли народного хозяйства в порядке отходничества не прекращает членства в колхозе.

Колхозники, не возвратившиеся из отходничества в свой колхоз по окончании срока договора, по решению общего собрания колхозников, могут быть признаны выбывшими из колхоза.

II. Прекращение членства в колхозе

Членство в колхозе прекращается в виду выхода из колхоза по заявлению колхозника, перехода его из одного колхоза в другой, переселения в другую местность, ликвидации колхоза, исключения из колхоза, невыработки в течение года обязательного минимума трудодней, смерти члена колхоза, преобразования колхоза в совхоз.

С прекращением членства в колхозе прекращаются как личные, так и трудовые и имущественные права бывшего колхозника.

Исходя из принципа добровольности участия в колхозе, допускается выход из колхоза по заявлению колхозника. Однако заявление о выходе из колхоза должно быть обсуждено на общем собрании колхозников или на собрании уполномоченных колхоза там, где введен этот институт. Принцип добровольности необходимо увязать с принципом организованности, поскольку выбывающий связан с работой в колхозном производстве, входит в состав бригады звена и т. п.

Механическое одностороннее прекращение трудовых отношений членом колхоза с колхозом может отрицательно сказаться на работе колхоза. В интересах обеспечения производственной деятельности колхоза выбывающий член колхоза должен прекратить работу в сроки, указанные решением общего собрания колхозников.

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 года не определяет порядок выхода из колхоза по заявлению колхозников. Отсутствие указаний в Примерном уставе сельскохозяйственной артели и в других нормативных актах, изданных в развитие и дополнение Примерного устава, на возможность выхода из колхоза по заявлению колхозника нередко влекло за собой нарушение принципа добровольности, одного из важнейших принципов колхозного строительства. Эти нарушения выражались в отказе общим собранием колхознику

в выходе из колхоза. Однако ряд уставов сельскохозяйственной артели, принятых в настоящее время, этому вопросу уделяет значительное внимание. Так, например, новый устав сельскохозяйственной артели им. Калинина Васильевского района Днепропетровской области по вопросу о выходе из колхоза требует решения общего собрания колхозников.

Новый устав сельскохозяйственной артели им. Крупской Московского района Московской области также требует решения общего собрания колхозников по вопросу о выходе из колхоза, а выход из колхозов без решения общего собрания колхозников считает самовольным уходом.

Чаще всего выход из колхоза по заявлению колхозника имеет место в связи с учебой, вступлением в брак, и в связи с этим с переездом в другую местность, с поступлением на работу в государственные, общественные и кооперативные предприятия, организации и учреждения.

Колхозников, самовольно оставивших работу в колхозе (т. е. ушедших без решения общего собрания колхозников), общее собрание колхозников вправе исключать из колхоза, что влечет за собой определенные последствия, например, уменьшение приусадебного участка, лишение пастбища, сенокосов¹, увеличения ставок сельхозналога².

При переходе колхозника из одного колхоза в другой прекращается членство в старом колхозе и возникает членство в новом колхозе. Причиной перехода из одного колхоза в другой может быть вступление в брак с членом другого колхоза, переход на работу в качестве агронома, зоотехника, счетовода и др., избрание председателем другого колхоза. Для таких переходов требуется решение общего собрания обоих колхозов. *

При переселении колхозников в другую местность они выбывают из числа членов прежнего колхоза и становятся членами нового колхоза.

При ликвидации колхозов, в связи с отводом земель колхозов для государственных надобностей, также происходит прекращение членства. При ликвидации колхоза производится расчет с его членами по трудодням, независимо от того, окончен или не окончен хозяйственный год. Об обстоятельствах, вызывающих в отдельных случаях необходимость ликвидировать колхоз, и о порядке прекращения членства в случае ликвидации колхоза можно судить по постановлению СНК СССР от 5 мая 1940 года «О переселении из зон затопления

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели», Госполитиздат, 1956 г., стр. 9.

² Ст. 6 и 7 Закона о сельскохозяйственном налоге.

Рыбинского и Угличского водохранилищ»¹. Согласно этому постановлению (ст. 5), колхозы, подлежащие ликвидации в связи с переселением колхозников в другую местность, обязаны до ликвидации выполнить полностью свои обязательства перед государством и погасить выданные им ссуды. В случае переселения всех колхозников ликвидируемого колхоза обобщественное имущество неделимого фонда этого колхоза передается другим колхозам по решению исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся.

В том же порядке были ликвидированы некоторые колхозы в связи со строительством Каховской, Сталинградской, Куйбышевской и других гидроэлектростанций и отводом земель, попадавших в зоны затопления, — что повлекло за собой прекращение членства в этих колхозах.

При укрупнении нескольких мелких колхозов (слиянии в один колхоз) не происходит ни выхода из колхоза, ни вступления заново в члены, следовательно, нет места прекращения членства или возникновения членства.

Принцип добровольности членства здесь не нарушается, поскольку самое слияние мелких колхозов происходит по воле общих собраний колхозников. Члены прежних колхозов составляют членский состав нового колхоза.

Выбытие из состава членов артели может иметь место не только в порядке выхода по заявлению члена артели, но и помимо их воли, т. е. в порядке исключения из артели. Исключение из состава членов артели является крайней мерой воздействия на лиц, нарушающих устав сельскохозяйственной артели, трудовую дисциплину или не выполняющих такие обязанности, несоблюдение которых влечет за собой исключение. Исключение может иметь место лишь после того, как все меры воздействия, предусмотренные ст. 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели и соответствующими статьями уставов отдельных колхозов, были приняты и не дали положительных результатов. Исключение из колхоза может иметь место только по основаниям, указанным в Примерном уставе сельскохозяйственной артели (ст. ст. 8 и 17 Устава) и других нормативных актах, изданных в развитие и дополнение Примерного устава сельскохозяйственной артели. Такими основаниями могут быть: 1) нарушение устава сельскохозяйственной артели; 2) нарушение трудовой дисциплины; 3) сдача в аренду или передача в пользование другим лицам приусадебного участка или его части, хотя бы и без оплаты²; 4) невоз-

¹ СП СССР, 1940 г., № 15, стр. 366.

² Ст. 5 Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», СП и Р. СССР, 1939 г., № 34, ст. 235.

вращение из отходничества в колхоз по истечении срока договора.

Согласно ст. ст. 8 и 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 года исключение колхозника из колхоза может иметь место только по решению общего собрания колхозников. Для законности решения об исключении колхозника из колхоза необходимо присутствие на общем собрании колхозников не менее $\frac{2}{3}$ общего числа членов колхоза. Решение об исключении колхозника из колхоза принимается простым большинством голосов присутствующих при открытом голосовании.

Вместе с тем следует иметь в виду, что постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 года «О запрещении исключения колхозников из колхозов»¹ было запрещено: 1) проведение чистки колхозов под каким бы то ни было предлогом; 2) исключение из колхозов членов семей колхозников по мотивам ухода одного из членов семьи на временную или постоянную работу в государственные предприятия, 3) исключение из колхоза за нарушение правил внутреннего распорядка.

Этим постановлением подчеркивалось, что исключение из колхоза может иметь место только по решению общего собрания колхозников, а не правления колхоза. Этим постановлением устанавливается новый порядок, согласно которому решение общего собрания колхозников об исключении колхозника не вступает в законную силу до окончательного рассмотрения этого вопроса райисполкомом, причем запрещается не допускать к работе исключенного из колхоза общим собранием колхозников до рассмотрения этого вопроса райисполкомом. Это исключило имевшие место споры о взыскании денег за вынужденный прогул в том случае, когда райисполком отменял решения общих собраний колхозников об исключении из колхоза.

К сожалению, иногда и в настоящее время имеет место, вопреки постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 года, неправильное исключение колхозников из колхоза, с ссылкой на то, что члены семьи, особенно глава семьи, работает в государственном предприятии, или на нарушения правил внутреннего распорядка.

В колхозе «Шлях комунізма» 11 декабря 1951 года по решению общего собрания колхозников, за нарушение правил внутреннего распорядка исключили колхозницу Наталию Гончарову. Боровской райисполком Харьковской области 11 января 1956 года решение общего собрания колхозников отменил, как незаконное. Купянский райисполком Харьковской области

¹ СП СССР, 1938 г., № 18, стр. 115.

4 февраля 1956 года отменил решение общего собрания колхозников об исключении колхозника Трущенева Ф. Я., ибо он был исключен на том основании, что дочь его Трущенева, будучи дояркой, оставила работу в колхозе и не работает; в то же время сам Трущенев Ф. Я. в 1955 году выработал 600 трудодней, а его жена — 345.

В 1955 году колхоз Липецкого района Харьковской области «Путь к коммунизму» и колхоз им. К. Маркса рядом решений общих собраний колхозников исключили из колхоза престарелых колхозников Благого А. Ф., Штанда Ф. И., Рыбалко У. И., Белоконь Л. Ф., Турковского В. М., Деревянко К. Д. на том основании, что члены их семей не работают в колхозе, а работают на предприятиях. Липецкий райисполком неправильно утвердил эти незаконные решения. По предложению председателя Харьковского областного Совета депутатов трудящихся Липецкий райисполком пересмотрел свое решение и отменил решения общих собраний колхозников.

На практике имеет место исключение из колхоза и по нетрудоспособности.

Так, например, правление сельскохозяйственной артели имени Сталина, Медведовского района, Марийской АССР решением своим в сентябре 1957 года исключило из артели колхозницу Егорову в связи с длительной ее болезнью, а потому и не работающей в артели. Одновременно было отрезано у Егоровой часть приусадебного участка.

Факт незаконного исключения колхозницы Егоровой из артели правлением артели, а не общим собранием колхозников, как сообщает редакция газеты «Сельское хозяйство»,¹ установлен Медведевским райисполкомом.

Райисполкомом было предложено правлению артели обсудить жалобу Егоровой на общем собрании колхозников. В практике имеют место случаи, когда райисполкомы отменяют решения общих собраний колхозников без ведома членов колхоза.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в своем постановлении от 6 марта 1956 года «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозного производства и управления делами артели»² отмечают неправильность такого положения, когда решения общих собраний колхозников об исключении членов артели из колхоза отменялись райисполкомом без ведома колхозников. Это давало повод нерадивым колхозникам не считаться с мнением и ин-

¹ См. газету «Сельское хозяйство» — 18 января 1959 г. — «Права колхозницы Егоровой должны быть восстановлены».

² Госполитиздат, 1956, стр. 10.

тересами всего коллектива, принижало роль общих собраний и снижало ответственность колхозников за принятые ими решения.

Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР считают целесообразным, чтобы жалобы колхозников об исключении из колхозов, поступающие в райисполком, повторно рассматривались общим собранием колхозников, постановление которых являлось бы окончательным, т. е. не подлежащим обжалованию.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР рекомендуют самим колхозникам, дополняя и изменяя отдельные положения Примерного устава сельскохозяйственной артели, с учетом местных конкретных условий, устанавливать такой порядок, в силу которого вопросы об исключении колхозников из колхоза решаются ими на общем собрании колхозников или на собрании уполномоченных колхоза.

Таким образом, райисполком, считая жалобу, исключенного колхозника основательной, не должен отменять решение общего собрания колхозников, как это имело место ранее, а лишь рекомендует колхозу пересмотреть вопрос об исключении колхозника из колхоза. Вторичное решение колхозников является окончательным и обжалованию не подлежит. При вторичном решении общего собрания колхозников об исключении из колхоза колхозник не может подавать жалобу в райисполком.

В практике бывают случаи, когда неправильно исключенный из колхоза приносит жалобу прокурору. По смыслу ст. 13 и 14 Положения о прокурорском надзоре СССР¹ прокурор имеет право принести общему собранию колхоза протест, причем общее собрание обязано в десятидневный срок рассмотреть этот протест и принять необходимые меры к устранению нарушений закона. Надо полагать, что окончательное решение вопроса все же остается за общим собранием. Закон не дает права прокурору самому отменять решение общего собрания.

Неправильным является внесение в новые уставы сельскохозяйственных артелей Груньского района Сумской области положений, в силу которых для решения вопроса об исключении из членов артели достаточно простого большинства присутствующих членов артели, а не двух третей.

В уставы некоторых сельскохозяйственных укрупненных артелей, где созыв общих собраний невозможен, внесены положения, в силу которых вопрос о приеме в колхоз и об исключении из колхоза решает собрание уполномоченных.

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. (Социалистическая законность, 1955 г., № 7).

Так, например, в новый устав сельскохозяйственной артели «Здобуток Жовтня», Тальновского района Черкасской области (ст. 30) внесено положение, в силу которого вопрос о приеме в артели и об исключении из артели решает общее собрание уполномоченных.

Вторичное решение собрания уполномоченных об исключении из колхоза окончательное и обжалованию не подлежит. Эти положения вытекают из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года.

Выбытие из колхоза колхозников в связи с невыработкой ими обязательного минимума трудодней также является одним из оснований прекращения членства в колхозе.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»¹ впервые был установлен для трудоспособных колхозников в возрасте от 16 до 60 лет и колхозниц в возрасте от 16 до 55 лет обязательный минимум трудодней. Согласно этому постановлению трудоспособные колхозники и колхозницы, которые без уважительных причин не выработали установленного для них в течение года обязательного минимума трудодней, считались выбывшими из колхоза. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»² вновь подтвердило это положение. Но это — крайняя мера.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» общему собранию колхозников рекомендовано уменьшать размеры приусадебных участков колхозных дворов, если члены двора не вырабатывают без уважительных причин обязательный минимум трудодней.

Кроме того, хозяйства колхозников, отдельные члены семьи которых без уважительных причин не выработали в истекшем году установленного минимума трудодней в колхозе, уплачивают налог с повышением на 50 процентов³.

Членство в колхозе прекращается в связи с преобразованием некоторых колхозов в совхозы. Вопрос о преобразовании колхозов в совхозы решается на основе добровольного согласия колхозников по решению общих собраний членов колхозов большинством голосов в присутствии не менее двух третей членов артели. После утверждения решения общего собрания райисполкомом деятельность колхозов прекращается.

¹ СП и Р. СССР, 1939 г., № 34, ст. 235.

² См. «Правда» 17 апреля 1942 г.

³ Ст. 6 Закона о сельскохозяйственном налоге.

Передача колхозного имущества некоторых колхозов — совхозам производится без выкупа, а расходы, связанные с выплатой колхозникам по заработанным ими трудовым дням, производятся за счет средств государства (т. е. совхозом).

Члены колхоза, деятельность которого прекращается, принимаются с их согласия на постоянную работу в совхоз с учетом их трудовой квалификации и опыта в работе.

Споры колхозников с колхозами о взыскании продуктов и денег за трудовые дни, за вынужденный прогул в связи с исключением из колхоза и восстановлением колхозников на работе в колхозе могут быть предметом судебного рассмотрения, как это разъяснено инструкцией НКЮ и НКЗ УССР от 2 ноября 1937 года¹. В этих случаях суд, исходя из среднего количества выработанных колхозником трудовых дней, взыскивает с колхоза стоимость последних за один месяц. За остальное же время прогула возможно взыскание лишь с лица, признанного судом непосредственно виновным в неправильном исключении колхозника из колхоза: (председателя колхоза, члена правления, бригадира и других должностных лиц колхоза).

Нормы Примерного устава сельскохозяйственной артели, а также постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 года «О судебной практике по гражданским колхозным делам»² в части судебного порядка разрешения трудовых споров колхозников с колхозами явно устарели и не соответствуют общему принципу защиты трудовых прав в судебном порядке. Было бы более правильным, чтобы споры о неправильном исключении колхозников из колхозов рассматривались в судебном порядке в соответствии со ст. 2, пункт «б» — Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик³.

В этих случаях прокурор, считающий решение общего собрания колхозников незаконным, мог бы воспользоваться правом, предоставленным ему статьей 2 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик.

¹ СЗ УССР, 1937 г., № 53, ст. 194.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1950 г., № 7.

³ Постановление Верховного Совета СССР от 25 декабря 1958 г., Издательство Известий Советов депутатов трудящихся, М., 1959 г., стр. 76.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
С. И. Вильнянский, А. А. Пушкин. К вопросу о кодификации гражданского законодательства.....	3
М. И. Бару. Понятие и содержание возмездности и безвозмездности в советском гражданском праве	19
С. И. Вильнянский. Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР	65
И. М. Полунов. О сущности и гарантиях права на труд в СССР	81
В. П. Ежова. Правовое положение организаций розничной торговли в системе Министерств торговли союзных республик	103
С. К. Веткин. Правовое положение межколхозных строительных организаций	121
В. С. Шелестов. Экспертиза качества товаров народного потребления и ее правовое значение	139
С. Ю. Кац. К вопросу о защите имущественных интересов государственных организаций гражданско-процессуальными средствами	167
П. Н. Подпальный. Возникновение и прекращение членства в колхозе.....	183